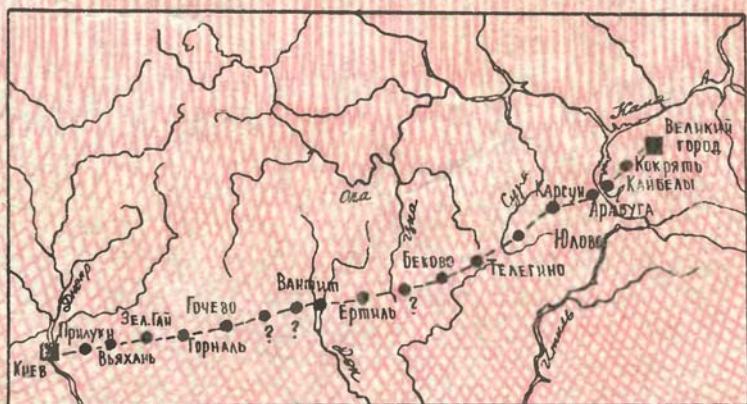

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КАЗАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ им. Г. ИБРАГИМОВА
АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ПУТЬ ИЗ БУЛГАРА В КИЕВ

КАЗАНЬ-1992

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КАЗАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ им. Г. ИБРАГИМОВА

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

П У Т Ъ
ИЗ БУЛГАРА В КИЕВ

КАЗАНЬ-1992

Настоящий межреспубликанский сборник научных статей включает в себя материалы научной конференции "Путь из Булгара в Киев", проведенной 26-27 февраля 1991 г. учеными Казани (Институт языка, литературы и истории им.Г.Ибрагимова) и Киева (Институт археологии).

Печатается по решению Ученого совета ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова КНЦ РАН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик П.П.ТОЛОЧКО, А.П.МОЦЯ, П.Н.СТАРОСТИН,
А.Х.ХАЛИКОВ (составитель и ответственный редактор).

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Ф.Ш.ХУЗИН   - кандидат исторических наук;
Р.С.ОРЛОВ   - кандидат исторических наук

КИЕВСКАЯ РУСЬ И ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ

Более тысячи лет тому назад на просторах лесостепи Восточной Европы образовалось два сильных государства - Киевская Русь и Волжская Булгария, определявшие историческое развитие регионов в течение нескольких столетий. Несмотря на различия в этническом составе населения, религии, культурных традициях, политической организации, Русь и Булгария с первых дней своего существования установили между собой тесные связи. Для порубежных земель они были практически повседневными, выражавшимися в том числе во взаимной помощи в голодные годы продуктами питания. Более отдаленные регионы поддерживали между собой взаимовыгодные торговые отношения.

Не обходилось, разумеется, и без военных столкновений, но они не носили характера длительного противостояния. Поход киевского князя Святослава на Хазарский каганат в 965 г., окончившийся его блестящей победой, объективно оказался на пользу Волжской Булгарии. После этого она обрела полную независимость от сильного соседа с юга и получила широкие возможности экономического развития.

Поход Владимира на Волжскую Булгарию в 985 г. привел к установлению между двумя странами мирных отношений. По словам летописи, Владимир и его окружение пришли к выводу о невозможности получения дани от болгар, а те, в свою очередь, заявили: "Толи не будет между нами мира, оли камень начнет плавати, а хмель почнет тонути" (I, с.59).

Мирный договор, видимо, был подтвержден болгарским посольством в следующем году. Именно это было главной целью его прихода в Киев. При этом имело место и предложение взять их мусульманскую веру, которую только недавно приняли сами. Владимир и его окружение отклонили предложение болгарских послов. Своеобразной ратификацией мирного договора Руси и Волжской Булгарии явилась женитьба Владимира на болгарской принцессе. Немецкий ученый Людольф Моллер полагает, что Борис и Глеб были сыновьями Владимира и знатной болгарки. Одним из оснований этому, согласно немецкому исследователю, являлся тот факт, что Борис и Глеб княжили соответственно в Ростове и Муроме, землях, граничивших с Волжской Булгарией (2, с.II).

В 990 г., как явствует из Никоновской летописи, Русь пытается распространить христианство на волжских болгар и с этой

целью посылает к ним философа Марка Македоняна. Результат его миссии был, практически, такой же, как и болгарских проповедников. Свидетельство летописи о прибытии из Булгар к Владимиру четырех князей, якобы просвещенных божественным крещением, не меняет сути дела. Оба государства остались верны своим религиозно-идеологическим системам. Политическая и религиозная жизнь Булгарии была ориентирована на арабский мир, Руси - на Византию, что, впрочем, не мешало им поддерживать тесные торговые отношения.

В течение нескольких веков успешно функционировал торговый путь Булгар - Киев. Известен он со времен Джейхани (ок. 900 г.), обстоятельно описан ал-Идриси в 1154 г. в его знаменитой книге "Услада путешествующих вокруг света". Две соседние страны нуждались в продукции друг друга. В.Н.Татищев, используя не дошедший до нас источник, отмечает, что во времена Владимира Святославича болгарские купцы имели разрешение свободно торговать в городах по Волге и Оке, а русские купцы получали аналогичную свободу на территории Булгарии. "И дал им (Владимир болгарским купцам - П.Т.) во все грады печати, дабы они везде и всем волно торговали, и русские купцы с печатями от наместников в Болгары с торгом ездили без опасения" (3, с.69).

Об участии Руси в торговле с Булгаром сообщают восточные авторы Ибн Русте, Ибн-Фадлан и др. Археология подтверждает эти письменные свидетельства. Культурные слои городов Волжской Булгарии содержат вещи русской работы, а городов Киевской Руси - изделия, происходящие из Булгарии. В большей мере чем ремесленные изделия, в двухсторонние торговые операции вовлекалась продукция сельского хозяйства и промыслов. Значительное место занимала также торговля рабами, которые продавались в Хорезм и страны Арабского Халифата.

Путь Киев - Булгар был, по существу, частью огромной трансевропейской торговой системы путей. Из Булгара они уходили на Балтику, Каспий и Арабский Восток, из Киева - к черноморским, балтийским и западноевропейским рынкам. Таким образом, Киевская Русь и Волжская Булгария являлись естественными посредниками между Востоком и Западом, Югом и Севером. Для арабов Булгар был воротами в мир восточных славян, финно-угров, балтов и скандинавов, стран Западной Европы. Аналогичную роль выполнял Киев в торговле Руси и стран Западной Европы с Арабским Востоком.

Экономическое взаимодействие Киевской Руси и Волжской Булгарии имело большое значение для народов, окружающих их. Они как бы

интегрировались в культурные системы двух стран, перенимая передовые достижения арабской и византийской цивилизаций. Сказанное справедливо и по отношению их этнической истории. Булгария оказала решающее воздействие на формирование тюркоязычных народов региона, на сложение современных волжских татар, Русь содействовала вхождению в восточнославянский этнос печенегов, половцев, финно-угров и других средневековых народов.

Схожей оказалась и судьба двух соседних стран. Они практически одновременно были повержены ордями Чингис-хана и Батяя. Великий город на Волге подвергся разгрому осенью 1236 г., Киев - осенью 1240 г.

Исследователи неоднократно обращались к теме Волжская Булгария и Киевская Русь. Ей посвящены работы Б.А.Рыбакова, В.Л.Янина, В.В.Кропоткина, А.Х.Халикова, И.В.Дубова и других археологов. Особо следует выделить исследование Б.А.Рыбакова, в котором он предпринял попытку реконструировать путь Булгар - Киев, на основании анализа письменных источников (4). В целом она не вызвала сколько-нибудь принципиальных возражений, но, как и всякая теоретическая модель, нуждалась в обосновании конкретными материалами.

В 1988 г. между Институтом археологии Академии наук Украины и Институтом языка, литературы и истории им.Г.Ибрагимова Академии наук Татарстана было заключено соглашение о совместном археологическом изучении знаменитого торгового пути Булгар - Киев. Поисковая экспедиция под руководством А.Х.Халикова и А.П.Моци в течение трех лет (1989 - 1991 гг.) вела тщательные исследовательские работы на западной, русской и восточной, болгарско-буртаской частях пути. В процессе выполнения темы состоялись две научные конференции в Воронеже (1990 г.) и Казани (1991 г.), на которых подверглись обсуждению многие проблемы взаимоотношений Киевской Руси и Волжской Булгарии, в том числе и результаты археологических исследований последних лет.

Предложенная вниманию читателей книга содержит много новой интересной информации об экономическом взаимодействии двух стран, о месте и роли в этом взаимодействии торгового пути Булгар - Киев, о его трассе, местах гостыбы и караван-сараев, системе охраны и функционирования, товарах, участвовавших в торговле и др.

Книга является примером плодотворного научного сотрудничества ученых Украины и Татарстана, которое имеет хорошие перспективы.

1. Повесть временных лет. Ч I.-М.-Л., 1950.
2. Müller L. Die altrussischen biografischen Erzählungen und liturgischen. Dichtungen über die heiligen Boris und Gleb. München, 1967.
3. Татищев В.Н. История Российская.-Т.П.-М.-Л., 1963.
4. Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев//МИА -№ 169, 1969.

Академик АН Украины Толочко П.П.

Моця А.П. (Киев)

ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КИЕВА И БУЛГАРА В IX-XIII вв.

Многовековые контакты населения Поднепровья и Поволжья в эпоху Средневековья выразились, в частности, в установлении тесных торгово-экономических связей между столицами двух крупнейших государств восточноевропейского региона - Киевской Руси и Волжской Булгарии. В научной литературе уже отмечалось, что тесные и мирные взаимоотношения волжских булгар со славянским населением лесостепного Поднепровья прослеживаются уже на материалах конца I тысячелетия н.э. (1, с.168). Одним из первых восточнославянских городов, развивавших интенсивные связи в восточном направлении, был именно Киев (2, с.6).

Рассмотрение любого аспекта процесса контактов населения различных территорий целесообразно проводить на фоне общей картины этих взаимоотношений (т.е. идти от общего к частному), что и будет кратко проведено в данной работе.

Следует отметить, что помимо схожих географических условий обитания и имеющихся природных запасов сырья рассматриваемые регионы в средневековый период (а точнее в конце I тысячелетия н.э.) были связаны между собой противостоянием одному сопернику - Хазарскому каганату, правителям которого на протяжении определенного времени были подвластны средневожские и часть среднеднепровских территорий. Немаловажную роль в связи с этим играла посредническая роль Хазарии в торгово-экономических связях упомянутых районов Восточной Европы. Несомненно, что основная часть прибыли из торговых операций также оставалась хазарам.

Торговые маршруты в западном направлении из территории Поволжья в это время могли начинаться из Волго-Камского междуречья, но также и южнее - через Переволоку в районе современного Волгограда на Дон и далее в направлении Крыма, Константинополя и Киева.

Нужно отметить, что социально-политический уровень развития всех трех вышеупомянутых раннеклассовых образований был в то время приблизительно равным. Их правители были заинтересованы в получении различных благ цивилизации и за счет разнообразных международных контактов пытались решать эти проблемы. Этому способствовало географическое расположение Восточной Европы на путях древних торговых магистралей между Западом и Востоком.

Тесное переплетение интересов противостоящих стран иногда приводило к получению дивидендов соседом, не участвовавшим в конкретной акции. Так, например, произошло в отношении Волжской Булгарии, которая стала полностью самостоятельной после разгрома Святославом Игоревичем Хазарии в 60-е годы X в. (З, с.199). И хотя А.П.Новосельцев предполагает, что хазарское государство окончательно было ликвидировано лишь через столетие, можно говорить, что с упомянутого времени (второй половины X в.) в экономическом плане оно уже не было серьезным соперником булгарам при осуществлении международных торговых операций.

Это укрепило, в частности, и военный потенциал Булгарии, с чем пришлось столкнуться уже Владимиру Святославичу в 985 г. в его волжском походе. Военный и экономический паритет обеих сторон, вероятно, привел к заключению взаимовыгодных отношений, которые положили начало многолетним тесным контактам (4, с.9; с.51). Необходимо отметить, что при жизни упомянутого киевского князя торговые отношения были подтверждены специальным соглашением 1006 г.: "...прислали болгары (волжские) послов с дары многими, дабы Владимир позволил им в городах по Волге и Оке торговать без опасения, на что им Владимир охотно соизволил и дал им во все города печати, дабы они везде и всем волно торговали, а русские купцы с печатями от наместников в Болгары с торгом ездили без опасения, а Болгарам все их товары продавать во градах купцам, и от них купить все потребно, а по селам не ездить тиуном, верникам, огневтине и смердыне продавать, и от них же купить" (6, с.69).

Рассматривая торгово-экономические взаимоотношения Киева и Булгара в контексте евроазиатской торговли напомним, что для домонгольского времени на Руси выделяется два хронологических

периода в развитии этих международных торговых отношений: УШ-Х и ХІ-ХШ вв. Они различаются интенсивностью обмена, статьями ввоза и отчасти направлениями связей (7, с.388). Можно отметить, что изучение конкретных территорий позволяет уточнить эту общую схему и расширить представления о сложности и многообразии вариантов различных контактов.

Выше уже говорилось о двух возможных маршрутах через Нижнюю и Среднюю Волгу торговых путей из Востока на Запад в последней четверти I тысячелетия н.э. После 60-х годов Среднее Поднепровье и более западные районы были связаны с арабским миром в основном через Булгар водной магистралью Волга-Ока и сухопутным маршрутом Булгар-Киев (8, с.105; 9, с.90; 10, с.189-196). При этом следует отметить, что водная магистраль, переходящая в систему Сейм - Десна - Днепр, функционировала на начальном этапе более интенсивно, о чем, в частности, свидетельствуют материалы дружинных захоронений рубежа IX-X вв. в Днепро-Деснянском междуречье (11, с.83, рис.30). Киевская верховная власть контролировала водные пути и старалась не допустить утечки восточных богатств на север по пути "из варяг в греки" без своего участия в их перераспределении.

Можно предполагать, что сухопутный путь, являвшийся отрезком трансевропейской торговой магистрали, интенсивно начал использоваться с начала II тысячелетия н.э., когда в отношениях между двумя государствами была достигнута стабильность и гарантированность безопасного прохождения караванов с разнообразным товаром. Это подтверждается и археологическими материалами (12, с.131-133).

В какой-то степени переключению на сухопутный маршрут "способствовала" нестабильная ситуация в XI в. в Земле вятичей, где протекала Ока - важнейшее звено торгового маршрута. Об этом говорит хотя бы сообщение Владимира Мономаха в "Поучении" (как о важном и геройском поступке), что он "...к Ростову идохъ сквозе Вятиче" (13, стлб.247). Перенос основного пути на сухопутье в то же время косвенно подтверждается и текстом "Развлечения страстно желающего странствовать по землям" ал-Идриси (годы жизни: около 1100-1165), в котором уже были утрачены представления об Азовском море - части водной магистрали Восток - Запад, которые еще содержатся в сочинениях арабских географов X в. (ал-Баттани, Ибн Русте, ал-Мас'уди и др.), а название Майутис (арабская передача слова Меотиды) уже не встречается (14, с.73).

При этом можно констатировать, что практически на протяжении

всего раннефеодалного периода истории восточнославянского государства, когда всеми делами безоговорочно и полновластно руководили киевские великие князья, конфликтов между Русью и болгарскими землями не было. Ближе к эпохе феодальной раздробленности (начиная с 1088 г.) русско-болгарские трения в Поволжье фиксируются все чаще, хотя вплоть до 1120 г. нет письменных указаний на ухудшение торговых отношений (4, с.14; 15, с.26).

Следует остановиться на тех группах русско-болгарского импорта - экспорта, которые известны из разных исторических источников. Так, весь болгарский экспорт на Русь можно разделить на две группы. В первую входили продукты собственно болгарского производства, сельскохозяйственные продукты, изделия ремесленников и сырье (хлеб, козьи шкуры, овцы, крупный рогатый скот, одежда, обувь, юфта, керамика ...). Большинство из этих товаров оседало и археологически зафиксировано на территории древнерусских земель-княжений в Поволжье (15, с.27-28). Во вторую группу входили товары, поступающие при посредничестве Болгарии с Востока (поливная керамика, ткани, оружие, благовония, пряности, фрукты, предметы художественного ремесла, стеклянные изделия, бусы, благородные металлы). Многие из названных категорий импорта выявлены в киевском регионе (7, с. 402, табл.162; 16, с.371-375). В то же время из Руси в Болгарию и далее на Восток вывозились меха, рабы, мед, воск, лен, полотно, серебряные, бронзовые, костяные предметы, янтарь, а также изделия литейного, ювелирного и керамического ремесел (18, с.319-326). Многие из них поступали из Южной Руси через Киев.

Все же, подчеркнем особо, контакты между Киевом и Булгаром определялись в первую очередь посреднической ролью между цивилизациями Востока и Запада, Средней Азии и Западной Европы. Бессмысленно было ездить торговать за тысячу километров овручскими шиферными пряслицами, фигурными замочками, горшками и кувшинами для повседневного использования или же обмениваться сырьем, запасы которого имелись в каждом из названных районов в достаточном количестве. Можно уверенно предполагать, что основную прибыль киевские и болгарские купцы получали именно в результате посреднических операций, в которых участвовали торговцы из многих стран. Это не исключает, а наоборот, предусматривает, постоянное проживание представителей противоположных этносов в столицах двух государств, о чем свидетельствуют, в частности, ювелирная формочка из овручского шифера с арабской надписью "Благословение..." (Аллаха владельцу

сего) из культурных слоев киевского Подола или кости свиньи в мастерской ювелира, работавшего с янтарем около главной мечети Великого города (18, с.307, рис.134; 19, с.92). Но все же взаимовлияние русской и болгарской культур этими экономическими и политическими связями и ограничивались из-за отсутствия постоянных религиозных контактов, которые оборвались в 986-987 гг. после выбора Владимиром Святославичем в качестве новой государственной религии христианства по православному обряду.

Возвращаясь к вопросу о торговых отношениях между двумя государствами в XII-XIII вв., когда на Руси начался процесс феодальной раздробленности, отметим, что они стали более сложными и многогранными. На это повлияли многие факторы.

С одной стороны, окрепшие правители Владимиро-Суздальской Руси пытались использовать транзитную торговлю в целях личного обогащения. Кроме того, при Юрии Долгоруком, Андрее Боголюбском и Всеволоде Большое Гнездо происходили многочисленные вооруженные конфликты с представителями правящей верхушки Волжской Булгарии. Это приводило к постепенному затуханию сухопутного караванного пути Булгар-Киев в связи с нестабильным положением на его волжском отрезке. Хотя следует отметить, что еще в первой половине XII в. он продолжал функционировать, о чем свидетельствуют археологические материалы целого ряда "караван-сараев" на Левобережье Днепра. Но по тем же археологическим материалам наблюдается процесс затухания жизни в этих населенных пунктах, начиная со второй половины упомянутого столетия.

В значительной степени возрождается в это время вышерассмотренный водный путь Булгар - Ока - Десна - Киев, о чем свидетельствует ал-Гарнати, который около 1150 г. отправился с Волги на Днепр (20, с.10-11, 44, 109). Хотя по свидетельствам того же путешественника сухопутные пути продолжают функционировать (Венгрия - Киев - Саксин в низовьях Волги).

Приблизительно в это время устанавливается из Поволжья новый путь в Западную Европу: Рига - Полоцк - Витебск - Смоленск - Дорогобуж - Можайск - Москва - Рязань - Муром - Булгар (17, с.348). А ко второй половине XI в. относится начало формирования новой дороги Киев - Ростов, которая проходила через Путивль, Севск, Болдыж, Карачев, Серенск, Лобынск, Москву. Интересно, что расстояние между многими зафиксированными археологически вятическими "городками" на этой дороге соответствовало 30-40 верстам (21, с.286). Эти отрезки

пути соответствуют расстояниям, отмеченным на пути Булгара в Киев, что было перепроверено недавно работами киевских и казанских археологов (22, с.143-149).

Естественно, что часть товаров переместилась на новые магистрали. Помимо этого, арабские государства Восточного Средиземноморья начали контактировать с Киевом и всеми южнорусскими землями через Причерноморье и Днепр. Это направление начало приобретать особое значение именно с конца XI в., когда после завоевания Иерусалима крестоносцами и образования Иерусалимского королевства усилилось паломническое движение русских (нередко и торговцев) через Константинополь в Палестину. В результате этих передвижений постепенно активизировались и торговые операции (7, с.390-391).

Поэтому можно предполагать, что на рубеже XII-XIII вв. контакты между Киевом и Булгаром не прекратились и даже не ослабели. Но они потеряли прежнюю монополию и исключительность во внешнеторговых операциях двух государств. Старые торговые пути становятся не единственными маршрутами, но одними из многих для достижения экономической выгоды соседних стран. Монголо-татарское нашествие и последующая гибель государств, спасших от разорения западноевропейские страны, разорвали на длительный период торгово-экономические связи между двумя развитыми регионами Восточной Европы.

---

1. Смирнов А.П. Древняя Русь и Волжская Болгария // Славяне и Русь. - М.: Наука, 1968.

2. Толочко П.П. Про торговельні зв'язки Києва з країнами Арабського Сходу та Візантією у VIII-X ст. // Археологічні дослідження стародавнього Києва. - Київ: Наук. думка, 1975.

3. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. - М.: Наука, 1990.

4. Халиков А.Х. Волжская Булгария и Русь (этапы политических и культурно-экономических связей в X-XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь. - Казань, 1986.

5. Толочко П.П. Літописна повість про хрещення Русі // Археологія. - 1990. - № 2.

6. Татищев В.Н. История Российская. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. - Т.2.

7. Древняя Русь. Город, замок, село. - Археология СССР. - М.: Наука, 1985.

8. Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. - М.: МГУ, 1956.

9. Монгайт А.Л. Рязанская земля. - М.: Изд-во АН СССР, 1961.
10. Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев // МИА. - 1969. - № 169.
11. Моця А.П. Население Среднего Поднепровья IX-XIII вв. (по данным погребальных памятников). - Киев: Наук.думка, 1987.
12. Моця А.П. Новые сведения о торговом пути из Булгара в Киев // Земли Южной Руси в IX-XIV вв. - Киев: Наук.думка, 1985.
13. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. - М.: Изд-во восточной литературы, 1962. - Т.1.
14. Бейлин В.М. Ал-Идриси о портах черноморского побережья и связях между ними // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. - Ростов-на-Дону, 1988.
15. Валеев Р.М. Торговые связи Волжской Булгарии и Руси в домонгольский период (X-XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь. - Казань, 1986.
16. Археология Украинской ССР. - Киев: Наук.думка, 1986. -Т.3.
17. Рыбаков Б.А. Торговля и торговые пути // История и культура Древней Руси. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. - Т.1.
18. Новое в археологии Киева. - Киев: Наук.думка, 1981.
19. Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. - Казань: Татарское книжное издательство, 1989.
20. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.) - М.: Наука, 1971.
21. Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. - М.: Наука, 1981.
22. Моця А.П., Халиков А.Х. Нові дослідження шляху з Булгара в Київ (попередні повідомлення) // Археологія. - 1989. - № 4.

Халиков А.Х. (Казань)

ТОРГОВЫЕ ПУТИ БУЛГАРИИ В IX-XIII ВЕКАХ И ИХ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ

(на примере пути из Булгара в Киев)

Волжская Булгария, географически находившаяся на грани Европы и Азии и занимавшая центр крупнейшего европейского Волго-Камского бассейна, в IX-XIII вв. была одной из развитых и ведущих в торгово-экономическом отношении средневековых государств Евразии.

Торговля и торгово-экономические взаимоотношения Булгарии с соседними и дальними странами практически являлись одним из важнейших постулатов для развития экономики и социально-политического статуса страны. Они также обусловили и вхождение Булгарии в систему мировых взаимоотношений средневековья. Само зарождение и процветание болгарской торговли и самой Булгарии пришлось на то время, когда в Старом Свете или Евразии наступила эпоха мусульманского Ренессанса (1). Булгария довольно рано (в IX-X века), именно благодаря своей активной торговой деятельности с мусульманизированными странами, стала мусульманской страной (2; 3) и одновременно превратилась в центр монопольной торговли Северо-Востока Европы, сосредоточив в своих руках северную торговлю Запада с Востоком. Булгарские купцы практически контролировали торгово-караванные пути, идущие в центре Евразии по разным направлениям: на Север - в страны леса и тундры до Ледовитого океана; Запад - Русь, Прибалтику, страны Европы; Восток - за Урал, в Среднюю Азию и далее до Индии, Центральной Азии и далекого Китая; Юг - Хазарию, Крым, Кавказ, Византию, Арабский мир и южнее (4; 5) (рис.1).

Торговые пути Волжской Булгарии проходили как по водным магистральям, прежде всего по Итилю-Волге (Итилем называлась река Белая - Ак Итиль, река Кама от Белой до Волги и Волга ниже устья Камы; река Волга выше устья Камы называлась Юл или Юлга, т.е. река пути), Каме-Чулману (так называлась Кама выше устья Белой) и их притокам, а также осуществлялись сухопутными караванными путями. Обычно один день пути (бархала-мархала - по-арабски) по реке вверх равнялся 25-30 км, вниз - 70-75 км, по суше - 40-45 км (6, с.29). Первые функционировали лишь в летнее время и ограничивали движение купеческих караванов не только климатическими условиями, но и территориальными рамками, т.е. руслами судоходных рек. Вторые практически не имели ограничений, поэтому они были более предпочтительными и широко используемыми и в силу этого более организованными и регламентированными.

Регламентированность сухопутных караванных дорог фиксировалась как четким расположением остановочно-перевалочных пунктов, в болгаро-арабском купеческом языке называвшихся манзилями, так и в составленных, начиная с VIII-IX веков, если не раньше, специальных дорожниках (по-арабски - **منزل**; по-латыни - итинarii). Таковыми представляются сохранившиеся до нас записки и сочинения арабо-персидских географов и историков Хордадбеха, Джейхани, Ибн Фадлана,

Гардизи, ал-Гарнати, Батутта, ал-Калкашанди и др., на что одним из первых среди русско-советских исследователей обратил внимание Б.А.Рыбаков (6). Эти сочинения нередко так и назывались: "Книга путей для познания стран" Джейхани, "Книга путей и государств" Ибн Хаукаля и др.

Опираясь на них, можно рассчитать такие пути и их расстояния от Булгарии (рис. I), как:

Булгар - Джурджания (юго-восток Прикаспия) = 90 дней, в том числе 70 дней переходов и 20 дневок. Расстояние между Булгаром и Джурджанией = 270-2800 км, следовательно, один дневной переход был равен 38-40 км, а места дневок располагались примерно через 3 дня пути;

Булгар-Дербент (северо-запад Каспия), расстояние = 1200 км; путь проходили за 48 дней, в том числе 30 дней пути и 18 дневок-манзилей, т.е. день пути в 40 км, дневки через 3 дня пути;

Булгар-Итиль (столица Хазарии, устье реки Итиль, с XII века - Саксин), расстояние 800 км (от южных границ Булгарии); путь проходили за 30 дней, в том числе 20 дней пути, 10 дневок-манзилей, или день пути в 40 км, дневки через каждые 2 дня пути;

Булгар-Киев, расстояние = 1500-1600 км; путь проходили за 60 дней, в том числе 40 дней пути, при средней дневной длине пути в 38-40 км, дневок-манзилей 20, или через каждые 2 дня пути;

Булгар-Карсун (Крым), расстояние 1600 км; путь проходили за 60 дней, в том числе 40 дней пути, при средней длине пути в 40 км в день, дневок-манзилей 20;

Булгар-Ису (купцы Чульманские на Верхней Каме), расстояние 800 км, всего 30 дней перехода (по Ибн Фадлану и Гардизи) или 20 дней пути (по Истахри), то есть соответственно по 40 км дневного перехода и 20 манзилей-дневок. Далее в Югру и отрану Мрака ездили уже купцы чульманские (7, с.64-65).

Эти теоретические выкладки, к сожалению, археологически практически не проверены. Лишь в последние годы благодаря инициативе двух археологических учреждений - Института археологии Академии наук Украины и отдела археологии Института языка, литературы и истории им.Г.Ибрагимова Казанского научного центра АН СССР было обращено внимание на археологическое изучение пути из Булгара в Киев и наоборот.

Как известно, этот путь теоретически уже осмысливался исследователями. Вначале к этой проблеме обратился академик Б.А.Рыбаков (8), затем А.П.Моця (9). Первую попытку археологического обо-

снования части пути в районе бассейна верхнего течения Суры принял Г.Н.Белорыбкин, высказавший мысль, что одним из остановочных пунктов на пути из Булгара в Киев могло быть место так называемого Юловского городища, предполагаемого центра территории обугларизированных буртас (10, с.93).

Но лишь в 1989-1991 г.г. было проведено специальное археологическое исследование всего пути из Булгара в Киев. Для этого была организована указанными научными подразделениями совместная экспедиция, возглавленная с казанской стороны профессором А.Х.Халиковым, а с киевской - доктором А.П.Моця. В работах экспедиции принимали участие: с казанской стороны - Г.И.Дроздова, И.В.Жкимов, А.Мучтукаев, А.Х.Халиков, с киевской - А.П.Моця, М.М.Иевлев, И.А.Готун, В.Н.Зоценко.

Результаты трехлетних исследований были подытожены на двух научных конференциях: в 1990 г. в Воронеже на секции "Торговый путь Киев - Булгар и археологическое изучение микрорайонов", конференции "Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы", на которой было заслушано 10 докладов (11), и в 1991 г. в Казани на научной конференции "Путь из Булгара в Киев", на которой был заслушан 21 доклад (12).

Экспедиция 1989 г. поставила своей целью не исследование всего пути, а выявление возможных остановочных пунктов - дневок или манзилей, расположенных на этом пути. Для этого экспедиция в течение одного месяца проехала от Булгара (Биллярское городище) до Киева (13; 14). В результате проведенных работ удалось наметить основную схему древнего пути (рис.2), определить не только некоторые пункты дневок, но даже отдельные места ночевок. Кроме того, были намечены места переправ через такие крупные реки, как Волга (южнее современного Ульяновска, в районе сел Крестово-Городище по левому берегу и Криуши по правому), Сура (район с.Золотаревка около Пензы), Дон (Животинное городище севернее Воронежа), Днепр (район Выдубецкого монастыря на южной окраине древнего Киева). Таким образом, удалось выявить определенные закономерности не только в направлении и движении самого пути, но и в специфике расположения остановочных пунктов. Была предпринята попытка увязать некоторые из археологических комплексов с известными по письменным источникам (летописям, известиям средневековых авторов) древними городами и урочищами.

По материалам экспедиции 1989 г. сделан ряд предположений и

выводов:

Путь движения караванов средневекового времени шел почти напрямую из Булгара в Киев, как и наоборот, причем он в основном ориентировался на слабо залесенные и мало заселенные междуречья Днепра и Десны, Дона и Оки, Суры и Волги.

Путь, в целом рассчитанный на продолжительность в два месяца (60 дней) с 40-дневными переходами и 20-дневными дневками - манзильями, очень четко делился примерно на две равные части: киевскую, подчиненную или охраняемую древнерусским государством, и болгарскую - под протекторатом Волжской Булгарии. Середина пути приходилась на Цнинско-Донское междуречье, где располагалась область "Эртиль" - по-тюркски "Урта-Юл" или "середина пути".

В пределах государственной территории, которая для Руси начиналась (заканчивалась) примерно в районе с. Гочево современной Курской области, где находится известный еще по исследованиям Д. Я. Самоквасова Гочевский археологический комплекс, для всех дней было характерно, как это установлено изучением Гочевского, Горнальского, Зелено-Гайского, Городищенского, Липовского, Петровского археологических комплексов: а) удобные подходы со стороны пути; б) наличие относительно сухих и обширных пойм с защищенными дугами-выпасами; в) обязательное наличие поселенческо-охранного комплекса, состоящего из городища-крепости, обширного и курганного могильника, часто весьма крупных размеров, что в целом представляло собой вид поселений типа открытых торгово-ремесленных поселков или виков. Но при определенных обстоятельствах часть этих протгородов, ориентированных на внешнюю торговлю, могла превратиться в обычный древнерусский городской центр (Городище-летописный Вяхань).

В пределах Волжской Булгарии или подчиненной ей с рубежа X - XI вв. земли обулгаризированных буртас путь начинался примерно в районе современной Пензы и характеризовался приблизительно теми же особенностями. Но в отличие от Руси, на болгарской территории укрепленные места предназначались не только для людей, но и для животных (например, Кокрятьское, Уловское городища с обширными слабо заселенными площадками посадов).

В межгосударственных землях - т.е. на отрезке пути между Пензой и Воронежем - маршрут, как правило, проходил по почти незаселенным районам, а дневки-манзили обычно располагались в укромных местах, где отсутствовали любые укрепленные пункты. Очеви-

дно, строительство здесь укреплений, где необходимо было держать постоянную охрану, являлось нецелесообразным, ибо их возникновение на межгосударственной территории могло бы стать поводом для нападения как со стороны Руси и Булгарии, так и со стороны агрессивных южных кочевников - печенегов, половцев.

Предварительные наблюдения показывают, что путь из Булгара в Киев проходил по строгому маршруту, освоенному еще в эпохи энеолита и бронзы (сосредоточение здесь большого числа курганов, находки сейминско-турбинского металла), раннего железного века (киммерийский металл), в период раннего средневековья (расположение на пути постзарубинецких и именьковских памятников, кладов типа Сулжанского). Знали этот путь, очевидно, и древние венгры. Но особенно активно этот путь был освоен булгарами и Русью.

В 1990 г. археологические исследования намеченного пути были продолжены. В мае - июне археологическая экспедиция Института А.Х.Халикова провела обследование ряда остановочных пунктов по славянско-русской части пути от Киева до Воронежа. В августе 1990 г. экспедицией отдела археологии Казанского НЦ АН СССР и Казанского университета проверялись места основной переправы через Волгу-Итиль южнее Ульяновска и место одного из главных (поворотных) пунктов пути в районе с.Кокрять.

Установлено, что переправа через Волгу находилась в районе урочища Арабуга и села Криуши по правому берегу Волги и сел Кайбелы и Крестово-Городище по левому. Здесь по обеим берегам Волги еще в середине прошлого столетия были видны остатки средневековых городищ - Арабужинское по правому берегу (I5, с.35) и остатки города Синбира по левому (I5, с.30-34). В 50-х годах нашего века археологами здесь были выявлены поселения и курганы эпохи бронзы (у с.Кайбелы - I6), раннеболгарский Кайбельский могильник (I7), раннеболгарское Криушинское поселение (I8). Нами открыты и исследованы места крупных торгово-ремесленных поселений с грунтовыми мусульманскими могильниками, которые активно функционировали не только в домонгольское, но и золотоордынское время. На основании всего этого было высказано предположение, что очень важная переправа через Итиль начала функционировать еще в раннеболгарское время (VIII-IX вв.) и продолжала исправно нести свои функции не только в домонгольско-булгарское, но и золотоордынское и даже казанское время. Недаром это место, вернее город на левом берегу (в районе сел Кайбелы - Крестово-Городище), назывался Синбер (пред-

теча Симбирску-Ульяновску), что с болгаро-татарского можно перевести как "Ты единственный".

Детальное исследование Кокрятьского городища, расположенного на восточной окраине с. Кокрять Старо-Майнского района Ульяновской области по правому берегу р. Утка, показало, что здесь располагался один из важнейших остановочных пунктов-дневков на пути из Великого города на юг и запад. Это место активно начало функционировать еще в VIII-IX вв., о чем свидетельствует раскопанный А. А. Спицыным здесь раннеболгарский Кокрятьский могильник (19). Как показали наши исследования, само городище, имевшее двучастную форму, вместе с прилегающими селищами занимало площадь более I миллиона кв. м. Весь этот комплекс активно функционировал не только в X-XIII вв., но и в XIV-XV вв. Здесь найдены наряду с типично болгарским материалом и значительное число славяно-русских изделий - шиферные пряслица, стеклянные браслеты, фрагменты керамики, что свидетельствует о частой остановке здесь славяно-русских купцов.

Показательно, что в золотоордынский период укрепления городища были преднамеренно скрыты или деформированы, очевидно, по приказу золотоордынских баскаков, запрещавших на завоеванных землях не только строительство новых, но и восстановление старых укрепленных мест.

В 1991 г. археологические исследования пути из Булгара в Киев завершились объездом наиболее слабо изученного и до сих пор еще не в полной мере понятного отрезка от территории обулгаризированных буртас, т.е. от Суры и до Дона. В этих работах принял участие и Фонд культуры Республики Татарстан, выделивший небольшие средства. К сожалению, несмотря на тщательные поиски каких-либо следов пути или остановочных пунктов на этом отрезке выявить не удалось. Вероятно, на этой нейтральной территории, как это и предполагалось, остановочные пункты практически не были постоянными, а сам путь, шедший в основном по водоразделам, также не имел четкого маршрута. Все же наличие болгарских и славяно-русских материалов на выявленных памятниках по зоне следования в пределах юго-западной части Пензенской, южной части Тамбовской и северо-восточной части Воронежской областей (это преимущественно мордовские могильники и поселения) позволяет предполагать прохождение пути в этом регионе. Очевидно, что будущие исследователи сумеют более конкретно выявить и сам путь в отрезке между Пензой и Воронежем.

В целом следует полагать, что обследование одного из торго-

вых путей Булгарии, а именно: пути из Булгара в Киев, показало перспективность таких работ с археологических позиций. Такие исследования могут быть проведены и по другим направлениям. Они несомненно внесут много нового в изучение не только торгово-экономических взаимоотношений Булгарии с окружающим миром, но и позволят более конкретно представить характер этнокультурных и политических связей.

---

1 Мец А. Мусульманский Ренессанс. - М., 1973

2. Халиков А.Х. Ислам и урбанизм в Волжской Булгарии // Биляр - столица домонгольской Булгарии. - Казань, 1991.

3. Халикова А.Е. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X- начала XIII вв.-Казань, 1986.

4. Кропоткин В.В. Торговые связи Волжской Булгарии в X в. по нумизматическим данным // Славяне и их соседи.-М.: Наука, 1970.

5. Даркевич В.П. Художественный металл Востока.-М.: Наука, 1976.

6. Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 года // КСИИМК. - 1952. - Вып.43.

7. Белавин А.М., Оборин В.А. Посредническая роль Волжской Булгарии в торговом обмене Древней Руси и Верхнего Прикамья в X-XIII вв. // Волжская Булгария и Русь. - Казань, 1986.

8. Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев // МИА. - 1969 - № 169.

9. Моця А.П. Новые сведения о торговом пути из Булгара в Киев // Земли Южной Руси в IX-XIV вв. - Киев: Наук.думка, 1987.

10. Белорыбкин Г.Н. Путь из Булгара в Киев в районе Верхней Суры // Волжская Булгария и Русь. - Казань, 1986.

11. Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы // Тезисы докладов научной конференции. - Воронеж, 1990.

12. Научная конференция "Путь из Булгара в Киев" // Сборник тезисов.-Казань, 1991.

13. Моця А.П., Халиков А.Х. Новые исследования пути из Булгара в Киев (предварительное сообщение) // Археология. - 1989 - №4 (на украинском языке).

14. Моця А.П., Халиков А.Х. Путь из Булгара в Киев: результаты и задачи исследования // Археологическое изучение микрорайонов и перспективы / Тезисы докладов. - Воронеж, 1990.

15. Невоструев К. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. - М., 1971.

16. Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА.-№ 61.-М., 1958.

17. Мерперт Н.Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. - Казань, 1957.

18. Смирнов А.П. Археологические исследования Ульяновского областного музея им.И.А.Гончарова 1957 г.-Ульяновск, 1958.

19. Спицын А.А. Заметки из поездки на р.Утка в 1898 г. // Известия археологической комиссии. - СПб., 1916-№ 60.

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Рис. 1. Карта-схема основных торговых путей Волжской Булгарии в IX-XIII века: а- маршруты речных путей; б- маршруты сухопутные.

Рис. 2. Схема пути из Булгара в Киев по археологическим наблюдениям 1989-1991 гг.

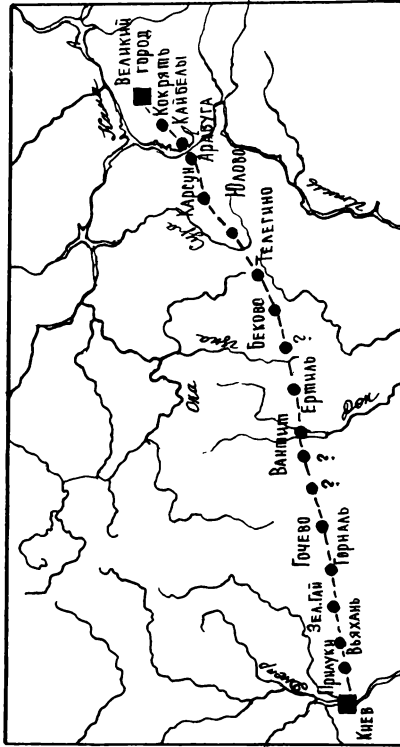

Рис. I.

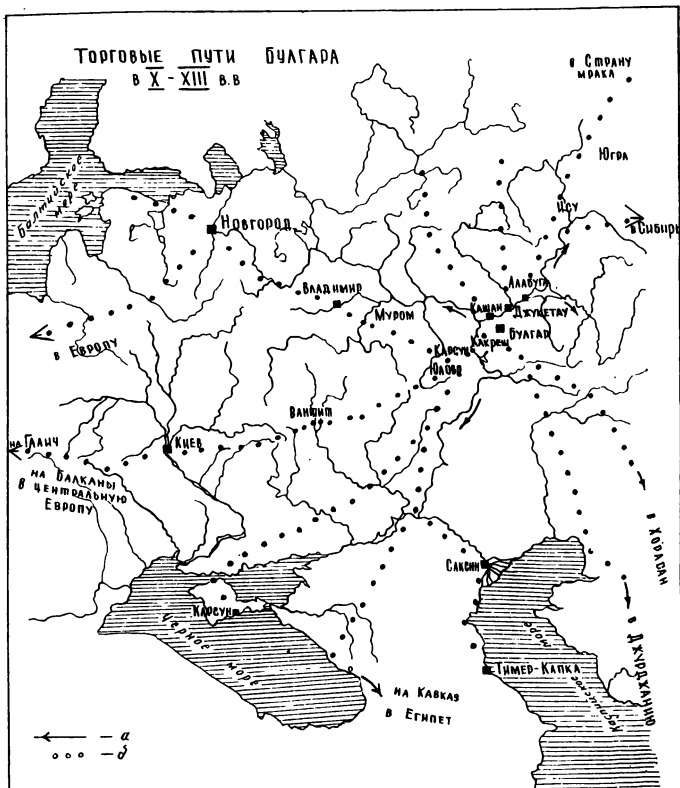

Рис. 2

"Русский" участок пути Булгар-Киев
(особенности поселений и маршрута)

Рассмотрение маршрута сухопутного торгового пути Булгар-Киев следует производить на фоне историко-географических особенностей двух крупных восточно-европейских областей, где в средневековые времена находились южнорусские и болгарские земли. Географическое положение Киевской Руси от Волжской Булгарии отличалось по природным зонам тем, что ее верхняя граница находилась значительно севернее. Это, возможно, объясняется и более западным расположением Руси (а следовательно, более умеренным и не таким континентальным климатом на ее территории), а также направленностью хозяйственной деятельности жителей упомянутого региона. Что касается конкретно южнорусских земель и болгарских, то природные зоны здесь в целом были идентичны.

Это привело к аналогичным занятиям в сельскохозяйственном производстве - базисной отрасли в феодальном обществе. Правда, пути к аналогичным хозяйственно-культурным типам были разные. Так, основным видом хозяйственной деятельности древнего населения Среднего Поднепровья и Прикарпатья, в т.ч. и славян, было земледелие, которое развивалось и в эпоху существования Киевской Руси. Скотоводство во всем объеме производства занимало второе место, а в некоторых районах играло вспомогательную роль. В то же время древние болгары были в первую очередь скотоводами. Только в результате расселения на новых плодородных землях и благоприятного климата они во времена существования Волжской Булгарии весьма успешно занимались земледелием. Но навыки прежнего вида деятельности не были утрачены, что нашло отражение в топографии укрепленных поселений, более близкой к кочевническим центрам.

Расположение южнорусских и болгарских земель в основном в лесостепной зоне, а Северной Руси - в лесной, способствовало тесным экономическим взаимоотношениям с последней (обмен хлебом, скотом, лесом, пушниной и т.д.). Но торговать между собой более южным Киеву и Булгару, как центрам больших регионов, практически было нечем. Их роль, в первую очередь, заключалась в посреднической торговле между Востоком и Западом с конечными точками на Тихом и Атлантическом океанах.

На развитие сухопутных связей между столицами двух крупнейших

восточноевропейских государств повлияло несколько факторов. Немаловой причиной было участие в них купцов из Средней Азии, Арабского мира и других восточных регионов, прибывающих в Булгар и другие города страны с многочисленными вьючными животными своих караванов. Вряд ли производились попытки переправить их далее на Запад водным путем, или же в массовом количестве оставлять на постоянных дворах в Волжской Булгарии. Местные же посредники, вероятно, уже были не в состоянии переправлять на западный рынок все увеличивающийся поток торговой массы. Кроме того, сухопутный путь был попросту короче в отношении расстояний, что давало выигрывать во времени, столь ценимого в бизнесе любой исторической эпохи.

Так как основные южнорусские и болгарские центры находились в лесостепной зоне, то и маршрут международной торговой магистрали, естественно, пролегал в ее пределах. Северная граница этой зоны проходила по линии Киев - Брянск - Калуга - Рязань - Казань, а южная - по линии Кишинев - Харьков - Воронеж - Самара - Уфа. Сам упомянутый маршрут пролегал ближе к северной границе, что было, вероятно, обосновано стремлением обеспечить безопасность караванов лесными убежищами во время нападений кочевников южных степей, а также наличием здесь кормов в случаях засухи. Еще севернее караваны практически двигаться не могли из-за больших и густых массивов леса. Рубить в них просеки было экономически невыгодно (да и человеческих ресурсов было недостаточно). Кроме того, проходимость лесных дорог в весеннее время после длительного таяния снегов весьма небольшая, как и после затяжных осенних дождей. Поэтому торговый путь шел почти прямо из Киева в Булгар по слабо залеженным водораздельным пространствам Днепра и Десны, Дона (на территории Киевской Руси), а далее - Оки, Вороны, Хопра, Волги (на территории Волжской Булгарии). Один из участков проходил по межгосударственному пространству. Т.е. был выбран оптимальный вариант. Такой маршрут избавлял караваны от необходимости переправ через многочисленные крупные реки (кроме Днепра, Дона и Волги), во время которых они были особенно уязвимы при нападениях добытчиков легкой наживы. Также обходились пойменные леса, неудобные для прохождения.

Согласно арабским источникам средневекового времени, которые несколько десятилетий назад проанализировал Б.А.Рыбаков, на "Русской" части пути находилось около десятка населенных пунктов, где упомянутые караваны останавливались для относительно длительного

отдыха и торговли. Поселения эти именовались манзили (I, с.30; 2, с.189-196). Следует сразу же отметить, что маршрут, реконструируемый упомянутым выше исследователем, оказался в принципе верным в своем генеральном направлении. Экспедиционными работами 1989 и 1990 гг., проведенными по инициативе киевских и казанских археологов, этот маршрут был уточнен. При этом укажем, что процесс конкретизации проходил в два этапа (каждый полевой сезон). Было получено общее представление о всем пути, а затем проработан его западный отрезок. Вряд ли были получены такие результаты в сравнительно короткий срок, если экспедиция не имела бы предшественников, работавших на отдельных археологических объектах в разное время, что позволило конкретизировать разработку данного вопроса. Это исследования М.П.Кучеры в Русанове, Н.Е.Макаренко в Липовом, а также Зеленом Гае, Ю.Ю.Моргунова в Городище, А.В.Кузы в Горнале, Д.Я.Самоквасова в Гочево, А.З.Винникова на Животинном городище и многих других. Кратко остановимся на характеристике этих и некоторых иных пунктов, находящихся на изучаемом маршруте.

Первым после Киева остановочным пунктом, вероятно, было поселение у с.Русанов на р.Трубев в 40 км от исходного пункта пути. Кстати, эта река - последний относительно серьезный водный рубеж на дороге к столице Руси: Городище расположено на краю низкой надпойменной террасы. Его диаметр около 90 м, вокруг зафиксированы следы открытого поселения, центральная часть которого, возможно, была окружена рвом.

Следующий пункт - городище у с.Петровка на р.Супой (в 38 км от предыдущего). Расположено на острове в заболоченых верховьях реки. Его внутренние размеры 170x160 м. Вокруг - следы неукрепленного посада. Помимо разнообразных находок, выявлен боевой топор. Этот пункт, помимо выполнения функций манзиля, мог использоваться и как место сбора княжеских дружин перед походами в Степь. О такой возможности говорят некоторые сообщения древнерусских летописей.

Обследование остатков летописных Прилук, которые по предварительным данным могли являться третьим манзием исследуемого маршрута, поставило под сомнение это предположение. Расстояние между Петровским городищем и Прилуками около 50 км, что много для одного перехода. Укрепления Прилук находятся на высокой третьей надпойменной террасе р.Удай и всеми признаками отличаются от вышеописанных пунктов. В то же время, выше по течению реки у с.Мона-

стырде находится совершенно идентичное Петровскому еще одно городище, расположенное на острове, на расстоянии от упомянутого в 40 км. К сожалению, строениями более позднего времени оно очень сильно разрушено.

Следующий пункт мог быть в районе сс.Парафиевка и Южное (35 км от вышеупомянутого), где сохранилось урочище "Городок", но сама паша р.Смош (приток Удая) уничтожена мелиоративными работами. Незначительные по размерам земляные укрепления могли быть просто уничтожены современной землеройной техникой.

Несомненным "караван-сараям" являлся комплекс в с.Липовое: городище около 1 га, открытое поселение в 20 га в пойме р.Роман, 1238 сохранившихся курганов (по сведениям дореволюционных источников: могильник насчитывал до 5 тыс. насыпей). Комплекс расположен в урочище Остров, а некрополь на высокой надпойменной террасе.

К исследуемой проблеме имеет отношение и летописный город Вяяхъ (с.Городище на р.Терн). Исследования 1990 г. позволили уточнить его топографию: город находился на возвышенности в пойме реки, смываемой двумя рукавами. Площадь, укрепленная валами, достигает 2 га, а неукрепленный посад занимает территорию в 50 га. Впервые город, где смыкалась внутригосударственная магистраль Курск-Киев с маршрутом Булгар - Киев, упомянут в летописи под 1147 г.: "...идоша къ Вяяхю" (3, стлб.356).

Месторасположение исследуемых памятников меняется на следующем отрезке "русского" участка пути. Здесь могильники находятся на высоком плато р.Псел, а поселения располагаются ближе к зоде. Первый из них - комплекс около хут.Зеленый Гай, где находятся два городища (одно роменской культуры), селище и курганный некрополь, на котором сохранились полностью и зафиксированы следы разрушенных курганов в количестве 2427. Следует отметить, что план некрополя был снят только во время работы экспедиции в 1990 г. Несомненно, это самый большой из сохранившихся средневековых некрополей во всей Европе.

Аналогичный вышеописанному был комплекс у с.Горняль, расположенный выше по реке: два городища, одно из которых - Малое, площадью около 0,3 га функционировало в древнерусское время (Большое уничтожено в конце X в.), открытое поселение и могильник, на котором по данным конца XIX в. насчитывалось около 2 тыс. курганов. Следует отметить, что оставшиеся насыпи (около 50) интенсивно уничтожаются кладоискателями.

Известный по дореволюционным раскопкам комплекс у с.Гочево

также находится на высоком правом берегу Псла. Состоял из двух городищ (роменское и древнерусское), поселения и обширного курганного некрополя, который в конце XIX- начале XX вв. насчитывал 3648 насыпей (сейчас сохранилось несколько десятков). Интересно отметить, что пологий спуск в пойму из древнерусского городища по центру был углублен, а края узкого прохода подсыпаны. Напрашивается аналогия устройства въездов в средневековые города, где любой, в том числе и противник, мог попасть в жилую часть только через узкий проход ворот (часто вытянутый), что способствовало отражению нападения и позволяло обороняющимся поражать врага сверху.

Комплексные археологические разведки московских археологов (А.В.Кашкин, А.А.Узянов, А.М.Обломский) на территории Курской обл. позволяют довольно уверенно говорить, что восточнее Гочево древнерусских памятников нет. Это была пограничная крепость, что подтверждается и наличием дружинных захоронений (т.е. с оружием) на вышеупомянутом могильнике. Археологические памятники, оставленные восточнославянским населением IX-XIII вв., распространяются с территории Курского Посемья к северо-востоку, т.е. в бассейн Оки и Волги. Поэтому дальнейший ход караванов проходил по межгосударственному пространству. Предположительно, остановка могла быть в районе с.Княжая в верховьях Сейма (о чем говорит название села), где имеется два довольно хорошо проходимых брода.

Кроме того, реальным манзилом был город Вантит, упоминавшийся в арабских источниках как первый остановочный пункт на славянской территории. Мы склонны усматривать его в Животинном городище на р.Воронеж, где помимо слоев с культурными отложениями боршевской культуры и древнерусскими XII-XIII вв. (вариант типичный для многих славяно-русских памятников донского региона) встречаются многочисленные находки, т.н.манжетовидной керамики X-XI вв., характерной для культуры "Русской земли" в узком значении этого термина - для территории Среднего Поднепровья. Памятник этот расположен на относительно высоком берегу реки. Укрепления возникли еще в раннем железном веке. По нашему мнению, в средневековые времена славяне использовали эти укрепления для создания своего городища гораздо меньших размеров (около 1 га), которое прикрывало расположенное на мысу поселение с напольной стороны.

Подводя итоги изучению "русского" участка пути Булгар- Киев, можно отметить, что весь он состоял из трех отрезков, два из которых проходили по левобережным районам Днепра на государственной

территории Киевской Руси. Первый из них Киев - Вяхань характеризуется несомненным превалярованием укрепленных поселений в широких заводненных поймах рек или же на их краях. "Караван-сарай" были защищены водными рубежами или болотистой местностью. Второй отрезок Зеленый Гай - Гочево характеризуется прохождением маршрута вдоль вытянутого в широтном направлении течения р.Псел (по правому берегу), где манзили располагались на высоких останцах и мысах, а в окрестностях (как и в предыдущем случае) находились обильные заливные луга с кормом для скота. Третий отрезок проходил за пределами государственных границ Руси по верховьям рек и водоразделам в связи с невозможностью (или трудностью) преодоления глубоких каньонов, в которых эти реки протекали. Заканчивался этот отрезок в районе Животинного городища или же на неизвестном пока поселении на р.Эртиль (в переводе с тюркского - "середина пути").

Все упомянутые пункты объединяются синхронной хронологией их существования, особой интенсивностью функционирования в XI-XII вв. (т.е. временем наибольшей активности использования сухопутной магистрали), а также топографическими особенностями: небольшие городища, обширные селища, некрополи крупных размеров. Эта характеристика сближает их с планировкой торговых факторий на других европейских магистралях (Бирка, Гнездово, Тимерово, Хедобю и др.). Из этого следует, что даже в планировочных структурах торговые центры южнорусских земель относятся к европейской модели развития средневековых поселений. В то же время, на наш взгляд (что уже отмечалось в начале работы), болгарские караван-сарай уже имеют много общего с планировкой, выработанной в среде восточных цивилизаций.

---

1 Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 года // КСИИМК, - 1952. - Вып.43.

2 Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев // МИА. - 1969. - №169

3. Полное собрание русских летописей // Ипатьевская летопись. - М., 1962, - Т.2.

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Рис. 1. План городища у с.Петровка на р. Супой.

Рис. 2. Западный участок пути Булгар- Киев: 1- Киев, 2- Русанов, 3 - Петровка, 4а- Монастырище, 4б- Придуки, 5- Липовое, 6- Городище, 7 -Зеленый Гай, 8- Горналь, 9- Гочево, 10- Животинное.

Рис. I. План городища у с.Петровка на р.Супой

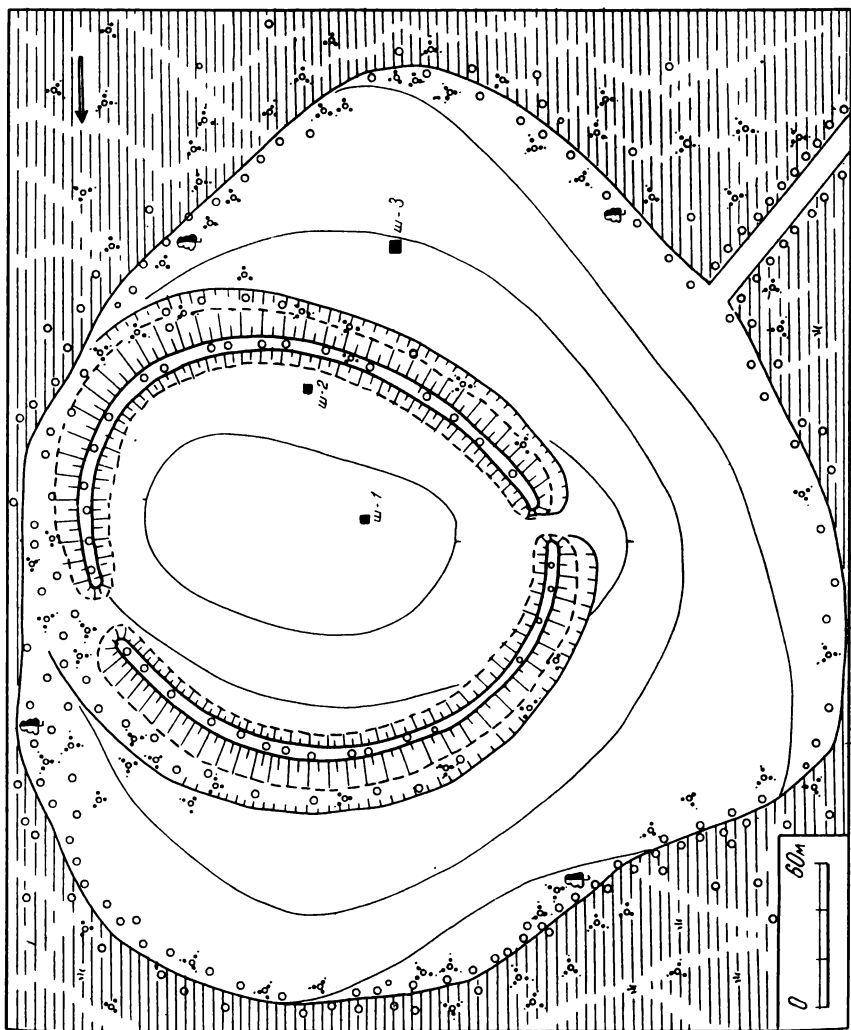
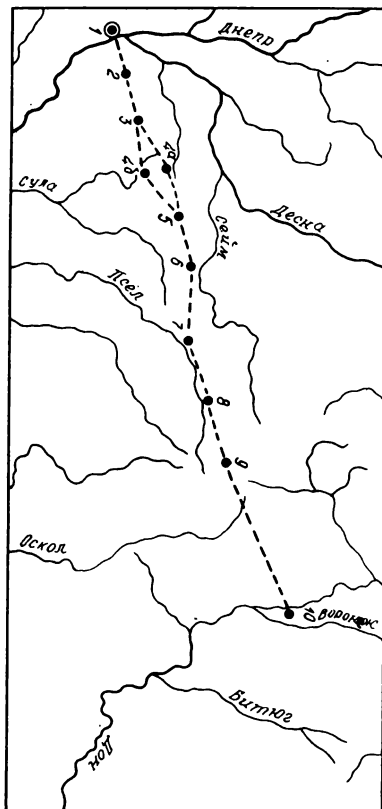

Рис. 2. Западный участок пути Булгар - Киев:

1 - Киев, 2 - Русанов, 3 - Петровка, 4а - Монастырище,
4б - Прилуки, 5 - Липовое, 6 - Городище, 7 - Зеленый
Гай, 8 - Горналь, 9 - Гочево, 10 - Животинное.

Давлетшин Г.М. (Казань)

О БУЛГАРО-КИЕВСКИХ ВЗАИМОТНОШЕНИЯХ В ОБЛАСТИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В X-XIII вв.

Духовная культура Волжской Булгарии и Киевской Руси несмотря на значительные различия, обусловленные особенностями этноса, религии, политики и экономики, имела и много общего, что было вызвано сходными природными и социально-экономическими условиями развития, прямыми взаимовлияниями, широкими торговыми связями и общим стилем эпохи и т.д.

Волжская Булгария и Киевская Русь являлись почти соседними и одновременно возникшими формированиями. Находясь в Восточной Европе, они были в окружении народов со сходными этнокультурными чертами. Много общего было у этих государств и в социально-экономических отношениях.

Волжская Булгария значительное время была своеобразными воротами для Руси на Восток, а Киевская Русь - для Волжской Булгарии - на Запад. Четко регламентированный, наезженный Булгаро-Киевский путь соединял две страны и народы и в области культуры. Караваны из обеих стран доставляли не только различные товары, но и идеи, навыки, культурные достижения. Торгово-экономическое, политическое сотрудничество перерастало в культурно-идеологические связи. Однако этот сложный мир отношений в области духовной культуры пока целенаправленно не изучался. Имеются лишь общие экскурсы в трудах А.П.Смирнова, Б.Д.Грекова, Б.А.Рыбакова. В данной статье мы остановимся лишь на отдельных моментах этой большой, многогранной, многоаспектной проблемы - духовных связях.

Торгово-экономические связи привели к формированию общих черт в метрологии. Для измерения больших расстояний были временно-пространственные единицы. Они обычно определялись способами передвижения (пешим, на коне, на судах и т.д.). И размеры их практически не отличались. Основной мерой длины для торгового пути, в том числе и из Булгара в Киев, было расстояние, пройденное пешком за день обычно 45-50 км. На Востоке эта мера пути называлась манзиль. Близки были болгарские и русские мелкие единицы длины. Обычно они определялись размерами частей тела мужчин среднего роста. Мы встречаем одни и те же меры длины у болгар и русских (локоть - колач, шаг - адым и т.п.) с разницей

лишь менее см. Несмотря на кажущееся разнообразие даже в одной метрической единице, древнерусские и болгарские меры очень близки к мерам восточных, в частности, среднеазиатских народов или же часто с ними соотносятся. Система мер этих народов Востока основывалась на двучисленном делении: меры длины последовательно делились на 2, 4, 8. В этом отношении они отличались от древнегреческой, римской, византийской, западноевропейской.

У болгар домонгольского времени употреблялись и аршин (официальный локоть), составлявший по нашим подсчетам около 75 см. Аршин, проникший в XIV в. из болгаро-казанской среды в русскую систему мер, был укороченным и составлял в 1674 г. 71,8 см. Это было сделано с целью подчинения его существующей тогда русской системе мер. Аршин составлял третью часть сажени в 215,4 см (1, с. 75).

Заслуживают внимания своеобразные "чертежи" - вписанные прямоугольники (так называемые "вавилон"). Они встречаются в материалах Древней Руси и Волжской Булгарии. Линии и части линий вписанных прямоугольников состояли во многих соотношениях, на основе чего можно было производить различные математические расчеты, геометрические построения. Части "вавилон" отражали также систему мер длины, применяемую в строительстве изучаемого периода. Учет геометрических сопряжений линии "вавилон" в архитектуре давал возможность добиваться в зодчестве симметрии, пропорций, гармонии в архитектурных комплексах символических линий, в практической геометрии употреблялась общедоступная метрическая система (2).

Интересна география распространения "вавилон". По опубликованным данным, такие фигуры зафиксированы на кирпичях Саркела IX в. (6 шт.); на глиняной плите (IX в.), черепице (середина X в.), каменной плите и на амфоре (XI в.) из Таманского городища; по одной (XII-XIII вв.) - на материалах из села Кузнецова близ Бежецка; из городища близ Изборска (обе последние в древней Тверской земле); из с. Тутаево (Верхняя Волга); из Виджского городища (1, с. 81-82). В Дунайской Болгарии рассматриваемая фигура изображена на надгробной плите болгарского вельможи Мостича (середина X в.). Один квадратный "вавилон" (или по-болгарски еще "дама" - шашки) составлен из отработанных камней в Плиске (кон. УП-IX вв.). В столицах первого Болгарского царства Плиске, Преславе и на Мадарском Святилище (IX в.) храмы,

дворцы и другие сооружения представляют в плане прямоугольники и квадраты. Размеры их вполне отвечают свойствам "вавилонов". Планировка укреплений Плиски также напоминает прямоугольный "вавилон" (3, с. 41-47). По нашему мнению, система оборонительных сооружений Биляра возводилась тоже с учетом "вавилонов".

География распространения и хронология данных "вавилонов" показывает, что самые ранние из них известны на материалах Первого Болгарского царства на Дунае, а также Саркела хазарского периода. Именно в этих двух пунктах сосредоточена основная часть известных "вавилонов". Фигуры, датируемые XI в., известны на тех археологических памятниках, которые в истоках были связаны также с хазароболгарами. На наш взгляд, первоисточником распространения "вавилонов" древней Руси и Волжской Булгарии был хазаро-болгарский мир.

Заметны русско-болгарские взаимоотношения и в области географических знаний.

Тесные торгово-экономические, а затем и культурные, политические контакты между Волжской Булгарией и Киевской Русью начали устанавливаться очень рано. Киевскую Русь на Востоке в основном знали через Волжскую Булгарию, а Волжскую Булгарию на Западе, особенно до появления новой торговой магистрали Булгар-Прибалтика, через Русь. Таким образом, оба государства сами вносили определенную лепту в развитие географических знаний того времени. Булгары, например, лучше других знали территорию своего расположения - область так называемого "седьмого климата" и все, что было расположено за ней к северу, западу и востоку. Без преувеличения можно сказать, что содержащиеся в мусульманской географической литературе X-XIII вв. сведения о различных народах и землях Севера, в какой-то мере Руси, Урала и Западной Сибири, в значительной степени являются болгарской информацией. Такую информацию о странах Севера (Ирака), народах Поволжья, Уральских горах и даже о Ледовитом океане получили в Булгарии и Ибн-Фадлан (X в.), и ал-Гарнати (XII в.), и Ибн ан-Нугман (XIII в.) и Ибн Батутта (XIV в.). Хорезмиец Ибн ан-Нугман писал, что в Булгаре он слышал о Руси и Югре (4, с. 33).

Удивительное соединение экономического, практического и духовного наблюдается в восточных представлениях и легендах о северных народах. До XII в. полная монополия на торговлю с се-

верными народами была в руках болгар, куда восточные купцы не допускались. С этой целью распускались фантастические слухи о многих неприятностях, ожидающих пришельцев в северных землях, или о несчастьях, которые могли быть принесены и северными людьми в более южные земли. Таким образом, возникли и известные легенды о группе русов Арса, где якобы убивали чужеземцев (5, с.412-413).

Легенды о северных народах были распространены и на Руси, где купцы были не менее заинтересованы в выгодных торговых сношениях с Севером. Эти легенды во многих деталях совпадают с болгарскими. И в болгарских, и в русских легендах северные народы нередко представлялись как дикие племена, заключенные Александром Македонским за каменную гору и пытавшиеся оттуда выйти; и там и тут говорилось, что они торговали шкурами, мехами зверей, а болгарские купцы и русские купцы привозили им мечи, железо; и болгарские и русские купцы не понимали их языка; первые считали их немymi, вторые вели с ними немую торговлю и т.д. (6, с.106; 7, с.32-35).

В этом нетрудно увидеть и влияние мусульманской географической науки, основанной на теории климатов. Четвертый климат, где располагались мусульманские центры, лежал на одинаковом расстоянии от слишком жарких и слишком холодных стран, соединяя в себе лучшие условия для деятельности человека. И чем дальше был климат от срединного, тем больше его население было оторвано от цивилизации, а народы, жившие за этими семью климатами, вообще считались варварами, дикарями (8, с.44-45). Эти географические представления были на руку как для болгарских, так и для русских купцов. Они дополняли их устрашающими, более конкретными рассказами.

Рассмотрим еще один фольклорный сюжет. Некоторые распространенные сюжеты и мотивы болгарского и древнерусского фольклора с изменением исторических обстоятельств видоизменялись и приобретали иногда социально-политическое значение. "Фантастические образы, - писал Ф.Энгельс, - в которых первоначально отражались только таинственные силы природы, приобретают теперь также и общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил" (9, с.329).

Таков, например, сюжет о змее или драконе, обитающем в воде (озере, реке) и требующим за пользование источником же-

рству - девушку. Этот сюжет, как отмечают фольклористы, возник в глубокой древности и бытовал у многих народов, в том числе и тюркских, и славянских (10, с.238). Бытование их у болгар и древних русских подтверждается письменными источниками.

В фольклоре народов Среднего Поволжья, в том числе и татар этот сюжет - один из самых распространенных. Обычный сюжет таков: где-то в озере, недалеко от столяного города обитает дракон и каждый год требует для себя царскую дочь. День выдачи царской дочери превращается в день всенародного горя (II, с. 8-9).

Мы полностью присоединяемся к мнению, высказанному в статье данного сборника А.П.Моци о том, что Волжская Булгария и Киевская Русь были связаны между собой и противостоянием Хазарскому каганату. В этом отношении любопытно сравнение этого вышеприведенного общего сказочного сюжета с исторической действительностью IX-X вв. Как известно, Волжская Булгария до разгрома Святославом Игоревичем Хазарского каганата, была подчинена последнему и платила дань. Каган непрерывно опустошал и грабил болгарские земли. Вдобавок к этому царская дочь должна была идти к кагану заложницей, а сын заложником. Подробно об этом написано в записках Ибн Фадлана.

Вспомним еще такое обстоятельство, как расположение хазарской столицы и дворца кагана. Город Итиль был расположен в дельте реки Волги и состоял из трех частей. Часть, где жил сам каган, была расположена на острове, с острова на один из берегов был перекинут мост (12, с.186). Это ассоциируется с драконом, живущим в воде.

Созвучны с данным фольклорным сюжетом и другие мотивы. Интересна татарская легенда "Айбикэ" (имя девушки). В ней рассказывается о том, как злой вор по имени Чуракай, обитающий на одном из островов, расположенных в устье Волги, похитил дочь бия города Алабога (Елабуга; здесь же расположено болгарское поселение "Чертово городище"). Храбрый джигит победил Чуракаю и возвратил девушку отцу. В рассматриваемом примере топонимические, географические и исторические сведения укладываются в стройную систему.

Ненависть к Хазарскому каганату, отражающаяся в легендах, имеет историческую подоснову. Поэтому едва ли случайно то, что Хазарский каганат в татарских легендах именуется страной Драко-

на (I3, с.440).

В украинских, русских эпических сказаниях и мифах отрицательным героем также является Змей, прилетающий с юга ("черноморский змей") и требующий себе в виде дани девушек. Огненный змей в древности олицетворял воинственных киммерийцев (I4, с. I3). Болгаро-киевские взаимоотношения прослеживаются и в других сюжетах фольклора и областях культуры (например, космогонические воззрения, письменность и т.д.).

Интересны взаимоотношения двух молодых государств и в области религии. Не случайно летописцы уделяли этой теме довольно много внимания.

Официальное принятие ислама в Волжской Булгарии произошло значительно раньше, чем христианства, по мнению А.Х.Халикова, в 824-825 гг. Несмотря на это, много общего в обоих государствах на пути к монотеистической религии. Практически одновременно создаются необходимые социально-экономические условия. Молодые феодальные государства нуждались в соответствующей религии, идеологии. Одной из предпосылок успеха распространения в Волжской Булгарии ислама было наличие языческого монотеизма, унаследованное от своих древнетюркских предков. Это обстоятельство в значительной степени облегчило распространение новой религии среди болгар. Поэтому смена одного языческого бога - Тенгри другим мусульманским - Аллахом - явилась актом не слишком болезненным.

Подобное произошло и в Древней Руси. Еще Прокопий Кесарийский о предках руссов писал, что "они (славяны и анты) считают, что один только бог творец, бог молнии является владыкой над всеми". Но дальнейшая монотеизация языческого пантеона на Руси осложнилась насилием, субъективными акциями. Я имею в виду реформу князя Владимира 980 г. Во главе пантеона стал бог грозы, молнии, воинских успехов, напоминающий болгарского Тенгре - Перун. Одной из первейших функций Перуна, была воинская. На наш взгляд, и заявление болгарского царя Алмуша угрозой поразить мечом неподчинившихся ему сувар (I5, с. I39) было по духу языческим.

Реформа 980 г. преследовала цель в какой-то степени продлить жизнь язычества. Но она подготовила почву для христианства.

Откуда, каким образом, какую веру принять? Эти вопросы были далеко не праздными и для Руси и для Булгарии. В Киевской Руси понимали, что за актом принятия веры от греческого духовенства стоит угроза стать вассалами Византии. Обстановка разрядилась в женитьбой Владимира. Волжская Булгария приняла ислам от государства саманидов, а не основного мусульманского религиозно-центра. Позднее обращение царя Булгар к Халифату преследовало материально-политические цели. Халифат в то время посягать на суверенитет Волжской Булгарии уже не мог.

Договор 985-986 гг. Волжской Булгарии и Киевской Руси - это соглашение двух могущественных соседей. Оба государства осознавали важность выбора веры своего соседа. Уже почти через год после заключения договора 985 г. авторитетное посольство булгар, которое, очевидно, было осведомлено о выборе религии Владимиром, прибыло в Киев. Булгары со знанием дела, учитывая и слабости князя Владимира пропагандировали ислам. "Володимер же слушаше их, бе бо сам любя жены и блужение многое, послушаше сладко. Но се ему бе нелюбо, обрезание, обрезание удов и не яденыи мяс свиных, а о питии отнюдь река: "На Руси есть веселье пити, не можем бес того быти" (I6, с.71). Таким образом, отвергается ислам. Но дальнейшие действия князя Владимира показывают, что усилия булгарского посольства не пропали даром. Владимир в первую очередь послал посольство в Булгар" "Идети первые в Болгары, испытайте веры их...", повелевает он (I6, с.71). Но эти акты в целом не имели успеха. Через год Русь была крещена, приняла официально христианскую (греческую-православную) религию. Но булгары с мечтой распространить свою веру в соседнем государстве еще долго не расставались. Вскоре после официального принятия христианства в 990 г. Владимир с этой целью послал в землю булгар философа Марка Македонянина. "Философ же иде в Болгары, и много глаголов им слово Божие; они же безумьем своим обжуродиса. Он же возвратился к Володимиру, в Киев..." (I6, с.71). Миссия с активной пропагандой христианства имела определенный успех. Четыре булгарских князя прибыли в Киев и приняли христианство (I6, с.71). Но несмотря на незначительные успехи, оба государства стояли на своих верах. Булгария осталась мусульманской, Русь - христианской.

Много общего и в дальнейших судьбах язычества и монотеизма. Ислам и христианство с первых же дней проникновения начали

активную борьбу против языческих культов, обращая их в объект проклятия, гнева. Однако, несмотря на последовательную борьбу против языческих культов, монотеистические религии не могли искоренить язычество полностью, даже поныне после более чем тысячелетней борьбы. Его пережитки бытовали до недалекого прошлого. Русские христиане в XIX в. оставляли в поле последнюю горсть колосьев в качестве жертвы древнеславянскому богу Волосу (Велесу). Это и понятно. Язычество, многовековые традиции, отражающие природные силы, устоявшиеся привычки в быту, хозяйствовании, древний и родовой коллективизм были очень близки по духу и булгарам и русским. Так язычество слилось с монотеистической религией. Пророк Илья как бы стал христианским двойником Перуна, много общего в Матерь божии и культе христианской Параскевы с языческой Макошью (Мокошь). Слились названия главного языческого бога булгар – Тенгре с именем мусульманского – Аллаха. Тенгре стал синонимом Аллаха. Его имя, т.е. Тенгре, встречается на булгарских мусульманских надгробных эпитафиях, а его символы в виде схематических изображений солнца украшают эти камни.

Булгарин и русский, принявшие новую религию, мог исповедовать соответственно ислам и христианство и одновременно придерживаться своих верований, выполнять языческие обряды. На протяжении всего домонгольского периода и в Киевской Руси, и в Волжской Булгарии было двоеверие. Но ведущая роль принадлежала и христианской культуре в Киевской Руси, исламу и исламской культуре в Волжской Булгарии.

Одним из важных и опять-таки общих моментов для обоих государств было то, что и ислам, и христианство были приняты из культурно развитых стран. Христианство приобщило Киевскую Русь к многовековой и высокой культуре Византии или Рима, наследнице античной Греции. Ислам объединил высокоразвитые восточные страны с античными традициями. Вследствие этого, страны мусульманского Востока переживали период Возрождения, мусульманского Ренессанса. С принятием монотеистических религий, проникли и культурные достижения этих стран и была создана идеологическая основа для сближения высокоразвитых стран. В обоих государствах с распространением этих религий адекватно распространялись культура, просвещение, грамотность.

Некоторые авторы считают религию сдерживающим моментом в отношениях рассматриваемых государств. Но, как показывают мно-

гочисленные факты, различие в вероисповеданиях не являлось серьезной помехой для болгаро-русских культурных взаимоотношений. В этом и проявлялась веротерпимость, характерная для обоих государств того времени. Например, считалось нормальным приглашать болгарского мастера на Русь для строительства христианской церкви или проживание русского мастера в Великом городе недалеко от соборной мечети (I8, с.100-101).

В настоящей статье мы обратили внимание в основном на известные, как говорят, лежащие на поверхности, факты. Дальнейшие исследования в этой области должны привести к раскрытию глубинных связей культур двух народов и стран. Изучаемый период — эта история и культура двух молодых, самостоятельных государств, которые именно в силу своей "молодости" были восприимчивы к достижениям всех окружающих их культур. В этот период в этих двух культурах еще много общего, свежего, не консервативного, общечеловеческого. Действительно, эти развитые цивилизации еще очень нуждались друг в друге.

---

1 Рыбаков Б.А. Русские системы мер длины XI-XV веков (из истории народных знаний) // СЭ -1949- № I.

2 Рыбаков Б.А. Архитектурная математика древнерусских зодчих // СА -1957- № I.

3 Аладжов Ж. Символ на света в някои прабългарски паметници // Археология, кн. - София, 1980.

4 Поляк А.Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов юго-восточной и центральной Европы. - М., 1964.

5 Новосельцев А.П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. - М., 1965.

6 Татищев В.Н. История Российская. Т.2. - М., 1962.

7 Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1151-1153 гг.). Публикация Большакова О.Г., Монгайта А.Л. - М., 1971.

8 Бартольд В.В. Культура мусульманства. - Соч., т.IV. - М., 1966.

9 Энгельс Ф. Анти-Дюринг. - Маркс. К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т.20.

10 Пропп В.А. Исторические корни волшебной сказки. - Л., 1946.

- II Васильев М.А. Памятники татарской народной словесности // Сказки и легенды. - Казань, 1924.
- I2 Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX-X вв. - М., 1962.
- I3 Татар халык табышмаклары. Кереш мәкалә һәм аңлатмалар белән жычысы һәм тозучесе. Н.Исәнбәт. - Казан, 1970.
- I4 Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. - М., 1982.
- I5 Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Исследование по мешхедской рукописи.-Харьков, 1956.
- I6 ПСРЛ, т.П. Ипатьевская летопись. - М., 1962.
- I7 Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. - М., 1981.
- I8 Лнин В.Л. Находка древнерусской вислой печати в Биляре // Новое в археологии Поволжья. - Казань, 1979.

Вискалин А.В. (Ульяновск)

САМАРСКИЙ ВАРИАНТ ПЕРЕПРАВЫ ЧЕРЕЗ ВОЛГУ НА ПУТИ ИЗ КИЕВА В БУЛГАР

При локализации сухопутного маршрута из Киева в Булгар за пределами центральных районов Булгарии приходится исходить из обстоятельства отсутствия на этот счет конкретных указаний в письменных источниках. Первостепенное значение в этом случае приобретают различные косвенные данные, не дающие, однако; точных привязок маршрута на местности: геоморфология, растительный покров, археологические источники и т.д. Особенность реконструкции сухопутного пути X-XIII вв. на основе косвенных данных - многовариантность предлагаемых маршрутов. Выбор любого из вариантов в известной мере гипотетичен, поскольку приходится учитывать такую непостоянную категорию как соображение удобства того или иного пути, а также полноту археологических данных. Намечать отдельные узловые пункты маршрута иногда удается при столкновении маршрута с различными серьезными естественными препятствиями: крупными и многоводными реками, обширными лесными районами, заболоченными местностями и т.д. Локализация маршрута в этих случаях неизбежно проходит по месту расположения переправ, перевалов и прочих естественных коридоров, позволяющих преодо-

леть географический барьер без возведения достаточно хлопотных и не всегда доступных инженерно-технических сооружений: мостов, дорог, просек.

Одним из наиболее существенных препятствий, возникающих на пути из Киева в Булгар, являются реки Итиль - Волга - крупнейшая водная артерия Восточной Европы.

Река обладает широким полноводным руслом, обширной заболоченной поймой, высокими и крутыми берегами, затрудняющими спуск-подъем к реке, подходы к берегам нередко перекрыты густыми лесами, что делает переправу через Волгу в пределах Среднего Поволжья возможной только в ограниченных местах, используемых в качестве переправ, как правило, не позже ХУП в. В отношении одних из этих переправ у городища Бальмер в Татарии (1, с.192) и сс.Криуши-Крестово-городище в Ульяновской области (2, с.143-149) высказывались предположения о возможности использования их в качестве средневековых переправ, другие у г.Ульяновска, Сенгиля-Белый Яр (Ульяновская обл.), Тольятти (Ставрополь) (Куйбышевская обл.) до настоящего времени практически не рассматривались, хотя обладая близкими характеристиками, не в меньшей мере подходят в качестве переправ торговых путей через Волгу. Определенные указания на это дает концентрация булгарских селищ и городищ в районе всех этих предполагаемых мест, а также наличие в непосредственной близости от мест переправ языческих булгарских могильников (Тетюшский, Большетарханский, Ульяновский, Кайбельский, Хрящевский, Новинковский), свидетельствующих об освоении района переправ булгарским населением по крайней мере с УШ-IX вв.

Несмотря на широкий выбор, наметить конкретную переправу через Волгу в этой ситуации удастся с учетом дальнейшего отрезка маршрута. Возможность для этого возникает при прохождении маршрута через 2-й наиболее существенный географический барьер-Приволжскую возвышенность. Последняя представляет собой возвышенное ступенчатое плато, глубоко расчлененное густой речной сетью и густо поросшее реликтовым лесом, занимающим даже сегодня более 80% от общей площади этих территорий. По данным почвоведов (3, с.276), в прошлом веке для этих районов была вообще характерна сплошная залесенность (рис.1).

Приволжская возвышенность, протянувшись меридионально через всю лесостепную зону от южной границы сплошных лесов, глубоко

вдается в степную зону. Она надежно отрезает долину Волги от Западного Поволжья несколькими десятками километров залесенной и сильно пересеченной местности, изобилующей реками и верховыми болотами, развитыми на водоразделах (рис.2). Подобные препятствия, являясь труднопроходимыми и в настоящее время в средневековье, несомненно, могли преодолеваться лишь по естественным проходам.

Пересечение Приволжской возвышенности в широтном направлении исторически осуществлялось по двум основным маршрутам, проходящим по территории современной Ульяновской области. Оба маршрута пересекают лесистое возвышенное плато, минуя наиболее труднопроходимый участок - Сурскую Шишку. Первый маршрут проходит северо-западнее Сурской Шишки по линии Карсун-Базарный Сызган-Палузы. Второй - южнее, по долинам реки Сызрана и ее притока Канадейки. Оба маршрута по письменным источникам и картам можно с уверенностью проследить с XV в. Но более вероятно их появление еще в X в. в период колонизации края. Возникновение и направление путей тесно связано с государственными интересами и определяется направлением засечных черт и путей сообщения между ними.

Первый маршрут проходит через сильно расчлененную местность, пронизанную густой сетью водных артерий. Долины рек хотя не широки, но заболочены, борта долин имеют "свежий" крутой профиль. Только на небольшом участке от села Базарный Сызган до границ с Пензенской областью маршрут пересекают многочисленные реки и ручейки, среди них наиболее значительные - Мокрая, Медянка, Эмбелейка, Палус, Инза. Но главными препятствиями на пути являются водоразделы, покрытые густым лесом и верховыми болотами. Маршрут, как правило, пересекает долины рек и залесенные водоразделы в поперечном направлении, что исключает использование в пути естественных проходов и свидетельствует об искусственном характере дороги. В XV в. путь использовался как почтовая трасса, связывающая напрямую Пензу и Казань. Впоследствии предпринимались неоднократные попытки улучшить этот короткий и прямой путь и приспособить его для транспортных перевозок. Но сложности перевозок по пересеченной местности не способствовали экономическому развитию дороги. В XIX в. путь становится крупнейшим ссыльным этапом, маршруты для которых, как известно, выбирались по наименее заселенным территориям. В настоящее время трасса является дорогой местного значения и функционирует

далеко не на всем протяжении.

Второй маршрут проходит в широтном направлении по долине р.Сызранка и Канадейки, вклинившейся в зону лесов. Долина имеет древний геологический возраст и хорошо разработанные пологие борта, покрытые черноземом. В долине широко развита остепенная растительность. Леса встречаются в виде отдельных островков, тяготеющих к низким надпойменным террасам. Многочисленные овражки прорезают борта долины, как правило, в области низких террас, не распространяясь на высокие. Несмотря на то, что письменные источники упоминают о маршруте только с ХУШ в., остатки засечной черты у с.Канадей в Ульяновской области и г.Сызрань Куйбышевской области позволяют удревнить его до ХУП в. К XIX в. наблюдается бурный рост экономического значения маршрута. В 1874 г. с небольшими отступлениями от трассы завершается сооружение первой в Поволжье железной дороги Моршанск-Пенза-Сызрань. В настоящее время трасса - важнейшая транспортная магистраль, связывающая Западное Поволжье с долиной Волги. Долина Сызрана-Канадейки, тесно смыкаясь в верховьях с речной системой р.Суры, представляет естественный проход через труднопроходимый лесистый участок Приволжской возвышенности. Археологические данные подтверждают сделанные предположения. В пределах первого маршрута памятники археологии отсутствуют на всем протяжении от Карсунского до Юловского городища (14, с. 90). Отдельные находки и поселения бронзового века и средневековья встречаются в долине Барыша, не затрагивая лесной зоны. Иная картина наблюдается на участке второго маршрута. В долине р.Сызран и Канадейки к настоящему времени известно около двух десятков поселений и курганов эпохи бронзы, выявленных на всем протяжении долины от с.Большой Чирклей Николаевского района до с.Репьевка Новоспасского района Ульяновской области, что, безусловно, указывает на освоение долины еще с бронзового века племенами срубной культуры. Последнее обстоятельство лишней раз указывает на отсутствие в долине в древности сплошного лесного покрова и подтверждает наличие естественного коридора через труднопроходимую возвышенную гряду Приволжской возвышенности.

На фоне широкой представленности памятников эпохи бронзы в зоне сызранского коридора обращает на себя внимание практически полное отсутствие здесь иных археологических памятников

домонгольского времени, кроме монетного клада у с.Репьевка (5, с.32). Булгарские поселения появляются только непосредственно вблизи выхода сызранской долины к Волге в районе Самарской Луки. Причина отсутствия долговременных булгарских поселений в сызранской долине, возможно, кроется в беспокойной политической обстановке, царящей в зоне естественного коридора, связывающего долину Волги, а вместе с тем и территорию Волжской Булгарии с более западными областями Поволжья и в первую очередь с пензенскими памятниками с красно-коричневой керамикой X-XIII вв., оставленных, по мнению специалистов, буртасами. В связи с этим интересно, на мой взгляд, сообщение о набегам буртас на волжских булгар, содержащееся в восточном сочинении X в. "Худуд-ал-Алам".

Использование сызранского коридора для прохождения через Приволжскую возвышенность практиковалось с глубокой древности. Сегодня с достаточной уверенностью можно говорить об освоении коридора в бронзовом веке племенами срубной культуры. Возможно, по этому маршруту произошел приток на Волгу городищкого населения хвалынской, саратовской и самарской групп городищ с "рогожной" керамикой, оторванных от основного ареала культуры, ближайшие памятники которой расположены по другую сторону Приволжской возвышенности (6). Не исключено, что тем же путем воспользовались и ранние именьковские племена, пребывание которых в районе Самарской Луки отмечено памятниками лбищенского типа (7, с.158-171).

Сызранская долина посредством нижнего отрезка долины р.Уса географически тесно смыкается с районом Самарской Луки. При выходе долины Усы к Волге создаются благоприятные условия для переправы, считающейся в прошлом веке более удобной, чем переправа у Симбирска. От переправы открывается удобный путь по равнинному левобережью в центральные районы Волжской Булгарии. Среди археологических памятников волжских булгар в районе Самарской Луки особое внимание привлекает Вальнское городище, известное еще как Муромский Городок.

Городище не уступает по величине некоторым городским центрам Волжской Булгарии, например, Сувару. Планировка городища, характер его застройки, объем и качество археологического материала, полученного при раскопках, убеждает в том, что это один из городов Волжской Булгарии, являвшийся, очевидно, и крупным

центром транзитной торговли (8). Возникновение городского центра, соперничающего по своим размерам с крупнейшими городами Волжской Булгарии на самой южной ее периферии, в стороне от густозаселенных центральных районов, в непосредственной близости от нестабильного кочевого мира во многом объясняется его уникальным стратегическим положением на перекрестке важнейших торговых путей Поволжья и Восточной Европы. Географическое положение Валынского Городища позволяет как нельзя лучше обеспечивать контроль не только за отрезком Волги, омывающим Самарскую Луку с севера, а следовательно, меридианальным путем по Волге и широтным среднеазиатским по Самаре, но и за долиной р.Сызран, уводящей от Волги на запад в сторону Киева.

---

1 Рыбаков Б.А. Путь из Булгар в Киев // Древности Восточной Европы. МИА-1969. - № 169.

2 Моця А.П., Халиков А.Х. Новые исследования пути из Болгара в Киев // Археология - № 4 - Киев, 1989.

3 Природные условия Ульяновской области. - Казань, 1978.

4 Белорыбкин Г.Н. Путь из Болгара в Киев в районе Верхней Суры // Волжская Булгария и Русь. - Казань, 1986. - С.90.

5 Поливанов В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии. - Симбирск, 1990. - С.32.

6 Смирнов А.П. Трубникова Н.В. Городецкая культура // Свод археологических источников. Вып.Д.1-14. - М., 1965.

7 Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тыс. н.э. // Культура Восточной Европы I тыс. н.э. - Куйбышев, 1986. - С.158-171.

8. Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Из истоков истории Самарского Поволжья. - Куйбышев, 1986.

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Рис. 1. Распространение лесов в Ульяновской области в 1800-1808 гг. (по Э.А.Часовниковой).

Рис. 2. Ландшафтные районы Ульяновской области.

I - районы остепненных ландшафтов;

II - районы лесных ландшафтов;

III - районы типичных лесостепных ландшафтов.

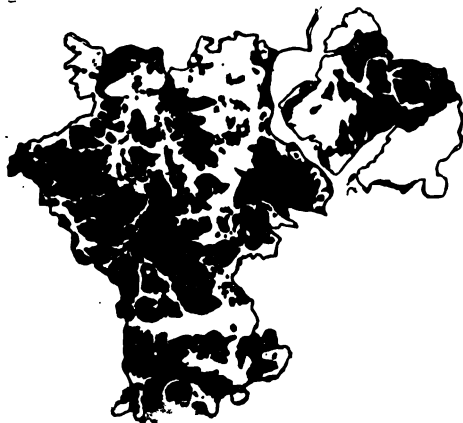

Рис. 1. Распространение лесов в Ульяновской области в 1800-1808 гг. (по Э.А.Часовниковой)

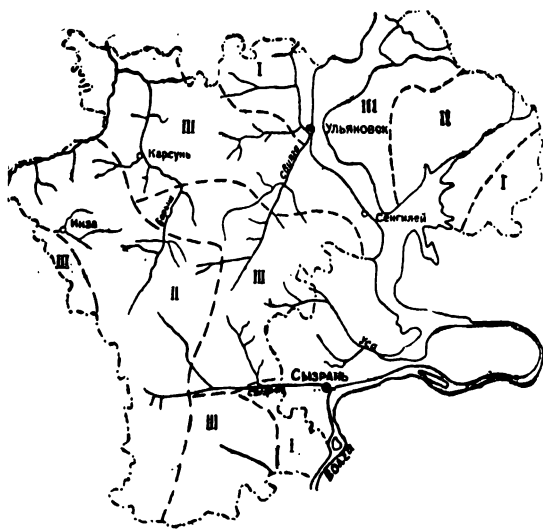

Рис. 2. Ландшафтные районы Ульяновской области:
I - районы остепненных ландшафтов; II - районы лесных ландшафтов; III - районы типичных лесостепных ландшафтов.

Зоценко В.Н. (Киев)

ВОЛЖСКАЯ СИСТЕМА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЙ В ИСТОРИИ ЮЖНОЙ РУСИ

Роль Волжских путей сообщений для исторических судеб средневековой Восточной Европы неоспорима и Волге, как одной из важнейших магистралей средневековья, посвящена обширная историография. Анализ данной литературы совершенно определенно приводит к мысли, что среди специалистов превалирует мнение о функционировании Волжской системы, как сквозной водной артерии с охватом практически всего бассейна реки и на протяжении всего восточноевропейского средневековья. Справедливости ради следует отметить и то, что данный взгляд не есть единственный. В последнее время появилось стремление к рассмотрению Волжской магистрали в ее хронологической и топографической динамике (1, с.3-9; 2, с.211-215).

Предлагаемый экскурс является попыткой осмысления роли Волжского пути в истории ядра древнерусской государственности Среднего Поднепровья с центром в Киеве, с точки зрения становления Днепро-Волжской коммуникационной сети.

Наличаствующие источники со всей определенностью свидетельствуют о вовлечении Среднего Поднепровья и собственно Киева в сферу восточных связей с середины - второй половины УШ в., в период активизации торгово-обменной деятельности Халифата при поздних Омейядах (3, с.3-II; 4, с.470-475). Однако документальные свидетельства исключают участие в этом товаропотоке Волжской системы. Ибн-Хордадбех (I-я пол. IX в.) отмечал, что "русские купцы - один из разделов славян. Они вывозят меха белок, чернобурых лисиц и мечи из крайних пределов славянства к Черному морю... А то они отправляются по Танаису (Дону), Славянской реке, приходят в Хамлиджас хазарскую столицу... Далее они отправляются к Джурджанскому (Каспийскому) морю. И иногда они перевозят на верблюдах свои товары из Джурджана в Багдад (5, с.84-85).

Столетием позже эту же трассу руссы на Восток описывали Ибн ал-Факих и Константин Багрянородный. Согласно первому из авторов, русы "... идут по морю (Черному) к Самкушу-Еврею (Керченский пролив), после чего они обращаются к Славонии. Потом они берут путь от Славянского (Азовского) моря, пока не прихо-

дят к Хазарскому рукаву, где владетель хазар берет с них десятину. Затем ипуг к Хазарскому (Каспийскому) морю по той реке, которую называют Славянской рекой (Дон)... (6, с.335). Константин Багрянородный также свидетельствует, что Меотидское (Азовское) море обеспечивали русам выход не только на византийское побережье, но и в "Черную Булгарию (наиболее вероятная локализация - область кутигуров к западу от Танаиса - Дона), и в Хазарию, и в Мордию (Сирия)" (7, с.175).

Отсюда основными воротами на Восток для Среднего Поднепровья служили степное междуречье Днепра и Дона, Приазовье с Северным Кавказом и далее Прикаспий с хазарским Хамлиджем - Итилем в низовьях Волги.

Красноречивым подтверждением исключения Волжской трассы, как транзитной в обеспечении киево-восточных связей начального периода (вторая половина УШ- первая X вв.), являются различия в качественном составе обращавшихся в Восточной Европе дирхемов первого и второго периодов их поступления. Постоянный приток арабского монетного серебра в Южную зону восточноевропейских историко-экономических контактов отмечается с 50-х гг. УШ в., что почти на два десятилетия опережает северные земли Руси и ее соседей. Основная масса дирхемов второй пол.УШ- нач. X вв., обнаруженных в Южной зоне, чеканена на монетных дворах срединных и восточных Халифатов, что также отличает эти монеты от обращения соседних северных территорий, включая и Поволжье, где преобладал в это время западно-халифатский чекан. Топография украинских кладов и единичных находок арабской монеты указанного времени предполагает ее поступления сюда через Хазарско-Донско-Днепровской системой путей сообщений. Указанные различия в монетном обращении охватывали более широкую чем собственно Русь территорию, включая Хазарию и Волжскую Булгарию. Южно-восточноевропейский круг I и II периодов обращения здесь дирхема включал в себя регионы современных Поднепровской и Понеманской Белоруссии с выходом в Юго-Восточную Прибалтику, в то время как север Восточной Прибалтики входил в круг обращения Волжской Булгарии и Северной Руси, функционирование которого обеспечивалось Волжско-Балтийским транзитом (8, с.42-43; 9, с.102-107).

Такому положению в реализации восточных связей Киева находим объяснение в политической истории Восточной Европы конца I- начала II тыс. н.э. С середины УШ в., как раз в период акти-

визации арабо-восточноевропейских экономических контактов, Хазарский каганат включает в свои пределы Поволжье, и в меньшей степени - Подонье. Волжская Булгария вместе с землей буртасов, административно-этнические границы которых на северо-западе выходили в Волго-Окское междуречье, обеспечивающее прямые переходы в Подесенье и на Средний Днепр, оказались в состоянии реального вассалитета от Хазарии. Данниками последней, по крайней мере до 50-х гг. IX в., были также поляне и северяне, игравшие наиболее важную роль в раннегосударственном объединении Руси. Иначе говоря, Волжская система путей сообщений полностью выпала еще в это время из-под контроля киевской княжеской администрации. Полновластным обладателем Волжского пути вплоть до устьев Камы и Оки в это время, безусловно, выступает Хазария. Вполне понятно, что Каганат вместе с посредничеством всячески стремился ограничить прямые торгово-обменные контакты между русами, булгарами и арабами. Данные политико-экономические устремления Хазарии, как считают исследователи, проявились в пропуске (с санкции каганата) мажарских племен в Волго-Донском междуречье и возведении с помощью Византии крепости Саркел на среднем Дону (IО, с.300; II, с.205-209). Все эти события происходят на протяжении 3-го десятилетия IX в., что совпадает с известием о Руси в Бертинских анналах (839 г.), сигнализирующем об избавлении полян Руси от хазарской даннической зависимости.

Ослабление хазарской позиции на юге, в степях между Доном и Днепром и освоение этого направления в восточных связях укрепившейся Русью, никак не означало прорыв Киева в северном направлении. Восточно-славянское племенное объединение вятичей, соседствующее с северянами в Деснянско-Окском водоразделе, еще долго оставалось данником Каганата, равно как и волжские булгары с буртасами.

местная зависимость от Каганата Волго-Окского междуречья в IX в. проявилась и в составе кладов куфических монет указанного региона. Здесь зафиксировано 6 кладов второго периода обращения дирхема в Восточной Европе (825-906 гг. - по Р.Р.Фасмеру), пять из которых (Сарское городище, 820-е гг.; Угодищи, 813 г.; Углич, 829; Тимерово, 865 г.) в своем составе содержали в основном монеты срединных и восточных Халифатов. Причем в Угличском кладе находилась сасанидская трана Хоброва II, 624 г., а в Тимеревском - хазарские подражания аббасидским дирхемам (I, с.5-6; 2,

с.103-III). Вышесказанное без особых натяжек позволяет заключить, что перечисленные нумизматические комплексы формировались за счет функционирования Южно-восточноевропейского круга монетного обращения, несмотря на принадлежность их местонахождений к бассейну Волги. Не отрицает поступления арабской монеты в отдельные районы Поволжья со стороны Дона и А.Е.Леонтьев (I, с.5,7).

В этой связи хотелось бы остановиться на одном из диссертационных выводов А.В.Фомина. Исходя из анализа состава указанных кладов, а также некоторых из комплексов побережья Финского залива, прежде всего Староладожского и Петергофского, в которых также присутствует ощутимый процент чеканки азиатских монетных дворов Халифата, исследователь приходит к заключению о поступлении арабо-азиатской монеты на Русь в основном Волжским путем (I2, с.13). Однако, расчеты автора данной публикации показывают абсолютное преобладание дирхемов Средних и Восточных провинций Арабской державы в составе нумизматических комплексов 2-ой пол.УШ-IX вв. именно в южновосточноевропейском круге монетного обращения, связанного с транзитом по Доно-Днепро-Балтийской системе путей сообщений. Северо-восточноевропейское обращение знает эти монеты лишь по отдельнымкладам.

Ситуация на путях, по которым реализовывались восточные связи Среднего Поднепровья и Подесенья, начинает изменяться в X в. Уже первая серьезная попытка Булгарии освободиться от хазарской зависимости, предпринятая при царе Алмуше, носившего мусульманское имя ал-Хасан, в первой четверти X в. (II, с.197-198), оставила ощутимый след в болгаро-киевских связях. По крайней мере, в составе одного из киевских кладов дирхемов начала X в., обнаруженного в 1351 г., появляются болгарские подражания саманидским монетам. Присутствие последних в этом комплексе позволяют датировать его 20-30 гг. X в., т.е. временем первых собственно болгарских эмиссий, тогда как основной массив клада по времени младшей чеканки датируется 906-907 гг. и полностью характеризуется качественными чертами второго периода обращения дирхема в Среднем Поднепровье и Подонье. Обособленность нескольких заключительных экземпляров комплекса от остальных монет, может свидетельствовать о том, что болгарский чекан попал в клад с интервалом, после завершения формирования основного состава.

Но окончательный прорыв хазарской блокады Днепро-Волжской

магистрала произошел в результате внешнеполитических акций Святослава Игоревича 60-х годов. Несмотря на различия в оценках последовательности событий, географии путей осуществления восточной политики Святослава в 964-966 гг., из которых сошлемся лишь на новейшие исследования (13, с.367-377; 14, с.96-101; 11, с.220-231), несомненными остаются следующие факты: выход киевской великокняжеской дружины на Оку и Волгу; устранение даннической зависимости от Хазарии вятичей и последующее подчинение их Киеву; разорение этой же дружиной земель булгаров и буртасов (согласно Ибн Хаукаля, это произошло в 968-69 гг.); нанесение сокрушительного, непоправимого удара по Хазарии в Поволжье, Подонье и на Северном Кавказе, после чего Волжская Булгария обретает полную самостоятельность и включает в свои пределы Буртасию.

Перечисленные мероприятия Святослава обеспечили стабильный контроль со стороны Киева над переходами из Днепровского в Волжский бассейны по Десне и Оке. Открытие Днепро-Волжской транзитной магистрали создало условия для выравнивания уровней восточных связей Древней Руси. С этого времени они становятся действительно общерусскими, что хорошо демонстрирует однородность составов восточноевропейских кладов III периода их обращения. Разделение восточноевропейского монетного обращения на два круга - "хазарский" и "булгарский", судя по комплексам 50-70-х гг. X в., теряет исторический смысл.

Полноценное функционирование Днепро-Деснянско-Окско-Волжской магистрали со времени последней трети X в. нашло отражение и в археологическом материале южнорусских городов, прежде всего Киева, Чернигова, Вышгорода. Именно в слоях конца X-XI вв. городских центров Среднего Поднепровья отмечаются наиболее ранние импорты Волжской Булгарии. Ярким изделием булгарских мастеров были бронзовые замки, корпус которых оформлен в виде фигурок лошади, барана, барса. Исходя из булгарских аналогий, их производство осуществлялось на протяжении X-XIV вв. (15, с.118-120). Подобные изделия (в виде коня и барана) обнаружены в слоях конца X-XI вв. Верхнего Киева, Вышгорода, Воиня. В слое XI в. на Ольжиной горе в Вышгороде был обнаружен цеподержатель-разделитель арочной формы, отлитый по восковой модели из практически чистой меди. Аналогичные одежные украшения бытовали в среде населения Среднего Поволжья в IX-X вв. (16, с.21,27, рис.5, 12).

Практически во всех городах Среднего Поднепровья и Черниговского Подесенья обнаружены бусы из горного хрусталя, сердолика и аметиста. Количество находок этой категории импортов резко возрастает в XI-XII вв. Так, в одном из жилищ Верхнего Киева XII в. было расчищено до 1000 бусин из горного хрусталя. Картография данных украшений свидетельствует о распространении их на Руси из Средней Азии через болгарское посредничество.

С XI в. можно говорить и о непосредственном присутствии болгаро-буртасского населения в среднеднепровских городах. Об этом свидетельствуют находки отдельных видов типично болгарской кухонной (горшки I группы X-XII вв. по классификации Т.А.Хлебниковой) и столовой (кувшины, кружки) керамической посуды, происходящие из жилищных комплексов XI-XII вв. Киева и Вышгорода. Причем на некоторых из усадеб западной оконечности Киево-Подолы болгарская кухонная керамика составляет до 3% всей совокупности посуды комплекса. С южного посада Вышгорода (раскопки 1989 г.) происходит фрагмент специфически болгарского горшка с закругленным дном (XIII группа X-XI вв. по классификации указанного автора). Комплекс, из которого происходит находка, датируется XI в.

Вероятно, не без болгарского влияния происходит и становление в XI в. одного из типов южнорусского Горшка, сравнительно широко представленного в комплексах Вышгорода, Киева и Княжей горы. Имеются в виду сосуды с подцилиндрической широкой и относительно высокой горловиной, украшенной частым линейным орнаментом-рифлением, доходящим до уровня плечика, со скошенным вовнутрь или горизонтально обрезанным, чуть оттянутым венчиком и относительно низким туловом. На некоторых из этих горшков имелись небольшие уплощенные ручки на уровне покатого плечика. Изготовлены эти сосуды, в основном из светлого хорошо отмученного теста с незначительной примесью песка. Наиболее ранние, относящиеся к самому началу XI в., а возможно и к концу X в., фрагменты данных горшков происходят с Южного ("гончарного") посада Вышгорода, что дает основание говорить о их местном производстве. К тому же в вышгородских комплексах XI-XII вв. этих сосудов в сравнении с соответствующими киевскими встречено гораздо больше. По формальным признакам данный тип горшка восходит к керамике I группы X-XI вв. Волжской Булгарии, генетически связанной, как убедительно показано Т.А.Хлебниковой, с приуральскими традициями в керамическом оформлении (I7, с.144-148).

Таким образом, можно констатировать, что сугубо волжское направление историко-экономических контактов Киева, как реальный фактор культурного развития, складывается со второй половины X в., когда Волжская Булгария становится вполне самостоятельным партнером Древнерусского государства. К 70-м гг. X в., исходя из археолого-нумизматических данных, следует относить и сложение широко известной по письменным источникам ("Повесть временных лет", ст. 964, 966, 981 гг.; "Худут ал-Алам", 982-83 гг.; Абу Хамид ал-Гарнати, середина XII в.) магистрали по Днепру - Десне-Оке - Волге. С установлением стабильных булгаро-киевских связей происходит оформление и караванного Поволжско-Днепровского тракта, функционирование которого в полной мере проявилось, судя по всему, к концу XI - началу XII в. Во всяком случае, ко времени составления карты ал-Идриси и написания им комментария к ней, названного "Усила путешествующих вокруг света" (1154 г.), сухопутная дорога из Булгара в Киев была хорошо известна как на Востоке; так и на Западе. С функционированием данного тракта, который Б.А. Рыбаков реконструирует напрямую по водоразделам от Киева-на Днепре до Булгара-на Волге, минуя Оку, связаны находки костей верблюда в культурных слоях XII в. Вышгорода и Киева.

И последнее, ни Булгар, ни Киев на этих Днепровско-Волжских путях не были конечными пунктами. Днепро-Волжская система водных и сухопутных путей формировалась и функционировала, как трансконтинентальные магистрали между Востоком и Западом средневековой Ойкумены. Одним из вариантов дальнейшего движения на запад Европы по Болго-Днепровской трассе был маршрут поездки Абу Хамид ал-Гарнати из Булгара в Венгрию в 1150 г.: сначала по Волге-Оке (Славянской реке) и далее через Киев и Галич в Дунайскую Панонию.

---

1 Леонтьев А.Е. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА - Вып. 183, 1984.

2 Дубов И.В. Великий Волжский путь. - Л.: 1989 - С.211-215.

3 Толочко П.П. Про торговель^{ні} зв'язки Києва з країнами Арабського Сходу та Візантею у УШ-Х ст. // Археологічно дослідження стародавнього Києва. - К.: 1976.

4 Зоценко В.Н. Торговля в північних землях (УШ-перв. пол. ХШ в.) // Археологія Української ССР. -Т.3 -К.: 1986.

- 5 Заходер Б.И. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.2.-М.: 1967.
- 6 Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Шапов Н.Н. Древнерусское государство и его международное значение. - М., 1965.
- 7 Константин Багрянородный. Об управлении Империей. - М., 1989.
- 8 Зоценко В.Н. Об особенностях обращения восточной монеты в Среднем Поднепровье и Юго-Восточной Прибалтике (сер.Уш- 2-я пол.Х вв.) // Прибалтика и ее соседи в период раннего средневековья. - Таллин: 1983.
- 9 Носов Е.Н. Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца Уш-Х вв. // ВИД -Вып.Уш, 1976.
- 10 Артамонов М.И. История хазар. - Л.: 1962.
- 11 Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. - М.: 1990.
- 12 Фомин А.В. Источниковедение кладов с нумизматическими монетами IX-X вв.: Автореферат дис... канд.ист.наук.-М., 1982.
- 13 Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв.- М.: 1982.
- 14 Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. - М.: 1982.
- 15 Смирнов А.П. Волжские булгары. - М.: 1951.
- 16 Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в Восточных районах Татарии. - М.: 1978.
- 17 Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии.- М.: 1984.

Коваленко В.П., Сытый Ю.Н.
(Чернигов)

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЧЕРНИГОВО- СЕВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ С ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИЕЙ В IX-XIII вв.

Тезис о том, что на протяжении всего периода с конца Уш в. до начала XI в. восточная торговля Руси шла почти исключительно через Волжскую Булгарию, давно и прочно доминирует в отечественной историографии. Впервые затронутый в работах В.Н.Татищева и Н.М.Карамзина, он был всерьез поставлен в первой половине XIX в. Так, еще в 1830 г. Х.Д.Френ впервые попытался выделить монеты болгарского чекана (1). Чуть позже П.С.Савельев (2), а затем

А.Ф.Лихачев (3) и С.М.Шпилевский (4) показали роль торговли в истории Волжской Булгарии, наметили пути поступления куфических монет на Русь и в Европу. Эти положения получили дальнейшее развитие в трудах советских исследователей (5; 6; 7; 8, в том числе - в работах по нумизматике (9; 10; 11; 12; 13).

Оформление связей Восточной Европы со странами Арабского Халифата и складывание торгового пути по Волге в Восточную и Северную Европу началось, по мнению специалистов, в конце VIII в. (10, с.89). Однако в IX в. поток восточных монет шел через Русь, главным образом, транзитом в Западную Европу (14, с.180-207) и лишь с начала X в. в связи с увеличением потребностей внутреннего товарного обращения в восточном серебре устанавливаются устойчивые торговые связи и Южной Руси с Хазарией и Волжской Булгарией (15, с.149).

Значительная часть арабского серебра, попадая в Европу, неуклонно перемещалась с юга на север, наполняя районы своего продвижения куфическими монетами. При этом, судя по топографии кладов этих монет, ключевое положение в распространении столь необходимого для раннесредневековой экономики арабского серебра на север через Поднепровье занимало междуречье Десны и Днепра, ставшее в дальнейшем ядром Чернигово-Северской земли. Именно здесь происходило переделывание монетного серебра, следовавшего с Востока, в русло важнейшего для Руси торгового пути "Из Баряг в Греки" (13, с.75).

Разветвленная речная сеть давала возможность осуществлять эти связи двумя путями: по Десне - Угре - Оке - Волге (16, с. 70-71) или по Десне - Сейму - Оке - Волге (17, с.336), из которых последний, по-видимому, имел большое значение. Это объясняется, вероятно, тем, что Курское Посеймье было взято под контроль киевскими князьями гораздо раньше, чем вятичские земли. Во всяком случае, несомненно, что основная масса куфических монет шла в Подесенье через Посеймье (18, с.116). Продвигаясь по Десне от устья Сейма на запад, монетный поток как бы разделяется на несколько ручейков. Один из них резко поворачивал на северо-восток в верховья р.Снов (на территорию летописной Сновской тьсячи), второй - на север, в Посожье (земли радимичей), третий - на северо-запад, к Любечу, четвертый - на юго-запад, к Киеву, вниз по Десне (13, с.76-73). При этом наибольшее сосредоточение кладов восточного серебра наблюдается в узловых и конечных пунктах движения монетного потока.

Одним из таких узловых пунктов в Подесенье являлся древнерусский Звеничев, контролировавший единственный проход в Замглайских болотах на пути из Чернигова в "Радимичи" (19, с.82-83). Обширные Замглайские болота, тянувшиеся сплошной линией от Днепра до Десны, являлись естественной и практически непреодолимой границей между собственно черниговской территорией и Сновской тысячей. В центре этих болот был один узкий коридор, проходивший по перешейку между массивами Южного и Северного Замглая (рис.1). Ключом к этому пути являлось небольшое (65 x 45 м) городище, расположенное на северо-восточной окраине с.Звеничев Репкинского р-на Черниговской обл., на мысовидном окончании невысокого всхолмления среди болот (20, с.627; 21, с.105 и сл.). Городище было возведено в первой половине X в. на месте поселения предшествующего времени; с запада к нему примыкало обширное (10-12 га) открытое поселение - посад. В 1971 г. на территории посада, в 300 м к юго-западу от городища, при распашке огорода был найден клад серебряных изделий. В его составе было около 90 целых и фрагментированных монет (сохранилось 84); слиток - гривна продолговатой формы (длина 7,4 см, толщина около 1 см, вес 41,31 г); 3 целых литых браслета ромбического сечения (диаметры 6,8 см; 7 см; 8,7 см; вес, соответственно 29,10 г; 87,50 г) и 3 обломка таких же браслетов (общим весом 45,78 г); разломанный на 5 частей браслет из круглой проволоки (диаметр браслета 7,0 см, вес 23,41 г). Все изделия изготовлены из серебра пробы 916-960.

В 1985 г. на месте находки был заложен раскоп 4 x 2 м, в котором на глубине 0,30 м найдена придонная часть горшка с клеймом (колесо с 8 спицами), в которой находилась вторая половина клада 1971 г.: 53 целых и фрагментированных дирхема.

Всего в составе Звеничевского клада насчитывается 112 целых, 11 обломков и 14 обрезанных в кружок дирхемов конца IX-середины X вв. Учитывая значительный вес серебряных украшений, монет и гривен (свыше 680 г.), находку по праву можно отнести к числу значительных кладов X в. (22. Замечательной особенностью нашего клада является присутствие в его составе трех болгарских монет (рис.2): пробитой Бармана (вес 2,73 г; год не ясен), Микаила ибн Джафара (вес 2,76 г.; подражание Самарканду; год не ясен) и Абдаллаха ибн Микаила (вес 2,91 г.; 340 или 346 г.х.), а также 12 подражаний Саманидам (из них 8 обрезанных), часть ко-

торых, возможно, также могла чеканиться в Булгарии.

Еще две монеты Микаила ибн Джафара выявлены на Черниговщине, соответственно, в составе клада 1928 г. из с. Рудка Городнянского р-на Черниговской обл. (год обломан, подражание ал-Шаду) и в культурном слое Любечского замка при раскопках Б.А. Рыбакова в 1958 г. (308 г.х., подражание Нисабуру) (12, с. 47-48).

Эти находки в целом, как представляется, достаточно четко опровергают высказывавшуюся в последнее время точку зрения о том, что восточное серебро могло поступать на Русь непосредственно через Итиль и Дон, минуя Волжскую Булгарию (23, с. 4).

Кроме водных, существовал и сухопутный путь в Булгарию, маршрут которого одним из первых на основе разработок средневековых арабских географов Джейхани и Идриси предложил Б.А. Рыбаков (24, с. 169-196). Водная магистраль, по-видимому, более интенсивно функционировала на начальном этапе взаимоотношений двух государств, но продолжала играть важную роль и позже. Во всяком случае, Абу Хамид ал-Гарнати в середине XII в. путешествовал по ней (25, с. 35). Сухопутный маршрут активно начал использоваться несколько позже воцного, когда "в отношениях между державами были достигнуты стабильность и гарантированность безопасного прохождения караванов" (26, с. 3). Правда, основная трасса этого маршрута проходила несколько южнее границ Черниговского княжества, однако функционирование в непосредственной близости от черниговских рубежей на пути из Киева в Булгар, являвшегося лишь частью трансевропейского торгового пути Центральная Европа - Галич - Киев - Булгар - Средняя Азия, не могло не привести к появлению ответвлений, соединявших его с крупнейшими центрами Южной Руси: Черниговом, Переяславлем, Курском и др. Они должны были соединять кратчайшим удобным маршрутом эти города с одним из перевалочных пунктов (своеобразных караван-сараяв) на пути, максимально близко расположенным к ним. На Курск такое ответвление отходило от основной магистрали, по-видимому, где-то вблизи Суджи (27, с. 26-28).

Для черниговского ответвления таким узловым пунктом был, вероятно, город Липовый (с. Липовое Талалаевского р-на Черниговской обл.), через который, по-видимому, и проходила дорога (28, с. 164-169). Комплекс археологических памятников у с. Липовое состоит из небольшого (около 1 га) городища, крупного (около 20 га)

открытого поселения-посада и огромного (свыше 5000 насыпей, из которых сохранилось более 1200) курганного могильника. Археологические исследования на могильнике показали, что количество погребений, совершенных в летний период, вдвое превышает количество зимних, что свидетельствует о значительной "пульсации" численности жителей этого населенного пункта в зависимости от торгового сезона, а разнообразие погребальных обрядов - о полиэтничности населения (29, с.26-27). Кроме того, г.Липовый контролировал с переяславльской стороны сухопутную дорогу, проходившую из степи через Посулье в Чернигов и водный путь Сула - Ромен - Остер. Таким образом, это был действительно крупный узловой пункт, расположенный на пересечении нескольких дорог. На противоположном левом берегу р.Ромен располагался летописный Глебль (городище у с.Красный Колядин Талалаевского р-на), фланкировавший другой вариант пути из Посулья.

Отсюда дорога на Чернигов могла идти только одним путем: на Белавежу - Всеволож - Чернигов, что подтверждается летописной статьей 1147 г. (ПРСЛ.-II, стб.367) и анализом дорог периода позднего средневековья. Картографирование археологических памятников с учетом данных палеопочвоведения (30, с.78-80) позволяет существенно конкретизировать маршрут этой дороги по территории Задесенья (рис.1).

Из Липового путь шел по правобережной террасе р.Ромен до городища XI-XIII вв., расположенного в 0,6 км к северу от восточной окраины с.Грицевка Талалаевского р-на. Затем по правому берегу ручья (правый приток Ромена) поворачивал на северо-запад, к летописной Белавеже, которая блокировала единственный проход между сильно заболоченными бассейнами рек Остра, Ромена и Удая и тем самым контролировала немаловажный водный путь Десна - Остер - Торговица - Ромен, позволявший попасть из Десны в Днепр в обход Киева. Белавежское городище XI-XIII вв. округлой формы 200 x 190 м, окруженное обширными открытыми поселениями-посадами, расположено на возвышении среди болот, в 700 м к юго-западу от ст.Городок и в 2,5 км к югу от с.Беловежи Вторые Бахмацкого р-на (31, с.89-90). Отсюда т.н. беловежской степью дорога шла по краю правобережной террасы р.Остер до современного с.Фастовцы Бахмацкого р-на, затем по водоразделу до истоков р.Рудки (левый приток р.Загоровка); переправа через которую фиксируется поселением XII-XIII вв. Рудка-I у с.Плиски Борзнянского р-на, и

далее к летописному Всеволожу (с.Сиволож Борзнянского р-на).

Расположенное в узком проходе между Остерскими и Придеснянскими болотами, Всеволожское городище XI-XIII вв. контролировало юго-восточные подходы к Чернигову. Неплохо укрепленное (две линии оборонительных сооружений), оно являлось, по-видимому, своего рода центром всего Задесенья. Сюда сходились пути из летописных городов Бахмача, Глебля, Белавежи и Уненежа (32, с. 268-269).

Из Всеволожа дорога вела по водоразделу на современное с. Прохоры, потом вдоль края болота до городища XI-XIII вв. в ур.Городок в центре с.Смоляж Борзнянского р-на, прикрывавшего переправу через р.Смолянку (31, с.89-90). Отсюда путь снова шел по водоразделу до поселения X-XIII вв. у с.Великая Кошелевка Нежинского р-на и далее мимо болота Смолянка до р.Вересочь. Брод через последнюю фиксируется расположенными вблизи поселениями XI-XIII вв. Вересочь-УП (правый берег) и Вересочь-П (левый берег реки). Затем, минуя поселение XII-XIII вв. в ур.Козаровщина, на правом берегу протока Мерли, маршрут выходил на край левобережной террасы у поселения X-XIII вв. в ур.Янчино на левом берегу Мерли (у с.Салтыкова Девица Куликовского р-на) и вдоль края террасы, мимо небольшого селища XI-XIII вв. Салтыкова Девица-Ш, шел на городище XI-XIII вв. у с.Ковчин Куликовского р-на.

Ковчинское городище, расположенное на мысу левобережной террасы Десны между селами Ковчин и Салтыкова Девица, также представляло собой достаточно крупный центр Задесенья. Оно имело две укрепленные площадки (90 x 100 и 100 x 140 м), к которым примыкало открытое поселение - посад (25 га) и, вероятно, являлось столицей черниговских ковуев (34, с.343).

От Ковчина дорога поворачивала к Свинскому перевозу через Десну, располагавшемуся против устья р.Свини (Замглай), у летописного села Свенковичи. Этот отрезок маршрута подробно фиксируется цепью древнерусских поселений: в ур.Голопятовка (X-XIII вв.), у с.Горбово - в ур.Рог (XI-XIII вв.), у с.Выбли - Выбли-I (XI-XIII вв.) - переправа. Ст Свенковичей дорога шла к Чернигову уже вдоль края правобережной террасы Десны, минуя поселения Новоселовка (XI-XIII вв.) Яцева Гора (X-XIII вв.) у с.Новоселовка, в ур.Кукашаны (X-XIII вв.), на окраине Чернигова - летописный город Гуричев (XII-XIII вв.), летописное село Спашь (X-XIII вв.) - Чернигов (35, с.42-44).

Отметим, что маршрут этот, как и основная трасса пути из

Киева в Булгар, начал осваиваться еще в эпоху энеолита - бронзы (36, с.13), что подтверждается скоплением вдоль него большого количества курганов II-I тыс. до н.э.

Конный отряд мог преодолеть этот путь (свыше 200 км) за 3 дня, с остановками во Всеволоже и Ковчине; купеческий же караван должен был потратить, по-видимому, 5-6 дней (остановки в Белавеже, Всеволоже, Смольеже, Ковчине) или до 8 дней с учетом двух дневок (по Всеволоже и Ковчине).

Наличие сухопутного и водных путей позволяло Чернигову поддерживать тесные торговые связи с Волжской Булгарией. Их интенсивность подтверждается многочисленными находками восточных импортов на территории Чернигово-Северской земли. Среди них отметим находки: замок - "собачку" из летописного Гомия (ныне Гомель Белорусской ССР, раскопки О.А.Макушниковой); железный навесной одноцилиндровый замок "болгарского типа" с витым стержнем, без запирающей пластины (поселение X-XIII вв. в ур.Лесковое, раскопки А.В.Шекуна), редкий для древнерусских памятников (37, с.258-260); запирающая пластина от подобного же замка (поселение в ур. Козарки у с.Петруши Репкинского р-на, раскопки Е.М.Веремейчик; разнообразные поясные и сбруйные украшения из дружинных могильников X в.; серебряные накладки от луки седла; бронзовую пуговицу типа "гоμβика" на поселении X-XIII вв. в ур.Лесковое (у с. М.Листвен Репкинского р-на Черниговской обл., раскопки А.В.Шекуна), воспроизводящую форму кувшина; украшенного медальонами с фризом из "жемчужин" и каплевидными выступами и др.

Причем в последнем случае, по заключению Р.С.Орлова (38, с.56-56), сплав, использовавшийся для изготовления данной пуговицы, совпал со сплавом аналогичного изделия с Измерского селища (раскопки Е.П.Казакова) не только по рецептуре, но и по содержанию микропримесей. Этим же путем поступали, вероятно, сердоликовые и хрустальные бусы, являющиеся достаточно частой находкой на древнерусских памятниках. Возможно, болгарским по происхождению является и бронзовый затыльник плети, найденный в 1949 г. на городище летописного Оргоца (с.Рогоца Черниговского р-на) Д.И.Блифельдом и отнесенный им к скифскому времени (39, с.15). Во всяком случае, с территории Волжской Булгарии происходят не только очень близкие типы изделий, но и предназначенная для их отливки каменная формочка (40, табл. XXIV, 8,9).

Одним из наиболее показательных индикаторов интенсивных торговых связей с Волжской Булгарией являются находки бронзовых

походных котлов. На памятниках Чернигово-Северской земли, к сожалению, они встречены пока лишь во фрагментах, что существенно затрудняет картографирование подобных находок. Единственным, пожалуй, исключением пока является находка двух практически целых таких котлов на детинце летописного Вщижа (раскопки Б.А.Рыбакова, 1948-1949 гг.), которые связываются автором раскопок с большим и богатым боярским или княжеским двухэтажным домом с "теремом" (4I, с. II4, рис. II9). Поэтому, во избежание ошибок, отметим лишь те пункты, где были найдены только характерные детали: (медные или железные ушки - ручки с раскованными концами и железные дужки для подвешивания или фрагменты (венчики или детали с технологическими признаками сборки - холодная сварка "в зубец" с последующей проковкой либо фальцевые соединения) таких котелков: лето - с.Рябцево (Стародубского р-на Брянской обл.), на детинце Новгорода-Северского (X-XIII вв.); поселения близ Новгорода-Северского Игореве сельцо (IX-XIII вв., у с.Горбово) и Путивск (XII в., у с.Путивск); городище летописного Путивля; городище XI-XIII вв. у с.Ляшковцы (Сосницкого р-на Черниговской обл.) и поселение УП-УШ вв. в ур.Лан у г.Сосница; практически во всех частях древнего Чернигова; на детинце летописного Любеча; поселение X-XIII вв. в ур.Лесковое и на городище - П (XII-XIII вв.) летописного Листвена (с.М.Листвен Репкинского р-на) на многих других древнерусских памятниках.

Такие котелки у болгар являлись посудой и могли служить для транспортировки и приготовления пищи, могли быть мерой емкости, использоваться в различных ремесленных процедурах (42, с. 27-28). Наконец, они могли использоваться и просто как источник цветного металла древнерусскими ремесленниками, не имевшими собственных меднорудных месторождений. Возможно, именно этим и объясняется то, что нам известны, главным образом, только незначительные их фрагменты. В этой связи показательной является находка ремесленной мастерской на городище-П у с.Малый Листвен Репкинского р-на Черниговской обл. (раскопки В.П.Коваленко и А.В.Шекуна, 1962 г.) (рис.3).

Комплекс непосредственно примыкал к валу в западной части городища. В его состав входили полуземляночное жилище, углубленная постройка производственного назначения и два небольших железоплавильных горна. Возле последних собраны многочисленные обломки глиняных сопел и несколько десятков шлаковых лепешек. В производственной постройке, погибшей в пламени пожара в сере-

дине XII в., найдены бронзовая ювелирная наковальня, куски большого бронзового котла (в том числе почти целое дно его с характерными соединительными зубцами по краю), использовавшиеся в качестве сырья, незаконченные изделия и отходы литейного производства, токарные резцы, замки и ключи, обломок шиферной подвески (брак) и кусок шифера со следами разметки и работы резцом и т.д. (45, с.160). Таким образом, мастер совмещал занятия металлургией, кузнечным, слесарным и ювелирным делом, резьбой по камню, а, возможно, и дереву. Такой его универсализм не покажется странным, если учесть расположение мастерской на детинце летописного Листвена, входившего в состав вотчины черниговских князей.

Возможно, с подобным же производством был связан и комплекс, открытый В.А.Богусевичем в 1949 г. на черниговском детинце и интерпретированный им как мастерская по изготовлению медной посуды. Во всяком случае, здесь также присутствуют куски и обрезки крупных металлических сосудов, производственный брак и т.д.

Если при этом учесть, что значительная часть болгарских импортов (зерно, кожа, одежда, обувь и т.д.) археологически не может быть зафиксирована, приведенные выше находки следует признать достаточно убедительным свидетельством болгаро-черниговских связей (44, с.29-30). Несомненно, не менее значительным был и встречный поток товаров. По-видимому, многие изделия, найденные в Бугарии и относимые к русским импортам (шиферные пряслица и литейные формочки, яйца-писанки, замки, стеклянные перстни и браслеты, посуда, оконницы, бусы, поливная керамика, украшения и др.) (45, с.30-32; 46, с.18-19; 47, с.97-116; 48, с.167-192), попадали в Волжскую Бугарию водным путем с черниговскими купцами или при их посредничестве. Впрочем, вопрос этот еще нуждается в дополнительной разработке.

Расположение в зоне пересечения важнейших трансевропейских торговых путей, а, следовательно, и определенный контроль над ними, в значительной степени обеспечили быстрый рост экономического и военно-политического могущества Чернигово-Северской земли, надолго определили ее особое положение в системе древнерусских княжеств, и особенно - ее тесные контакты с Востоком.

2 Савельев П.С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. - СПб, 1846.

3 Лихачев А.Ф. Бытовые памятники Великой Булгарии // Труды II Археологического съезда. - М., 1876.

4 Шпилевский С.М. Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. - Казань, 1877.

5 Греков В.Д., Калинин Н.Ф. Булгарское государство до монгольского завоевания // Материалы по истории Татарии. - Вып. I. - Казань, 1948.

6 Смирнов А.П. Волжские Булгары // Труды ГИМ. - Вып. I9. - М., 1951.

7 Валеев Р.М. Торговые связи Волжской Булгарии и Руси в домонгольский период (X-XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь. - Казань, 1986.

8 Дубов И.В. Великий Волжский путь. - Л., 1989.

9 Фасмер Р.Р. О монетах волжских болгар X в. // ИОАИЭ. - Т. 33. - Вып. I. - Казань, 1925.

10 Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. - М., 1956.

11 Янина С.А. Новые данные о монетном чекане Волжской Булгарии // МИА-№ III. - М., 1962.

12 В.В. Кротошкин. Булгарские монеты X в. на территории Древней Руси и Прибалтики // Волжская Булгария и Русь. - Казань, 1986.

13 Фомин А.В. Топография кладов куфических монет X в. междуречья Десны и Днепра // Чернигов и его округа в IX-XIII вв. - Киев, 1988.

14 Янина С.А. Неревский клад куфических монет X в. // МИА-№ 55. - 1956.

15 Кротошкин В.В. Торговые связи в Волжской Болгарии в X в. по нумизматическим данным // Древние славяне и их соседи. - М., 1970.

16 Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX-XIII вв. - М., 1980.

17 Рыбаков Б.А. Торговля и торговые пути // История и культура Древней Руси. - Т. I. - М.-Л., 1948.

18 Кротошкин В.В. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. - М., 1978.

19 Коваленко Б.П. Звеничев и путь "в Радимичи" // I Гомельская областная научная конференция по историческому краеведению. / Тез. докл. - Гомель, 1989.

20 Константинович Н. Исторические памятники Черниговской губернии // Календарь Черниговской губернии на 1887 г. - Чернигов, 1886.

21 Самоквасов Д.Н. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. - М., 1906.

22 Коваленко Е.П., Фомін О.В., Шекун О.В. Давньоруський Звеничів // археологія. - Київ, 1991. - № 4.

23 Леонтьев А.Е. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИД - Вып. 107, 1936.

24 Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев // Древности Восточной Европы - М., 1969. - С.109-196.

25 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1181-1185). - М., 1971.

26 Моця А.П. Общие закономерности торгово-экономических взаимоотношений Киева и Булгара в IX-XIII вв. // Путь из Булгара в Киев. / Сб. тез. - Казань, 1991.

27 Приймак В.В. Археологические данные к изучению пути из Курска в Киев // Там же.

28 Моця А.П. К проблеме градообразования на Левобережье Днепра в XI-XII вв. // Труды У Международного конгресса славянской археологии. - М., 1987. - Т. I. - Вып. 2а.

29 Покас П.М. Антропологічні матеріали з могильника біля с. Липове // П Чернігівська обл. наукова конф. з істор. краєзнавства. Тези дог. - Чернігів-Ніжин, 1988. - Вып. П.

30 Коваленко В.П. Палеоландшафты Черниговского Задесенья и проблема локализации летописных городов // Социально-экономические функции ландшафтов и состояние экосистем. - Чернигов, 1987.

31 Коваленко В.П., Сытый Ю.Н. Летописная Белавежа (к вопросу о локализации) // Археология славянского юго-востока. - Воронеж, 1991.

32 Коваленко В.П. Исследования летописных городов на Черниговщине // АО 1981 г. - М., 1983.

33 Сытый Ю.Н. Городища Черниговского Задесенья // I Гомельская обл. научн. конф. по историч. краевед. (Тез. докл.) - Гомель, 1989.

34 Коваленко В.П., Сытый Ю.Н. Работы в Черниговском Задесенье // АО 1985 г. - М., 1987.

35 Коваленко В.П., Сытый Ю.Н. Черниговское ответвление пу-

ти Киев-Булгар // Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы (Тез. докл.) - Воронеж, 1990.

36 Моця А.П., Халиков А.Х. Путь из Булгара в Киев: результаты и задачи исследования // Там же.

37 Овсянников О.В. О замках "болгарского типа" // СА, 1971. - № I. - С.25б-260.

38 Орлов Р.С. Художественные связи Южной Руси с Волжской Булгарией в X-XI вв. // Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы (Тез. докл.) - Воронеж, 1990.

39 Бліфельд Д. - Деснянська археологічна експедиція 1949 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. - Т.У. - К., 1955.

40 Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. // САИ. - Вып. Е1-36. - Л., 1973.

41 Рыбаков Б.А. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур. Древняя Русь. - М., 1953.

42 Руденко К.А. Медная бытовая посуда на пути из Булгара в Киев // Путь из Булгара в Киев (Сб. тез.) - Казань, 1991.

43 Коваленко В.П. Вотчинные мастера-ювелиры в городах Чернигово-Северской земли // VI международный конгресс славянской археологии. Тезисы докладов советской делегации. - М., 1990.

44 Коваленко В.П., Сытый М.Н. Торговые связи Чернигово-Северской земли и Волжской Булгарии в IX-XIII вв. // Путь из Булгара в Киев (Тез. докл.). - Казань, 1991.

45 Валиуллина С.И. Русское стекло Билярского городища // Там же.

46 Якимов И.В. Изделия из розового шифера в Волжской Булгарии // Там же.

47 Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И. Славяно-русские материалы в Биляре // Волжская Булгария и Русь. - Казань, 1956.

48 Смирнов А.П. Древняя Русь и Волжская Булгария // Славяне и Русь. - М., 1968.

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Рис. I. Черниговское ответвление пути Киев-Булгар:

I - городище;

II - поселение;

III - путь Киев-Булгар:

(Городища: 1. Грицевка; 2. Летописная Беловежка; 5. Летописный Всеволож; 6. Смоляж; 13. Ковчин; 23. Летописный Гуричев. Посе-

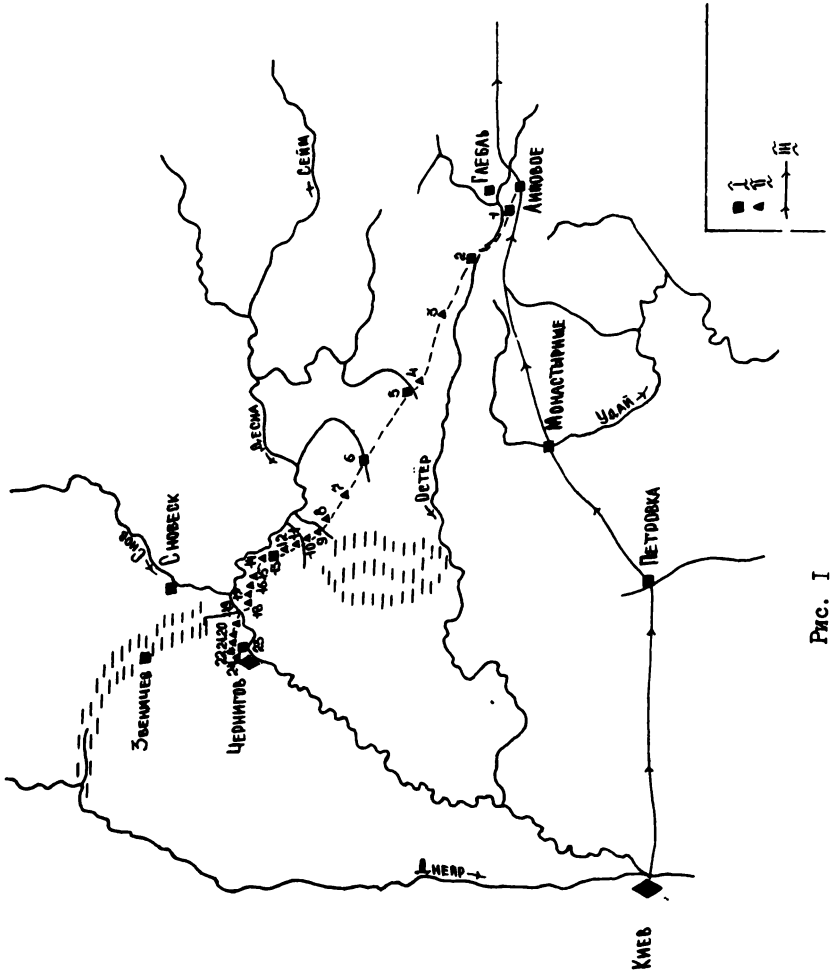

Рис. I

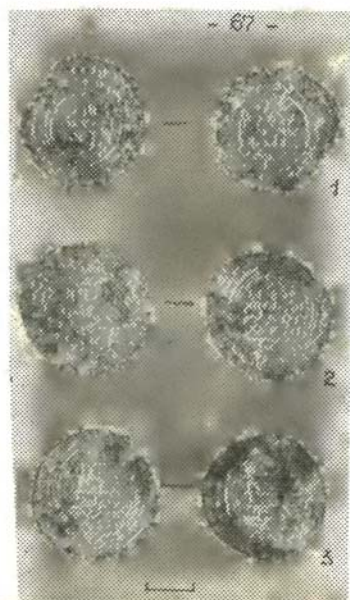
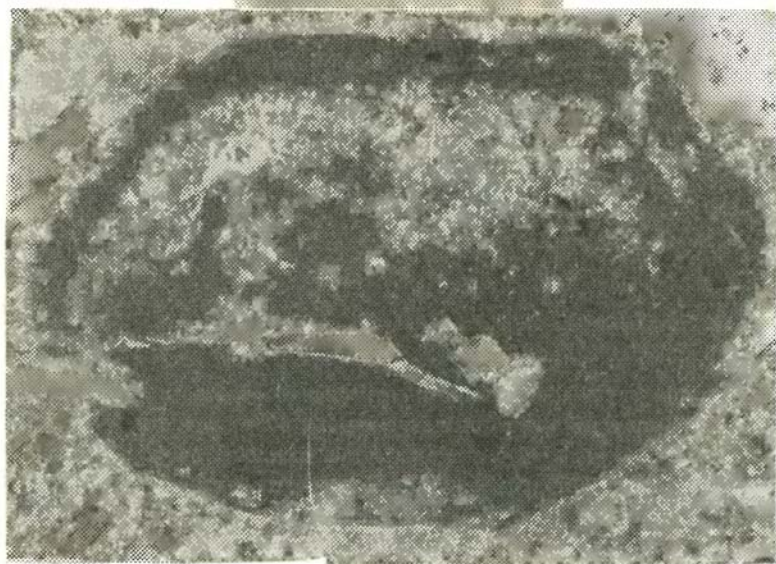

Fig. 2

ления: 3. Рудка - I, село Плиски; 4. Зарудь, с. Сиволож, 7. В. Кошелевка; 8. Вересочь-УП; 9. Вересочь-П; 10. Козаровщина, с. Вересочь; 11. Янчино, с. Салтыкова Девича; 12. Салтыкова Девича-Ш; 14. Голопяткова, с. Ковчин; 15. Глузды-I; 16. Бруховица, с. Горбово; 17. Рог, с. Выбли; 18. Выбли - I; 19. Летописные Свенковичи; 20. Новоселовка; 21. Яцева гора, с. Новоселовка; 22. Кукашаны; 24. Летописное село Спашь.

Рис. 2. Булгарские серебряные монеты из Звеничевского клада: 1 - Бармана, 2 - Михаила ибн Джафара, 3 - Абдаллаха ибн Михаила.

Рис. 3. Клад ювелира на городище - Пу с. М. Листвен.

Приймак В. В. (Киев)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВОСТОЧНЫХ СВЯЗЕЙ НАСЕЛЕНИЯ МЕЖДУРЕЧЬЯ СРЕДНЕЙ ДЕСНЫ И ВЕРХНЕЙ ВОРСКЛЫ в УШ-сер.

XIII вв.

Восточные связи южнорусских земель на протяжении длительного времени являются предметом пристального внимания историков, археологов, нумизматов. Детальное изучение сухопутного маршрута Киев-Булгар способствует поискам новых подходов при рассмотрении круга проблем восточных связей славян Среднего Поднепровья. Одним из районов наиболее оживленных контактов такого рода в силу своего географического положения являлось междуручье среднего течения Десны и верхнего течения Ворсклы. Сухопутный и водный пути из Киева в Булгар проходили через данный район на протяжении всего времени их функционирования (I, с. 131-133; 2, с. 281, 286). Пограничное положение лесостепных и степных культур с их различными укладами хозяйства и общественной жизни характерно для данного региона на протяжении длительного времени I и II тыс. н.э. Заметное место в этих процессах занимали связи славян Днепровского Левобережья с населением салтовской культуры. На протяжении УШ-Х вв. эти контакты пережили несколько этапов развития (3, с. 159-160). Если первый

(последние десятилетия УП в. - первые десятилетия УШ в.) связан с населением, которое около середины УШ века затем было включено в состав населения салтовской культуры, то на втором этапе (первые десятилетия УШ- первая треть IX в.) взаимодействие происходило с племенами, включенными в состав Хазарского государства, что нашло отражение в письменных источниках и своеобразии волынцевских и раннероменских древностей. Влияние на них со стороны салтовской культуры прослеживается по разнообразному археологическому материалу (4, с.177-185; 5, с.94-100), остается неясным лишь вопрос о происхождении гончарных горшков с высоким вертикальным венчиком - наиболее массовой категории находок, придающих своеобразие волынцевским памятникам среди синхронных древностей восточных славян. Орнаментация и технология производства данной группы керамики аналогична салтовской, характерной для столовой и тарной посуды, преимущественно лощеной (6, с.6). Однако форма сосудов в славянской и алано-болгарской керамике в период до УШ в. аналогий не имеет.

В то же время близкие формы посуды, но изготовленные по совершенно иной технологии и с использованием своеобразных приемов орнаментации, получили распространение в поволжских и южноуральских древностях (7, табл.12; 8, табл.VI, 5, 16), притом достаточно свидетельств об эволюции данной группы посуды от лепных приземистых округлодонных к гончарным стройных пропорций, с плоским дном (9, с.34, 67, 103, 166; 10, с.110-113; 11, с.119) чтобы предположить, что подобная эволюция под влиянием гончарства формирующейся салтовской культуры имела место и с прототипами волынцевских гончарных горшков с высоким вертикальным венчиком. Примечательно, что встречаемые на салтовских памятниках горшки такого типа больше напоминают найденные в Поволжье и на Южном Урале, чем собственно волынцевские (12, с.54, рис.3,7, 9; 13, с.123, рис.31, 4). Сходство волынцевской и именьковской посуды неоднократно отмечалось исследователями (14, с.293), подобная посуда встречается и среди археологических памятников Южного Урала. Однако ярко выраженные черты салтовского гончарства, отсутствие каких-либо свидетельств о прямых связях между указанными древностями Волго-Уральского региона и волынцевскими заставляют искать корни такого своеобразного явления на безусловно славянских по своим чертам памятникам типа Волынцева в салтовской культуре. В пользу этого свидетельствуют и опре-

деленные работами В.К.Михеева древности салтовской культуры, связь которых с Поволжьем трудно оспорить (15, с.156-167). Примечательно, что именно в период существования волынцевских памятников происходили перемещения из районов европейского северо-востока в Крым отдельных групп кочевников (16, с.142-143). По хорошо датированным комплексам Таврики удалось установить, что именно с конца УП- первой половины УШ в. здесь распространились уральские поясные наборы (17, с.184). Таким образом, имеются все основания считать, что в формировании салтовской культуры приняли участие и группы населения из Поволжья и Южного Урала.

Волынцевские памятники функционируют во время сложения салтовской культуры и в ранний период ее существования (18, с.157). В это же время несколько южнее, в районе Полтавы (Мачехи) появляется производственный центр, изготовлявший кувшины канцерского типа.

Мастерские имеют северокавказское происхождение. Поскольку канцерская керамика представлена среди находок комплекса из Вознесенки (19, с.86), имеется возможность их надежного датирования в пределах первой половины УШ в. (20, с.220). Как известно, салтовское гончарство уходит корнями в керамическое производство Северного Кавказа, что можно сказать и о волынцевских гончарных сосудах, производившихся в до сих пор неизвестном центре на Псле, а возможно, и в нескольких таких центрах (21, с.22). Об этом свидетельствуют явное преобладание гончарной керамики на Битицком городище и значительное присутствие ее на других памятниках бассейна р.Псел (Вовки, Токари), тогда как в Посеймье такой керамики немного, а в Подесенье она вообще редко встречается. Керамический комплекс этих мастерских отличался высоким уровнем стандартизации, что особенно заметно по материалам Битицкого городища. Это позволяет видеть в таких центрах мастерские типа канцерских, отнесенных А.А.Бобринским к виду Р₂ экономических форм гончарных производств, их продукция распространялась на расстояние одного дня пути (22, с.26, 36). Имея в виду распространение значительного количества такой керамики на памятниках в районе города Сумы, следует предполагать наличие здесь центра по производству гончарной волынцевской посуды. Среди гончарной керамики поселения в ур.Стан у с.Волынцево встречена цилиндрическая кружечка, аналогии которой известны лишь в древностях Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, северо-восточного Кавказа. В салтовской культуре, судя по имеющимся специальным работам,

такая форма посуды не приживается. Это следует расценивать как еще одно свидетельство направления, откуда осуществлялось влияние на формирование волынцевской керамической традиции и времени - до сложения салтовской культуры. По-видимому, учитывая датировку волынцевских памятников от конца УП в. до конца УШ или начала IX в., можно согласиться с удачной формулировкой А.В. Григорьева о носителях традиции изготовления гончарной волынцевской посуды как о небольшой группе населения, рассеянной в среде славян Днепровского Левобережья и частично населения салтовской культуры (23, с.68). Вопрос о том, когда, где и какая группа населения поволжско-приуральского происхождения начала производить керамику с высоким вертикальным венчиком по северокавказской технологии, остается открытым. Некоторые выводы можно сделать в связи с полученными В.Б.Ковалевской данными, свидетельствующими о производстве болгарами, проживающими вблизи алан, гончарной посуды уже в УІ-УП вв. (24, с.47-51), а время контактов болгар с древневенгерскими племенами в Нижнем Прикамье, Среднем Приуралье, Среднем Поволжье определяется А.Х.Халиковым УП-IX вв. (25, с.30).

После прекращения функционирования гончарных мастерских, производивших круговую волынцевскую посуду, происходит быстрая деградация технологии производства такой посуды, однако и в IX-X вв. горшки с высоким вертикальным венчиком достаточно еще распространены на роменских памятниках (26, с.84, рис.4, I, 3). О связях населения роменских памятников с волжско-уральским регионом говорят материалы городища Новотроицкого, где встречена накладка, сходная с находящимися на Южном Урале (27, с.26, рис. I5, 3), а также находка (по Е.П.Казакову) пятиконечного лучевого кольца на Волге. Если накладка с Новотроицкого надежно датирована монетами, входившими в состав клада (818-819 гг.) (27, с.26), то дата височного кольца может быть уточнена по классификации Е.А.Шинакова (28, с.ІІ5-ІІ7), общие пределы датировки таких колец (группа I) ограничены IX-нач.X вв. Данные находки подтверждают по иному материалу наличие пути Волжская Болгария Ока-Сейм-Среднее Поднепровье, особую роль которого во втором периоде обращения восточной монеты (833-900 гг.) отмечает В.В. Кропоткин (29, с.ІІ3). Роль Волжской Болгарии в третьем периоде обращения также является доминирующей (30, с.І22), один из кладов этого периода обнаружен на городище у с.Лухтовка на Сейме, вблизи Путивля (31, с.91), что подтверждает функционирование

указанного пути в третьем периоде обращения монеты. Помимо водных путей, определенную роль во внешних связях северян междуречья Средней Десны и Верхней Ворсклы играли сухопутные. Обращает на себя внимание тот факт, что в среднем течении р.Псел обнаружено несколько кладов: у с.Нижняя Сыроватка (812-813 гг.), на городище Новотроицком (818-819 гг.) у с.Шпилевка (рубеж X-XI вв.). Вероятно, встреченные вблизи крупных центров (племенных или межплеменных) - Зеленого Гая и расположенного в 7 км выше по р.Псел Битицкого городища - клады отразили процесс приобретения ими черт ОТРП (32, с.164-168), который, судя по материалам данных памятников, шел постепенно и зависел не только от функционирования пути по суходолу Киев-Булгар. По-видимому, в истории развития Битицкого городища и Зеленогайского комплекса отразилась динамика развития внешнеполитических связей славян Днепровского Левобережья, заключающаяся в переориентации на Волжскую Болгарию по мере упадка связей с Хазарским каганатом (33, с.4). На некоторые размышления в связи с этим наводит совпадение во времени прекращения жизни на Битицком городище (да и других волынцевских памятниках) появления городища роменской культуры со смутой в Хазарском каганате, вызванной принятием иудаизма верхушкой этого государства. Как известно, данное событие происходит в конце VIII- начале IX в. Трудно предполагать, чтобы непосредственно соседствующих с Хазарским каганатом и бывших в даннической зависимости от него северян не затронули события, вызванные принятием иудаизма, если их отзвуки выявились в Крыму и Подунавье, не говоря уж о внутренних районах каганата (34, с.64). Именно на протяжении IX в. происходит падение доли салтовских вещей в наборе украшений роменских памятников (35, с.51), городища получают широкое распространение на всей территории Днепровского Левобережья за исключением наиболее удаленных на северо-запад районов.

Начало функционирования сухопутного маршрута Киев-Булгар определяется А.П.Моцей началом XI в. (32), клад у с.Шпилевки может служить подтверждением этой даты, ибо по наблюдениям специалистов, часто монеты оседали не в самих центрах, где караваны останавливались, а непосредственно рядом с ними, в округе (36, с.77). Имеется весьма любопытное свидетельство одного из ранних произведений древнерусской литературы - "Жития Феодосия Печерского" о части маршрута Булгар-Киев, с которым совпадала внутренняя магистраль Курск-Киев (37, с.517). по мнению О.Б. Творогова, путешествие Феодосия датируется 1055-1056 гг. (38, с.

457). Феодосий следовал за обозом купцов, следующих в Киев на возах с тяжелым грузом, весь путь занял три недели (37). Учитывая характер произведения, где действительные факты биографии чередуются с легендами из жизни Феодосия, следует внимательно отнестись к данному свидетельству письменного источника. Поскольку оно не вызывает возражений со стороны исследователей ввиду правдоподобности, следует обратиться к вопросу о времени создания произведения. "Житие..." написано в 80-х гг. XI в. или начале XII в., когда самого Феодосия уже не было в живых (38, с. 276). Ввиду этого мы вправе предполагать, что регулярность сообщения между Киевом и Курском ко времени создания литературного произведения сделала указанные сведения известными каждому, кто интересовался этим. Вероятно, обоз, за которым следовал Феодосий, из Курска вышел в район Горналя или Гочева, а затем продвигался на Киев по магистрали Булгар-Киев. Как известно, примерно с середины XII в. пути, связывающие Киев с Булгаром, ощутимо переориентируются, в чем определенную роль сыграло осложнение обстановки на верхнесульском участке границы, в особенности превращение Быря в плацдарм для возвращения Киева или Чернигова потерявшему их Изяславу Давыдовичу, основной военной силой которого в это время (1056-1060 гг.) были союзные половецкие орды. Не следует забывать и о том, что именно в данное время происходил общий подъем экономики Древней Руси, в значительной степени обусловивший процесс кристаллизации самостоятельных княжеств (39, с. 475). В силу указанных причин, а в основном благодаря политике владими́ро-суздальских князей, большую роль в связях Южной Руси с Волжской Болгарией стал играть сухопутный маршрут Киев-Ростов через Путивль. Начало существования этого пути Т.Н.Никольская прослеживает со второй половины XI в. (2, с. 281-286). По-видимому, с середины XII в. происходит и изменение маршрута Киев-Курск. Дорога по правому берегу Сейма через Путивль, Рыльск, Льгов была более безопасной, чем по левому. В "Слове о полку Игореве" данный район образно назван "воротами полоу". В случае опасности в районе Бырьской волости можно было повернуть в сторону Новгорода-Северского и оттуда следовать на Киев по другому пути. О конкретных маршрутах в районе Путивля в литературе уже высказывались суждения (40, с. 19-20), дополнить данные материалы можно на основании новых данных, полученных в ходе многолетних исследований округа Путивля, в меньшей степени - Глухова и Быря (41, с. 104-108). В значитель-

ной мере такая работа облегчается благодаря наблюдениям Л.Н. Былинской о совпадении древних дорог между крупными населенными пунктами, обозначенными на планах генерального межевания Курской губернии с современными (42, с.121). Это замечание касается территории, расположенной к северу от р.Сейм; а на более южных территориях приходится ориентироваться на расположение археологических памятников, характер рельефа и растительного покрова, а также грунтовые дороги начала XX в., обозначенные на соответствующих картах. От древнерусского города Вяхань купеческий обоз должен был продвигаться к древнерусскому Зартю (локализация) Ю.Ю.Моргунова - у с.Николаевка) (43, с.100), скорее всего, по правому берегу р.Терн, чтобы быть защищенным с востока, со стороны "поля", а затем выходил к переправе у с.Чумаково, защищенной расположенным примерно в 2 км выше по течению р.Сейм городищем Игоревка. В пользу наличия здесь переправы свидетельствуют как наличие селища на одной стороне реки и древнерусских материалов на другой, так и наибольшая суженность речной долины на участке между Молчанским и Жилинским болотами. Помимо этого, о переправе говорит и то, что подходящее по всем параметрам для прикрытия Путивля на данном направлении Ширяевское городище раннего железного века не использовалось в VIII-XIII вв. Указанные факторы свидетельствуют также о подчиненности городища Игоревка Путивлю, а не Вырю и Вяханю. От переправы у с.Чумаково путь шел к Путивлю, а затем на Рыльск через городище у с.Новая Слобода или городища Руднево и Емадыкино. Городище Будищи, по-видимому, контролировало дорогу Путивль-Глухов. Расположение вблизи дороги Глухов-Севск городищ у с.Пустогород и у с.Толстодубово (в последнем случае рядом расположены два городища XII-XIII вв.) может объясняться как наличием в данном районе массива плодородных почв, так и важностью данного пути. Парное расположение городищ у с.Толстодубово скорее свидетельствует в пользу второго предположения, на это же указывает и характер укреплений одного из городищ-двойной линией валов и рвов, площадь данных городищ 0,75 га и 0,3 га. Наблюдения за округой Путивля и Глухова показывают, что крупные городища площадью 0,6-0,7 га расположены на удобных подступах к данным городам на расстоянии около 20-30 км от них (на переправах через реки и дорогах) и защищали округу названных городов. Клады XII-сер.XIII вв. найдены в бассейне р.Сейм - у с.Мутин (вблизи

впадения в р.Сейм р.Клевень) (44,с.96-101) и в Путивле (45, с. 206-207), один клад пока локализовать не удастся (в имени Терещенко), хотя имеются сведения о принадлежности его к округе древнерусского города Вырь (46, с.132-133).

Дальнейшие исследования древнерусских и предшествующих им памятников междуречья Средней Десны и Верхней Ворсклы позволят более полно изучить торговые пути данного региона, определить их место в системе внутренних и внешних связей южнорусских земель.

---

1 Моця А.П. Новые сведения о торговом пути из Булгара в Киев // Земли Южной Руси в IX-XIV вв. - К.: Наукова думка, 1965.

2 Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна Верхней и Средней Оки в IX-XIII вв. - М.: Наука, 1981.

3 Приймак В.В. Про деякі питання слов'яно-салтовських стосунків на Лівобережжі Дніпра // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини / Третій областний науково-практичний семінар. - Полтава, 1990.

4 Щеглова О.А. Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи железа Восточно-европейской лесостепи. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987.

5 Сухобоков О.В., Вознесенская Г.А., Приймак В.В. Клад орудий труда и украшений из Битицкого городища // Древние славяне и Киевская Русь. - К.: Наукова думка, 1989.

6 Горюнов Е.А. Пеньковская и салтовская культуры в Среднем Поднепровье // КСИА. - 1987. - Вып.190.

7 Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры. - САИ.- Вып.ДІ-32. - М.: Наука, 1967.

8 Мажитов Н.А. Южный Урал в УП-XIV вв. - М.: Наука, 1977.

9 Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. - М.: Наука, 1984.

10 Хузин Ф.Ш. Лепная керамика // Посуда Биляра. - Казань, 1986.

11 Кочкина А.Ф. Гончарная посуда // Посуда Биляра. - Казань, 1986.

12 Березовець Д.Т. Слов'яни й племена салтівсько культури// Археологія. - 1965. - Т.ХІХ.

13 Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. - 1967. - № 142.

14 Генинг В.Ф. Южное Приуралье в УШ-УП вв. н.э.

15 Михеев В.К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша // СА, 1982 - № 2. - С.156-167.

16 Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. - К.: Наукова думка, 1990. - С.142-143.

17 Айбабин А.И. Погребения конца УП- первой половины УШ в. в Крыму // Древности эпохи великого переселения народов У-УШ вв. - М.: Наука, 1982. - С.184.

18 Пархоменко О.В. Салтовская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. - К.: Наукова думка, 1985.

19 Приходнюк О.М. Археологіч ні пам'ятки Середнього Подніпров'я УІ-ІХ ст.н.е. - К.: Наукова думка, 1980.

20 Амброс А.К. О Вознесенском комплексе УШ в. на Днепре - вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов У-УШ вв. - М.: Наука, 1982.

21 Щеглова О.А. Ранние элементы в керамическом комплексе памятников вольтневского типа // КСИА. - Вып.187.

22 Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. - М.: Наука, 1978.

23 Григорьев А.В. О роменской культуре в Среднем Подесенье// Чернигов и его округа в IX-XIII вв. - К.: Наукова думка, 1988.

24 Ковалевская В.Б. Археологические следы пребывания древних болгар на Северном Кавказе // Плиска-Преслав. Праболгарская культура. Материалы советско-болгарской встречи. - Шумен, 1976. - Т.2. - София: Изд-во БАН, 1981.

25 Халиков А.Х. Венгры, болгары, бургасы в Среднем Поволжье и Приуралье // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. - Новосибирск: Наука, 1985.

26 Приймак В.В. Охранные исследования памятников УШ-Х вв. в Верхнем Поворсклье // Археологические исследования на Полтавщине. - Полтава, 1990.

27. Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. - МИА. - 1958. - № 74.

28. Шинаков Е.А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА, 1980 - № 3.

29 Крopotкин В.В. О топографии кладов кувических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. - М.: Наука, 1978.

30 Лнин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья.

Домонгольский период. - М.: Изд-во МГУ, 1956.

31. Сухобоков О.В. Древнерусский Путивль и его округа (по материалам археологических исследований). - Путивль, 1990.

32 Моця А.П. К проблеме градообразования на Левобережье Днепра в XI-XII вв. // Труды У. Международного конгресса славянской археологии. - Т. I. - Вып. 2а. - М.: Наука, 1987.

33 Валеев Р.М. Торгово-экономические взаимосвязи Булгарии с Русью в IX- начале XIII вв. // Научная конференция "Путь из Булгара в Киев". - Казань, 1991.

34 Плетнева С.А. Хазары. - М.: Наука, 1986. - С.64.

35 Григорьев А.В. Некоторые замечания по поводу украшений роменской культуры // Проблемы археологии Южной Руси. Материалы историко-археологического семинара "Чернигов и его округа в IX-XIII вв." - К.: Наукова думка, 1990.

36 Фомин А.В. Топография кладов куваческих монет X в. междуречья Днепра и Десны // Чернигов и его округа в IX-XIII вв. - К., 1988.

37 Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI- начало XII в. - М., 1978.

38 Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I/XI- первая половина XIV в. / - М.: Наука, 1987.

39 Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII- XIII вв. - М.: Наука, 1982, - С.475.

40 Григорьев А.В. Об одном участке пути из Новгорода-Северского в Путивль // Тезисы докладов и сообщений областной научной конференции, посвященной 1000-летию г. Путивля. - Путивль, 1988.

41 Приймак В.В. Давньоруське місто Вирійого округу // Питання археології Сумщини. Матеріали науково-практичної конференції "Проблеми вивчення охорони пам'яток археології Сумщини". - Суми, 1990.

42 Былинская Л.Н. Изменения природы Курской области в XVIII-XX вв. в результате хозяйственного освоения // Антропогенная эволюция геосистем и их компонентов. - Москва, 1987.

43 Моргунов Ю.Ю. Функциональное назначение пограничных городища Юго-Восточной Руси // Археологические исследования на Полтавщине. - Полтава, 1990.

44 Тищенко О.Р. Мутинський скарб XII-XIII ст. // Археологія.- 1979. - Вип. 32.

45 ОАК за 1909 и 1910 г. - СПб., 1913.

46 Макарова Т.И. Черноевое дело Древней Руси. - М.: Наука, 1986.

Руденко К.А. (Казань)

БУЛГАРСКАЯ БРОНЗОВАЯ ПОСУДА И ТОРГОВЫЕ ПУТИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Волжская Болгария играла значительную роль в средневековой торговле Восточной Европы. Ярким подтверждением этого служат археологические материалы. Особенно показательны в этом отношении предметы художественного металла. В данной статье мы рассмотрим только небольшую часть таких поделок, освещающих, на наш взгляд, проблему взаимоотношений цивилизаций Востока и Запада в системе магистральных торговых путей.

В коллекциях, собранных на крупнейших памятниках Волжской Болгарии - Билярском и Болгарском городищах, имеются фрагменты и детали сосудов, практически не привлекавшие внимание исследователей. Интересна ручка сосуда (рис. I-1), скорее всего, от котла или таза (ГМТР, 5427-159, АА 44-2). Она имеет дуговидную форму с объемными окончаниями в виде листов, которые припаивались (?) к корпусу сосуда. С двух сторон ручка шестигранная в сечении ограничена небольшими валиками; в центре ее отлито изображение головы хищника из семейства кошачьих. Пасть и глаза зверя слегка намечены, зато рельефно выделены округлые, слегка прижатые уши и приплюснутый широкий нос. Мощная, энергично обрисованная шея как бы охватывает стержень ручки. Изображение головы и верхняя грань стержня украшены мелкими кружочками. Размеры ручки II,5 x 4,5 см.

Сохранился фрагмент еще одной ручки (ГМТР, 5427-126), также шестигранной в сечении (рис. I-2).

Детали таких сосудов, как отмечалось исследователями, чрезвычайно редки, а целые формы пока неизвестны. Аналогичная ручка, имеющая похожее изображение головы хищника, найдена на городище Будрач в Денауском районе Сурхандарьинской области (I, с. 85-87, рис. 2). Имеются сходные предметы в иранских собраниях, здесь они связываются с хорасанской школой металлообработки и датируются XI- XII вв. (I, с. 89).

На городище Лямган у с. Узун Таджикской ССР найдена ручка

от такого же сосуда, но оформленная в виде фигурки человека с раздвинутыми руками и ногами. Фигурка одета в кафтан с полукруглым подолом и широким вырезом. Ручка инкрустирована серебром (2, с.180, 192, табл.29-1,2). Датируется она по аналогиям XII-XIII вв. и близка к изделиям из Северо-Восточного Ирана.

Таким образом, находки из Волжской Болгарии очерчивают как бы северную границу распространения такого рода сосудов. Датируются они, видимо, XII-XIII вв.

Другой категорией предметов являются детали литых светильников. Известна одна крышечка (ГМГР 5427-159, АА 44-2, Бил.72) от такого изделия (рис.1-6). Высота ее 1,7, диаметр - 3,6 см. Верх ее выполнен в виде головы льва (?). Соединительное ушко чуть заглублено внутрь самой крышечки, в нем просверлены два отверстия для штифта.

Светильники с такими крышечками были широко распространены в мусульманском мире. Типы их весьма разнообразны. В целом они характеризуются чуть сплюсненным сферическим корпусом, врезанным в него полуоткрытым носиком и специальной ручкой. Снизу имеется кольцевой или конический поддон (типа рис.1-7). Датируются такие сосуды XI-XII вв. (2, с.191, табл.26-3; 3, с.47, рис.6).

Надо сказать, что болгарские металлические светильники несколько отличаются от рассмотренных выше. В большинстве случаев они повторяют форму глиняных (4, с.92, рис.2-2,4) и изготовлены выколоткой. Литые поделки имеют, как правило, открытый носик и очень маленький поддон, не выше 0,5 см. Ручки уплощенные или кольцевидные. Датируются они также XII-XIII вв.

Весьма своеобразна такая категория предметов как ступки. Она представлена 3 экземплярами.

№ 1. Изделие цилиндрической формы с отогнутым верхним и нижним краем. Диаметр тулова 9, в верхней и нижней части - 12,5 см. Диаметр отверстия 8, высота - 10 см. Венчик плоский, шириной 1,5 см. Дно чуть выпуклое. При литье здесь образовалась сквозная раковина, "заделанная" заплаткой диаметром 5 и высотой 1,5 см (рис.2-1).

Тулово ступки украшено миндалинами (длина и высота 1,2 см), и ромбами (2,5 x 3 см), сделанными в высоком рельефе. Первые идут двумя рядами по 6 в каждом, один под другим, заостренной частью навстречу друг другу. Между этими рядами расположены 6 ромбов, края которых подчеркнуты выгравированным на поверхности таким же ромбом. В верхней части сосуда над первым рядом идет

орнаментальный пояс, состоящий из окружностей диаметром 1,5 см и подпрямоугольных рамок с имитацией арабской надписи на фоне спиральных завитков. Подобный же пояс имеется в нижней части изделия. Пространство между выступами в первом и втором рядах заполнено теми же подпрямоугольными рамками. Венчик орнаментирован окружностями.

№ 2. Ступка цилиндрической формы с "отогнутым" верхним и нижним краями. Диаметр отверстия 7, высота - 6,4 см. Диаметр тупла 7,5, в верхней и нижней части - 10 см. Венчик плоский. В центральной части корпуса, ограниченной сверху и снизу кольцевым валиком, имеются 6 ромбовидных выступов (1,5 x 2,5 см) (рис. 2-2).

№ 3. Изделие восьмигранной формы. Внешний диаметр 10, диаметр отверстия - 8, высота - 6,6 см. На семи гранях ромбовидные выступы в виде двуступенчатой пирамидки, на восьмой - петлевидная ручка, высотой 1,2 см. Сверху и снизу на гранях идет валик, образуя замкнутую ломаную линию (рис. 2-3).

Ступки аналогичные нашим были широко распространены в среднеазиатско-иранском регионе. Так, в музее искусств народов Востока хранится ступка по форме почти точная копия ступки № 1. Декор ее состоит из 2 рядов миндалевидных выступов, между которыми идет ряд, состоящий из ромбовидных выпуклин. По верхнему краю ступки - полоса из картушей, заполненных надписями и стилизованным растительным орнаментом. Датируется она XII-XIII вв. (5, рис. 59).

К XI-XII вв. относится сосуд из Тохта-Базара (6, рис. 90, рис. 2-6) близкий к ступке № 1. Такой элемент декора в виде миндалевидных выступов встречается на металлических кувшинах XII в. (7, с. 77, рис. 13). Орнаментальная полоса из медальонов и картушей имеется на ступках XII в. из музея истории народов Узбекистана (8, с. 252, 254). Похожие изделия есть и в зарубежных собраниях (9, р. 138, 79). Видимо, ступка № 1 является копией импортных хорасанских (?) изделий и датируется XII в.

Сосуды, аналогичные ступке № 3, имеются в коллекции Херсонесского музея (10, с. 55, №№ 107, 108). В.П. Даркевич считает, что они изготовлены малоазийскими или армянскими мастерами в первой трети XIII в. Опубликованы граненые ступки и из музейных коллекций за границей (11, р. 87 fig. 52).

Ступки № 2 и № 3 имеют почти одинаковый вес, размеры и общее композиционное построение декора. В целом их можно датиро-

вать XII- первой половиной XIII вв.

От небольших подставок для восковых свечей (?) сохранились только фрагменты верхнего или нижнего воротничка, богато орнаментированные растительным геометрическим и зооморфным орнаментами (рис. I-3, 4, 8). Все они литые с характерным S-видным изгибом профиля. Одно из изделий имело, видимо, внутренний диаметр 8 и внешний - 22 см (рис. I-8). Датируются эти предметы по аналогиям (см.: 3, с. 54, рис. I6) XI-XII вв. Не исключено, что некоторые из этих фрагментов принадлежат литым бронзовым котлам, имевшим похожий воротничок.

Видимо, деталью какого-то крупного сосуда является литое изображение кошки (?) (рис. I-5). Предметы, украшенные подобным образом, были широко распространены в XI-XIII вв. на Востоке.

Интересная особенность всех рассмотренных предметов - функциональная принадлежность их к специальным или бытовым изделиям. Традиционно считающиеся основными предметами импорта парадные изделия - чаши, кувшины и т.п. должны быть дополнены и этой категорией поделок. В связи с этим надо сказать, что, видимо, происходило не только простое транзитное движение вещей через болгарские земли далее на Запад, но и одновременно освоение новых форм иноземных технологических приемов и навыков болгарскими мастерами. Возможно, этому способствовало традиционное использование медной посуды в быту в мусульманских странах Востока, где производство ее уходит своими корнями в античность. Как пример, можно отметить, что кухонную посуду в мусульманских странах называли просто "медь". В Каире в X в. одна женщина имела 5 тыс. больших медных сосудов для воды, которые она сдавала на прокат (I2, с. 310), а в Хорасане в одной из мечетей стояли большие бронзовые сосуды с водой, в которые по пятницам клали лед (I2, с. 310).

Широкому распространению бронзовой и медной посуды в Волжской Болгарии способствовало и то, что, вероятно, наряду с обычным импортом металлической посуды, о чем упоминают письменные источники (I3, с. 287), происходил и отток профессиональных ремесленников, что было вполне обычным явлением средневекового ремесла. Интересно, что об арабских мастерах у болгар говорит еще Ибн-Фадлан в начале X в. (I4). Так, например, известна практика среднеазиатских ремесленников, выезжавших в другие города и работавших там какое-то время, подписывая свои изделия с указанием родного города (I5, с. I43). Не исключено, что это явля-

ние также способствовало становлению собственно болгарской школы ремесленников по меди и бронзе.

Другим немаловажным фактором, способствовавшим распространению медной посуды в Волжской Болгарии, было широкое использование ее в других ремеслах и производствах: стеклоделии, гончарстве, металлургии, алхимии и т.д. Например, в алхимическом трактате IX в. упоминаются медные (?) ковши и котелки (I6, с. 62, прим.2, с.103), последние имели форму "бурмы" (кастрюли)- шириной в один локоть и глубиной в две ладони (I6, с.155, прим. 304). Значительная часть опытов проходила с использованием котелков (I6, с.124). Большинство их, судя по данным Бируни, были, видимо, литыми (I7, с.246, 247). Вероятно, близки к ним бронзовые литые котелки XII-XIII вв. полусферической формы (ср. размеры: диаметр одного из них 46 см, высота-29, глубина-17,5 см). Изготавливались они, видимо, в Хорасане, возможно, в Мерве (I8, с.112). В стеклоделии, ювелирном деле, парфюмерии использовались ступки.

Аналогичные процессы заимствования были отмечены нами при исследовании болгарской медной посуды, изготовленной из отдельных кованых листов с помощью швов "в зубец" (I9). Эта техника, описанная в восточных письменных источниках начала XI в., была довольно быстро освоена болгарскими ремесленниками. Импорт котелков, универсального вида посуды, быстро заняли подобающее место в болгарской торговле. Медные котелки зафиксированы в погребениях конца X- начала XI вв. в Поветлужье, Приочье; находки XI в. известны в Западной Сибири, Поднепровье.

Массовое производство медной кованой посуды в Волжской Болгарии в XII-XIII вв. способствовало распространению их по огромной территории, включая и Киевскую землю. В.П.Коваленко только в пределах Черниговского княжества, отметил более 14 находок фрагментов сосудов, части которых соединялись с помощью швов "в зубец" большей частью от котелков. Так, в 1982 г. на городище П летописного Листвена исследован комплекс середины XII в., где в производственной постройке были найдены куски большого бронзового котла, наряду с другими предметами ювелирного, железнообрабатывающего и др.ремесла. Интересно предположение исследователя, что найденные фрагменты медной посуды служили сырьем (20, с.160).

В Поднепровье известны также и парадные изделия восточного происхождения (I0).

В торговле нашли применение и своеобразные медные сосуды

для измерения мер объема, веса и т.п. - типа кумганов. В Волжской Болгарии они найдены на памятниках (торгово-ремесленных поселениях), расположенных на нижней наме и крупных городищах - Биллярском и Болгарском (21 : 4). Одна из таких поделок (ГМГР 5427-35 по 51/ким 86; Биляр - 76) была найдена у с.Три Озера на пути к одной из переправ через р.Болга. Вероятно, они близки медным сосудам цилиндрической формы с округлым или плоским дном с Каварданского археологического комплекса XI- начала XIII вв. близ Ташкента (22, с.99). Ю.Ф.Буряков предположил, что они использовались для взвешивания жидких и сыпучих тел.

Рассмотренные нами предметы служат убедительным доказательством таких связей, причем фиксируется и весьма любопытный процесс освоения местными мастерами как технологических, так и художественных элементов (см.: ступка № I). Не случайно и то, что большая часть данного материала датируется XII- началом XIII вв. Именно в это время экономические и политические контакты Волжской Болгарии приобретают максимальный размах за весь домонгольский период, охватывая практически все цивилизованные страны Востока и Запада.

Причем в целом медно-бронзовая посуда достаточно четко фиксируется в местах, связанных в древности торговыми путями. Волжская Болгария, находившаяся на перекрестке их, с одной стороны, служила своеобразным перевалочным пунктом, с другой - достаточно быстро осваивала новейшие достижения зарубежных мастеров, разумеется, применимых для своих условий и налаживала собственное производство. Бесспорна роль среднеазиатского ремесла в становлении болгарского производства медно-бронзовой посуды. Импортная в том числе и собственно болгарская медная посуда широко распространяется по территории Восточной Европы и Западной Сибири, чему способствовало наличие прочных торговых путей, связывавших огромные пространства Европы и Азии в единый взаимосвязанный и взаимообусловленный комплекс.

---

1 Ильясов Дж.И. Предметы художественной бронзы с городища Бударач // Изобразительное и прикладное искусство. - Ташкент, 1990.

2 Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана: в свете раскопок в Вахшской долине. - М.: Наука, 1985.

- 3 Абдуллаев Т.А., Фахрутдинова Д.А., Хакимов А.А. Песнь в металле. - Ташкент, 1986.
- 4 Хузин Ф.Ш., Дроздова Г.И. Каменные котлы и металлическая посуда // Посуда Биляра. - Казань, 1986.
- 5 Масленицина С. Искусство Ирана в собрании государственного музея искусств народов Востока. - Л.: Аврора, 1975.
- 6 Ходжагельдыев А. Коллекция бронзовых изделий XI-XIII вв. из Тохта-Базара // Каракумские древности. - Вып.У. - Ашхабад: Ылым, 1977.
- 7 Маршак Б.И. Бронзовый кувшин из Самарканда // Средняя Азия и Иран. - М., 1972.
- 8 Пугаченкова Г.А., Ремпель А.И. Очерки искусства Средней Азии: древность и средневековье. - М.: Искусство, 1982.
- 9 Dimand M.S. A Handbook of Muhammadan Art.-New York, 1947.
- 10 Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII-XIII вв. - М.: Наука, 1976.
- 11 Major R. Persian Art. London.
- 12 Мец А. Мусульманский Ренессанс. - М., 1973.
- 13 Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. - М., 1973.
- 14 Ибн-Фадлан. Путешествие ибн-Фадлана на Волгу. - М.-Л.: 1939.
- 15 Ташходжаев М.С. Ремесло в средневековом Самарканде // История СССР - № I, 1970.
- 16 Каримов У.И. Неизвестное сочинение Ар-Рази "Книга тайны тайн". - Ташкент, 1951.
- 17 Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей. - М., 1963.
- 18 Ходжагельдыев А. Бронзовые котлы из Южного Туркменистана XII-XIII вв. // Каракумские древности. - Вып.В, 1979.
- 19 Руденко К.А. К вопросу о технологии изготовления медной посуды Поволжья и Прикамья в X-XIV вв. // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. - Н.Новгород, 1991.
- 20 Коваленко В.П. Вотчинные мастера-ювелиры в городах Чернигово-Северской земли // IV международный конгресс славянской археологии. Тезисы. - М.: Наука, 1990.
- 21 Казаков Е.П. У Старокуйбышевское селище // Археологические памятники Нижнего Прикамья. - Казань, 1984.
- 22 Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. - Ташкент, 1982.

Рис. I. Фрагменты и детали бронзовых изделий

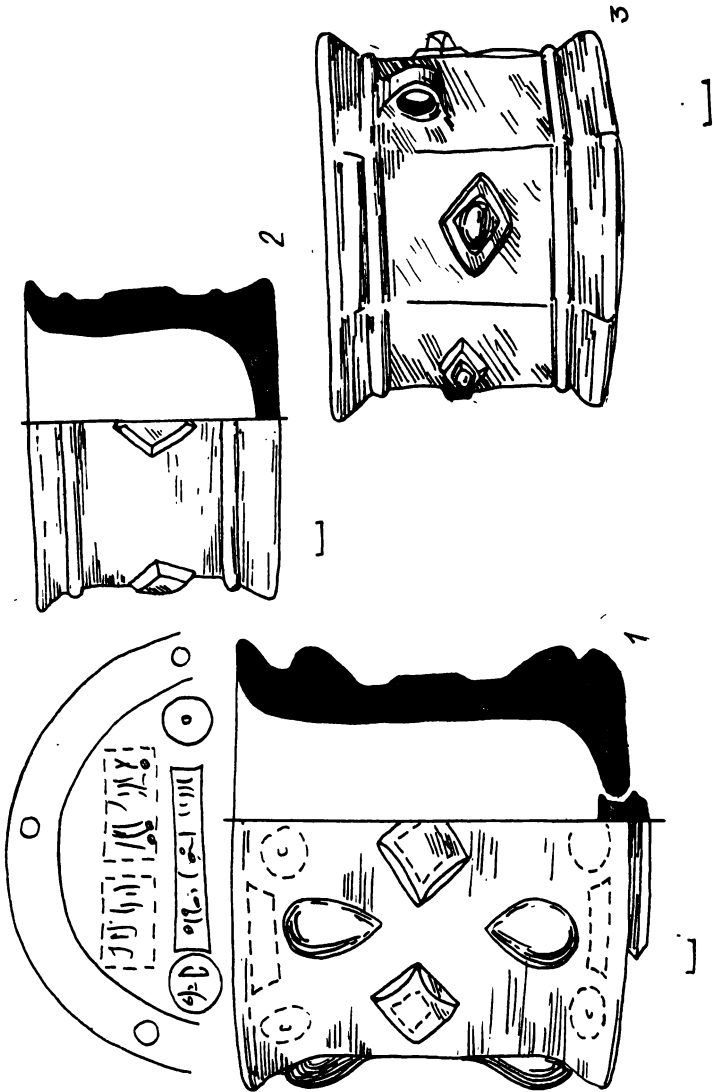

Рис. 2. Бронзовые ступки

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ВОЛЖСКОЙ
БУЛГАРИИ С РУСЬЮ в IX- НАЧАЛЕ XIII вв.

Сложение и развитие в Восточной Европе в IX- начале XIII веков двух ведущих государств - Волжской Булгарии и Руси - привело к налаживанию между ними разносторонних политических, экономических и культурных взаимоотношений. Из всего многообразия связей особо выделяются торгово-экономические.

Становление этих связей идет в русле общей ситуации в торговле Восточной Европы с Востоком. К концу VIII- началу IX века усиливается торговая деятельность арабов. Это было связано с тем, что Арабский Халифат после прихода к власти Аббасидов (750-1258 гг.) несколько меняет свои внешние планы. По сравнению с периодом царствования Омейядов (661-750 гг.), когда основное направление внешней политики носило захватнически-колонизаторский характер, во время правления Аббасидов широко начала развиваться мирная торговля, в связи с чем активно поддерживалась деятельность купечества.

В 70-80-ые годы VIII века, как считает В.Л.Янин (1, с.84), или в первой трети IX века, по предположению В.В.Кропоткина (2, с. 115), начинается оформление связей Восточной Европы со странами Халифата и складывание торгового пути по Волге в Восточную и Северную Европу, в которой постепенно по мере утрачивания силы Хазарского каганата главную роль начинает играть Волжская Булгария. В книге Ибн-Хордадбега "Книга путей и государств", написанной в период между 846-885 годами, есть любопытное сообщение о русских купцах: "Что же касается до русских купцов, принадлежащих к славянам, то они из отдаленнейших стран славянских привозят бобровые меха, меха черных лисиц и мечи к берегу Румского моря, где они дают десятую часть Византийскому императору. Иногда они на кораблях ходят по реке славян (т.е. Волге) и проезжают по заливу Хазарской столицы (Итиля), где они платят десятую часть царю страны (подчеркнуто нами - Р.В.). Оттуда отправляются они в Каспийское море и выходят на берег, где им угодно... Иногда они возят свой товар на верблюдах до Багдада" (3, с.158). Интересно в этом сообщении то, что упоминание роли Булгарии в качестве торгового пункта и посредника здесь отсутствует. По предположению Б.Н.Заходера, в IX веке было произведено определение длины волжского русла от Итиля до Булгара, сохранившееся позднее в соста-

ве восточноевропейских маршрутов (4, т. I, с. 103). В работе Ибн Русте "Книга драгоценных ожерелий", написанной в самом начале X века, на основе материалов IX века появляется известное сообщение о том, что булгары с мусульманских купеческих судов берут торговую пошлину в виде десятой части товаров (3, с. 24). Следовательно, где-то в конце IX- начале X века Волжская Булгария становится центром посреднической торговли между Востоком и Русью. Особенно ярко это прослеживается у Ибн-Фадлана (5, с. 140-141). В "Повести временных лет" упоминание о Булгарии является уже установившимся: "Тем же и из Руси может ити по Волге в Болгары и в Хвалисы, и на вѣсток дойти в жребий Симов" (6, с. 11-12). Каспийское море, называвшееся Хазарским, в XI веке получает название Болгарское (ал-Болгары), на что есть прямое указание Махмуда Каджари (7, с. 103). Таким образом, в IX веке торговля Волжской Булгарии с Русью была связана, главным образом, с внешней торговлей восточных стран и булгары начинают выполнять роль посредников, особенно в перевалке восточного шелка, серебра и целого ряда импортных изделий. Включение Булгарии в систему трансевразийской торговли привело к тому, что развитие товарно-денежных отношений ускоряется. Но об устойчивой и развитой болгарско-русской торговле мы можем говорить лишь начиная с конца IX- начала X века. А. Х. Халиков считает, что оживленная торговля, существование специальных торжищ позволяет предполагать наличие еще в I половине X века каких-то официальных болгаро-славянских обязательств (8, с. 7).

Булгаро-русские торгово-экономические взаимоотношения делятся на два периода. Первый период охватывает время IX-XI вв., второй период - конец XI- начало XIII века, вплоть до монгольского нашествия.

Интересным является вопрос о начале регламентации торговых взаимосвязей. Как мы видели выше, письменные источники позволяют отнести это ко 2-ой половине IX века. Нумизматические материалы также довольно ясно это подтверждают. Ко второму периоду монетного обращения на территории Руси (335- нач. X в.) относится более 35 кладов и отдельных находок, в то время как к первому периоду (конец VIII- перв. трети IX в.) - 25 кладов (1). А если мы возьмем третий период монетного обращения, то увидим, что происходит резкое увеличение количества кладов.

Арабские и персидские сообщения, русские летописи, археологические и нумизматические источники показывают наличие тесной

торговли между Булгарией и Русью на всем протяжении рассматриваемого периода. В конце XI- начале XII веков после образования Владимиро-Суздальского княжества акцент переносится из Киева к Северо-Восточной Руси. Несмотря на некоторое ухудшение политических возможностей, торговля продолжается (9, с.23-29). Весь болгарский экспорт на Русь делится на две группы. В первую группу входят продукты собственно болгарского производства - продукты сельского хозяйства, скотоводства, изделия ремесленного производства, сырье; во вторую группу входят товары, поступающие с Востока на Русь при посредничестве болгар: народная посуда, шелковые, хлопчатобумажные и шерстяные ткани, оружия, благовония, пряности, благородные металлы, бусы и др.

В торгово-экономических взаимоотношениях Волжской Булгарии и Руси важнейшей составной частью их политики было упорядочение времени, места и организации торговли. К сожалению, письменные источники и археологические материалы довольно скудно освещают этот вопрос, что не позволяет дать полную картину форм организации торговли между Булгарией и Русью. На их развитие в IX- начале XIII вв. значительное влияние оказывал характер складывающегося раннефеодального способа производства - господство натурального хозяйства над простым товарным производством, определенная узость внутреннего рынка, поиски рынков сбыта и строгая регламентация торговли. Размещение Волжской Булгарии на стыке торговых магистралей определило то, что в конце IX- начале X века начинают развиваться формы торговли, связанные с посреднической ролью страны. Организационной формой торговли стали ярмарки, которые располагались недалеко от Волги. Ибн Фадлан пишет: "... на этой реке (находится) место рынка, который бывает бойким во всякий (благоприятный) момент. На нем продаются многочисленные ценные вещи" (5, с.138). Он же сообщает о приходе русских купцов: "А если придут русы или какие-нибудь другие (люди) из прочих племен с рабами, то царь, право же, выбирает для себя из каждого десятка одну голову" (5, с.140-141). Ярмарки были постоянным местом торговли, разрешенным Булгарским государством и подчинявшимся рыночному праву, то есть регламентации определенной пошлины, мер веса, платежных средств. Близкое расположение и размещение ярмарок близ Волги или Камы, а с середины X века они появлялись и в крупных городах, что облегчало их посещение мусульманскими и русскими купцами, которые приезжали надолго (время между навигациями) и на срок одной ярмарки. Эти ярмарки собирались в традиционных местах и в опреде-

ленное время и носили сезонный характер. Ибн Русте напрямую связывает место ярмарки с Итилью: "Хазаре ведут торг с болгарями, равным образом и Русь привозит к ним свои товары. Все из них (т.е. русов), которые живут по обоим берегам помянутой реки (подчеркнуто нами, Р.В.) везут к ним (т.е. болгарам) товары свои, как то: меха, собольши, горностаевые, беличьи и другие" (3, с. 23). Это же сообщение, но более короткое, имеется у ал-Бекри и Истахри. На месте таких ярмарок возникали торговые фактории или поселения. Ибн Фадлан сообщал: "Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились у реки Атыл" (5, с. 141). При этом он обращает внимание на строительство ими больших деревянных домов, что свидетельствует о довольно значительном времени ярмарок. С появлением в I-ой четверти X века торгово-ремесленных поселений и городов в них сосредотачивается внутренняя и внешняя торговля. В арабских географических сочинениях конца X- начала XI веков торговля напрямую связывается с городами и их рынками. К сожалению, отсутствие источников не позволяет нам нарисовать облик городского рынка. Но высказанное нами выше сообщение Ибн Фадлана подтверждает, что в качестве торговых помещений служили деревянные дома, которые сооружались приезжими купцами и местными торговцами. Рядом с рынком располагались и мастерские, ибо для рассматриваемого периода было характерно неполное отделение торговых функций от ремесленных, т.е. ремесленник и купец нередко соединялись в одном лице. Так, в ходе раскопок мастерской постройки № 8 раскопа XXIII Билярского городища, относимой исследователями к XII веку, наряду с ремесленными изделиями, были найдены 5 гирек-разновесов, чашка от весов, что подтверждает мысль об использовании этой мастерской в качестве торговой лавки. И что самое интересное, в этой постройке в ней седней с ней № 3, очевидно, жили специалисты по янтарю, приглашенные из древнерусских городов (10, с.98-103). Следовательно, в болгарских городах возникали торговые колонии или фактории русских купцов, что довольно ярко подтверждается археологическими материалами Билярского городища (8, с.15-16; 10, с.9/-112; 11, с.11/-121). Летописи сообщают о том, что в 1229 г. в Биляре был убит знатный христианин Авраамий и "христьяне же, вземше тело его и положиша в гроб на месте, иде же и прочих христиан погребяху в земле Болгарстей" (12, с.124). В свою очередь в русских городах - Рязани, Суздале, Владимире и др. - создавались болгарские торговые колонии. В торговом договоре 1006 г. специально

подчеркнуто: "... а Болгарам все их товары продавать во градах купцам, и от них купить все потребно" (13, с.69). Археологические материалы показывают широкое распространение болгарских изделий на территории Руси (9, с.27-30; 14, с.103-114).

Торговля с Русью требовала регламентации, особенно в спорных случаях, что привело к появлению торговых договоров. Русские летописи сообщают нам о заключении нескольких договоров между Волжской Булгарией и Русью. Это договоры 985, 1006 и 1229 гг., которые определяли на взаимной основе правовую защиту пребывания болгар по торговым делам на Руси и наоборот, а также различные привилегии. Как мы видим, эти договоры действовали на всем протяжении домонгольского периода.

Важной формой торговли в Булгарии с появлением денег, как средства обращения, стало и подписание договорных бумаг, которыми закрепляли куплю-продажу, о чем сообщается в поэме "Кысса-и-Йусуф" (15, с.67).

Наличие тесных торгово-экономических взаимоотношений между Булгарией и Русью потребовало и определенной унификации форм денежного обращения и торгового инструментария. Это подтверждается прежде всего тем, что на первом этапе болгарско-русских взаимоотношений в роли средства обращения в торговых операциях в обеих странах широко использовались куфические диргемы. Известно сообщение Ибн Русте об их поступлении с мусульманских стран в обмен на товары (3, с.24-25). Интересно и сообщение Ибн Фадлана о монете русского купца, в которой подчеркивается денежный характер торговли (5, с.142). Гардизи в середине XI века вводит очень важное дополнение, связанное с уменьшением поступления куфического диргема: "Эти диргемы они ломают, и каждый кусок (употребляют в дело?). Потом они те диргемы отдают русам и славянам, так как те люди не продают товара иначе, как за чеканенные диргемы" (4, т. 2, с.34-35). В обращении на территории Руси были подражания саманидским диргемам и собственно болгарские монеты, чеканенные на болгарском монетном дворе. В условиях нехватки ввозимой монеты, которая появилась с начала второй четв. X века (1, с.116), эти подражания и болгарские диргемы влились в общую массу куфических монет, бывших в обращении на территории Руси в X веке. Это подтверждается прежде всего тем, что чистых кладов болгарских монет не найдено. Они встречаются с куфическими, главным образом, саманидскими (16, с.38-62).

Второму этапу болгарско-русских торгово-экономических взаимоотношений соответствует так называемый "безмонетный" период. После прекращения ввоза диргемов с Востока, как в Булгарии, так и на Руси, широко используются монетные слитки. Они появились в Булгарии в конце X- начале XI века, что довольно ясно подтверждается кладом, найденным у д. Татарский Толкиш, где вместе с кувшинскими монетами X века (900-995 гг.) и 3 болгарскими диргемами были обнаружены также и два крупных слитка. Они получили название "сумы", "саумы" и играли роль денег подобно древнерусским гривнам.

Находимые на территории Булгарии слитки делятся на два вида. Это "круглые" слитки, вес которых приближается к весу 204, 756 г. и так называемые "новгородские" палочкообразные слитки, весом приближенным также к 204, 756 г. Они были в обращении не только на территории Булгарии, но и Северо-Восточной Руси с XII по XV вв. В то же время, как в Булгарии, так и на Руси унифицируются и становятся, по крайней мере, сопоставимыми весы, гирьки, а также весовые нормы. В Волжской Булгарии встречаются два основных типа весов - "безмены" и бронзовые складывающиеся весы, которые характерны и для Руси (I4, с. I17-I21). Из трех групп гирек, распространенных на территории Руси, две группы встречаются и в Булгарии (I4, с. I21-I32).

Выше мы уже отмечали о широком распространении в Булгарии и на Руси серебряных слитков, вес которых приравнивается к теоретическому весу 204, 756 г., составляющего 1/2 часть иракского ратля в 409, 512 г. Этот вес широко известен как в Булгарии, так и на Руси.

Другой широко известной весовой нормой является вес арабского мискаля 4,26, что хорошо подтверждается находками гирек в Булгарии (I4, табл.2-7). При этом мискаль с древних времен был аналогичен древнерусской мере веса - золотнику, составлявшему первоначально 1/72, а затем 1/96 часть фунта и равному по метрической системе мер 4,266 г (I7, с.329).

Таким образом, стадийное развитие торгово-экономических взаимосвязей Волжской Булгарии и Руси показывает общий значительный подъем товарного производства в системе общественно-экономических отношений обеих стран. Это служит еще одним убедительным показателем устойчивости болгаро-славяно-русских торговых взаимоотношений в домонгольский период.

- 1 Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. - М.: 1956.
- 2 Кротошкин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н.э. - М., 1967.
- 3 Хвольсон Д.А. Известия о казарах, буртасах, болгарях, ма-
дьярах, славянах и русах Абу Али Ахмеда бен-Омар ибн Даста.- СПб.:
Типография импер. Академии наук, 1870.
- 4 Заходер В.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе,
Т. I. Горган и Поволжье в IX-X вв. - М.: Наука, 1962. Т. 2. - М.:
Наука, 1967.
- 5 Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путеше-
ствии на Волгу в 921-922 гг. - Харьков, 1956.
- 6 ПВЛ. - М.-Л., 1950. - Ч. I.
- 7 Махмуд Кашгари. Туркий сузлар девони. - Т. I. - Ташкент.
- 8 Халиков А.Х. Волжская Булгария и Русь (этапы политических
и культурно-экономических связей в X-XIII вв.) // Волжская Булгар-
ия и Русь. - Казань, 1986.
- 9 Валеев Р.М. Торговые связи Волжской Булгарии и Руси в домо-
нгольский период (X-XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь. - Казань,
1986.
- 10 Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И. Славяно-русские материалы в
Бияре // Волжская Булгария и Русь. - Казань, 1986.
- 11 Кочкина А.Ф. Находки древнерусской керамики на Биярском
городище // Волжская Булгария и Русь. - Казань, 1986.
- 12 ПРСЛ. - Т. 25. - С. 124:
- 13 Татищев В.Н. История Российская. М.-Л., 1963. - Т. 2.
- 14 Валеев Р.М. Торговля и товарно-денежные отношения Волж-
ской Булгарии IX- начала XIII веков: диссертация на соиск.ученой
степени канд.ист.наук. - Казань, 1990.
- 15 Кул Гали. Сказание о Йусуфе. - Казань: Таткнигоиздат,
1985.
- 16 Кротошкин В.В. Булгарские монеты X века на территории
Древней Руси и Прибалтики // Волжская Булгария и Русь. - Казань,
1986.
- 17 Татары Среднего Поволжья и Приуралья. - М.: Наука, 1967.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ РОЗОВОГО ШИФЕРА НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

Пиррофилитовый сланец или розовый "шифер", как чаще его называют, был известен древнерусским племенам в далеком прошлом. В природе встречается несколько разновидностей сланца - черного, серого цветов, но мастера-ремесленники отдавали предпочтение этому минералу, возможно из-за красивого цвета, доступности и легкости его обработки. Археологические исследования последних десятилетий выявили единственные залежи пиррофилитового сланца близ города Овруча, расположенного на территории Украинской ССР.

В истории изучения международных отношений в период средневековья большой интерес представляют вопросы взаимоотношений государства Волжской Булгарии с Киевской Русью. Торгово-экономические связи и военно-политические отношения оказывали существенное влияние на оба государства. Выгодное географическое положение Волжской Булгарии, расположенной на стыке слияния рек Волги и Камы, предопределило его роль в посреднической торговле не только с Востоком и Русью, но и с северными и северо-восточными соседями (I, с. 63).

Взаимоотношения двух торговых партнеров - Булгара и Киева прослеживаются по сведениям письменных источников. Сообщения о торговых операциях и экономической деятельности купцов на территориях рассматриваемых государств имеются в арабских источниках (Ибн-Фадлан, Ибн-Русте, ал-Бекри, Истархи). Эти сведения дополняются известиями русских летописей и находят свое подтверждение в материалах, полученных археологическими исследованиями на памятниках Волжской Булгарии. Вещи древнерусского происхождения, находки предметов культа, быта, торговли являются свидетельствами тесных торговых связей Волжской Булгарии и Руси.

В статье рассматривается период X-XIII вв., что связано со спецификой имеющегося в нашем распоряжении материала - шиферных пряслиц. Находки изделий овручских камнерезов отмечаются по всей территории Восточной Европы, в том числе и в Волжской Булгарии. На огромной территории - от Одера до Верхней Камы, от Новгородских земель до южных степей - шиферные пряслица - обычная и частая находка при археологических раскопках. Пряслица из розо-

вого пиррофилитта встречаются на каждом русском городище и во многих курганах XI- XIII вв. (2, с.188). Находки пряслиц отмечаются на всех исследованных болгарских поселениях XII-XIII вв. (3, с. 15). Обилие шиферных пряслиц в культурном слое древнего Биляра и на других памятниках Волжской Булгарии свидетельствуют о наличии торговых связей Булгарии с Киевской Русью.

Работами советских археологов определено время бытования и функционирования пряслиц из розового шифера (4; 5). Впервые эти изделия начинают встречаться в памятниках X-XI вв. (Черная могила, курган № 220 у Павлова Погоста, близ Глазова). Верхняя граница существования пряслиц определяется по Райковецкому городищу, погибшему в середине XIII вв. (2, с.193).

Как отмечает академик Б.А.Рыбаков "научное значение шиферных пряслиц (помимо эпиграфического интереса надписей на них), заключается в редкой для ремесла возможности точного установления района производства и широкого района сбыта" (2, с.189).

В материалах болгарских поселений и городищ встречаются находки древнерусских вещей. Различные изделия ремесленников: ювелирные украшения, предметы быта, торговли, крестики, писанки, сосуды, стеклянные браслеты, пряслица, отмечены на многих исследованных памятниках Волжской Булгарии. Говоря о шиферных пряслицах, следует заметить, что в крупных городах - Биляре, Суваре, Болгарах, Кокряти, Ошеле, Муромском городке эта категория вещей встречается довольно часто. Найдеы изделия из пиррофилитта на территории небольших городищ: Старо-Куйбышевского, Старо-Майнского, Хулаша, Тигашева (6; 7; 8), селищах типа Семеновского Измерского, Мурзихинского, Ново-Мордовского, Остолоповского и т.д. Отмечаются находки этих предметов и на территории, входившей в сферу влияния Булгарского государства. Прежде всего это территория современной Пензенской области "городища: Юлово, Золотаревка. В Ульяновской области шиферные пряслица найдены в Старо-Майнском, Сенгилеевском, Чердаклинском районах.

В своей работе мы используем материалы, хранящиеся в фондах археологических музеев Биляра, Болгара, Казанского государственного университета, отдела археологии ИИЛИ им.Г.Ибрагимова КНЦ АН СССР. Осмотрены также материалы, хранящиеся в ГМТР, использованы фонды музеев гг. Ульяновска, Пензы, Куйбышева, Чебоксар.

сар, Йожкар-Олы^{*}. Также привлекаются работы, где встречаются сведения по интересующим нас предметам. Говоря о пряслицах из розового шифера, следует указать, что на территории Болжской Булгарии известны все отмеченные формы, встречающиеся на древнерусских памятниках: биконические, бочковидные и овальные, хотя существует мнение, что первые два являются изделиями одного типа (там же, с.193). В нашем распоряжении в данный момент имеется следующий материал.

Самая большая коллекция шиферных пряслиц происходит с Билярского городища - 166 экземпляров (с учетом полевого сезона 1990 г. - И.Я.) В основном они найдены во время проведения археологических раскопок на территории городища, лишь 6 экземпляров являются подъемным материалом. Прежде всего следует указать раскопки, где выявлены шиферные пряслица: это раскопы № ХУП, ХІХ, ХХП, ХХШ, ХХУІ, ХХУП - А, В, В, Г, Д, ХХУШ, ХХХ, раскоп № 40. С раскопа № ХХШ происходит самая большая коллекция - 33 экземпляра. Остальные раскопы дают следующую статистику: раскоп ХП - 10 экземпляров, ХХУШ - 5 экз., ХХУІ, ХХХ - по 4 экз., ХІХ, ХХУІ - по 3 экз., ХУП, ХХУІ - В - по 2 экз., ХХУІ/Г, № 40 - по одному экземпляру. По своей форме пряслица в основном усеченно-биконические, бочковидные и плоскоцилиндрические. Цвет чаще всего розовый, реже - сиреневый, темно-малиновый. Встречаются пряслица с граффити (з, рис.3; 7-з). Исследования на ХХШ раскопе показали, что изучаемый район интенсивно застраивался в конце ХІ- начале ХІІ вв. (з, с.98). Обе постройки, выявленные в раскопе, представляют собой подпрямоугольные сооружения без очагов. По комплексу находок оба жилища датируются ХІІ-ХІІІ вв. Здесь найдены изделия древнерусских мастеров; пряслица из розового шифера, толстостенные остродонные кубки из желтоватого стекла, писанки, круглые, сегментовидные, крученые и гладкие стеклянные браслеты различных оттенков и цветов (там же, с.103-105). Выше мы отмечали находки шиферных (пирофилиттовых) пряслиц на других раскопах. Следует отметить, что преобладающей формой этих изделий с Билярского городища является овальная.

Таким образом, с Биляра происходят 166 шиферных пряслиц (с

---

* Пользуясь случаем, приносим благодарность Г.Н.Белорыбкину, Ю.А.Семькину, С.И.Валиуллиной, Е.П.Казакову, Е.А.Беговатову, Ф.Ш.Хузину, И.Л.Измайлову, Р.Ф.Шарифуллину, предоставивших возможность для ознакомления с материалом.

учетом других коллекций и 3-х обломков, включая находки 1990 г. - И.И.). Часть находок, полученных в ходе исследования вышеперечисленных раскопов, опубликована (9, 101).

В Болгарском историко-археологическом музее нами осмотрена коллекция пряслиц из пиррофилитта, состоящая в основном, из подъемного материала следующих памятников: Измерского, Семеновского, Старо-Куйбышевского, Ново-Мордовского и т.д. селищ. Непосредственно с Болгарского городища происходит 33 экземпляра шиферных пряслиц. Из них - 16 биконической формы, 10 - бочковидной, 7 - овальной. На урочище Ага-Базар - торговой пристани Болгара - найдено 4 пряслица, все они овальной формы, одно из них обломано.

С территории Болгарского городища происходит пряслице со знаками-рунами (?), являющееся, к сожалению, беспаспортной находкой.

Селища, о которых говорилось выше, располагаются в приустьевой части реки Камы. Большинство памятников находятся в районе ее впадения в Волгу. Расположенные здесь селища, по мнению А.Х. Халикова, являются следами торговых мест (3, с.71). Рассматриваемые нами изделия на них распределяются следующим образом: Старо-Куйбышевское городище - 13 экз., овальных - 5, биконических - 4, бочковидных - 4; Старо-Куйбышевское селище - 6 экз., соответственно 4:1:1; IV, V Ст.Куйбышевские селища - 7 экз., 4-биконических, 3 - овальных, здесь же (V селище - И.И.) найдена пуговица из розового шифера овальной формы.

I, III, IV Семеновские селища - 13 экз. Из них - 8 биконической формы, 3 - овальной и два - бочковидной формы. С I Измерского селища происходят 2 биконических и одно овальное пряслица. По одному экземпляру выявлено с селищ Мурзиха и Остолопов - оба бочковидной формы. С селища Ново-Мордово нам удалось найти 4 пряслица. Таким образом, с вышеперечисленных селищ происходит 55 шиферных пряслиц, но это далеко не полный подсчет. По сообщению исследователя этих памятников Е.П.Казакова, находки пряслиц из розового шифера на Мурзихинских, Ст.Куйбышевских, Семеновских, Измерских селищах доходит до нескольких десятков с каждого. Находки пряслиц с надписями и знаками встречаются не только в городах Волжской Булгарии, но и на селищах, рассмотренных нами (12, с.4, 4,2).

Изделия из розового шифера, в основном, сосредотачивались в городах и поселениях, расположенных близ водных магистралей. В

районах, отдаленных от речных путей, они встречаются значительно реже (рис.2). С городища Хулаш XII-XIII вв. известно 26 экземпляров, на Тигашевском городище найдено 8 штук. По одному пряслицу найдено на селищах Мало-Пальцинском (Чердаклинский р-н Ульяновской области) X-XI вв. (I2, с.206), Урманском, I-ом Арбузовском селище, поселке Красная Заря (Старо-Майнский район Ульяновской области - И.Я.) - всего 6 экземпляров. Криушское поселение (I3, с.91), селище Б.Янгильдино - X-XIII вв. дали по одному экземпляру (I4, с.110), Богдашкинское городище (Ошель) - 6 экземпляров. Одно пряслице найдено на Бальмерском городище (конец XI- начало XII вв.) вместе с фрагментами древнерусской гончарной посуды, куском янтаря, фрагментом зеленого поливного сосуда из розовой глины с гравированным растительным орнаментом типа крымской или кавказской X-XII вв. (I5, с.47). Несколько десятков шиферных пряслиц отмечено на Муромском городке (I6, с.203), 20 экземпляров пряслиц из шифера найдено в Пензенской области, в основном на городищах Юлово, Золотаревка, (I7, рис.3 I-4, I0-23). По мнению Г.Н.Белорыбкина, эти памятники имеют отношение к сухопутному торговому пути между Булгаром и Киевом.

Кроме шиферных пряслиц значительный интерес представляют следующие предметы: заготовка (?) из розового шифера, найденная на Старо-Куйбышевском селище, шиферный точильный брусочек из Болгара, формочка для отливки ложновитых перстней.

К настоящему времени нами из рассмотренных коллекций выявлено 415 шиферных пряслиц, найденных на территории Волжской Булгарии. Наблюдается концентрация этих предметов как в крупных городах, так и на селищах. На памятниках, значительно удаленных от водных путей сообщения - Хулаш, Тигашево, Юлово, отмечается присутствие изделий овручских камнерезов. Это можно объяснить тем, что указанные городища располагались на сухопутных торговых путях. Тем более, что эта концентрация выявляется в местах, где предположительно шла торговая магистраль между Булгаром и Киевом (I8; I9; 20), (в отношении территории Волжской Булгарии - И.Я.). В пользу этого свидетельствуют сравнительно небольшие размеры рассмотренных нами изделий, которые могли перевозиться во вьюках, переметных сумках. Видимо, на территорию Булгарии они доставлялись именно таким образом - сухопутным путем. В крупных узловых пунктах часть товаров оседала и распространялась по округе - по суше, по водным магистралям. На территории В.Булгарии шиферные пряслица, в основном, найдены на памятниках X-XII; XII-

ХШ вв., т.е. в домонгольский период.

- 1 Белавин А.М., Оборин В.А. Посредническая роль Волжской Булгарии в торговом обмене Древней Руси и Верхнего Прикамья в X-XIII вв. // Волжская Булгария и Русь. - Казань, 1986.
- 2 Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. - М. - 1948.
- 3 Халиков А.Х. Волжская Булгария и Русь // Волжская Булгария и Русь. - Казань. - 1986.
- 4 Розенфельд Р.П. О производстве и датировке овручских пряслиц // СА. - № 4. - М. - 1964.
- 5 Малым В.А. Шиферные пряслица и их использование // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. - М.- 1976.
- 6 Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки городища у села Большая Толяба Чувашской АССР в 1975 году // Вопросы археологии и истории Чувашии. - Чебоксары, 1960. Он же. Тигашевское городище // МИА.- № III. - Т.4, 1964.
- 7 Каховский В.Ф., Смирнов А.П. Хулаш // Городище Хулаш и памятники Средневековья Чувашского Поволжья. - Чебоксары, 1972.
- 8 Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И. Славяно-русские материалы в Биляре // Волжская Булгария и Русь. - Казань, 1986.
- 9 Хузин Ф.Ш. Рядовые жилища, хозяйственные постройки и ямы цитадели // Новое в археологии Поволжья. - Казань, 1979.
- 10 Хузин Ф.Ш. О социальной топографии Билярского городища // Из истории материальной культуры татарского народа. - Казань, 1981.
- 11 Казаков Е.П. Знаки и письмо ранней Волжской Булгарии по археологическим данным // СА. - № 4- М., 1985.
12. Хлебникова Т.А. Пальцинские селища X- начала XIII вв. // МИА. - Т.П. - М., 1958.
- 13 Тухтина Н.В. Раскопки 1957 года близ села Криуши Ульяновской области // МИА. - Т.3. - № 80. - М., 1960.
- 14 Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945-1957 гг. // Труды КФАН СССР. Серия исторических наук. - Казань, 1964.
- 15 Ефремова А.М. Городецкое селище и Болгарское городище у с.Бальмири Татарской АССР // МИА. - Т.III. - М., 1962.
- 16 Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарско-

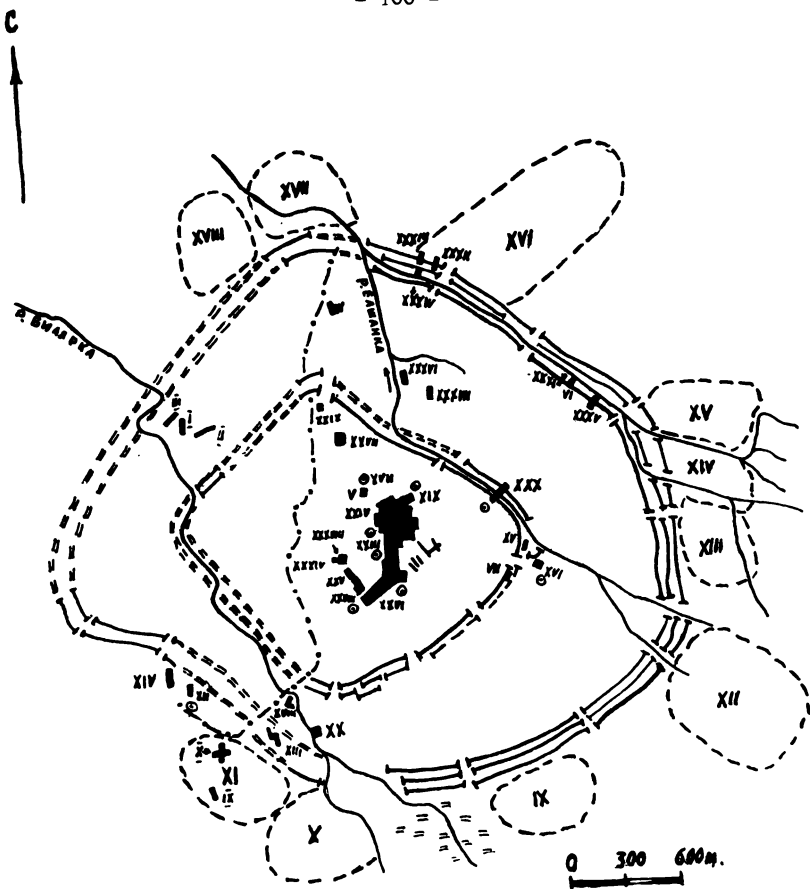

Рис. I. План Билярского городища

- 1 (---) - граница селищ
- 2 (—|—) - валы
- 3 (---) - граница современной застройки
- 4 (■) - площадки раскопов
- 5 (⊙) - находки пряслиц

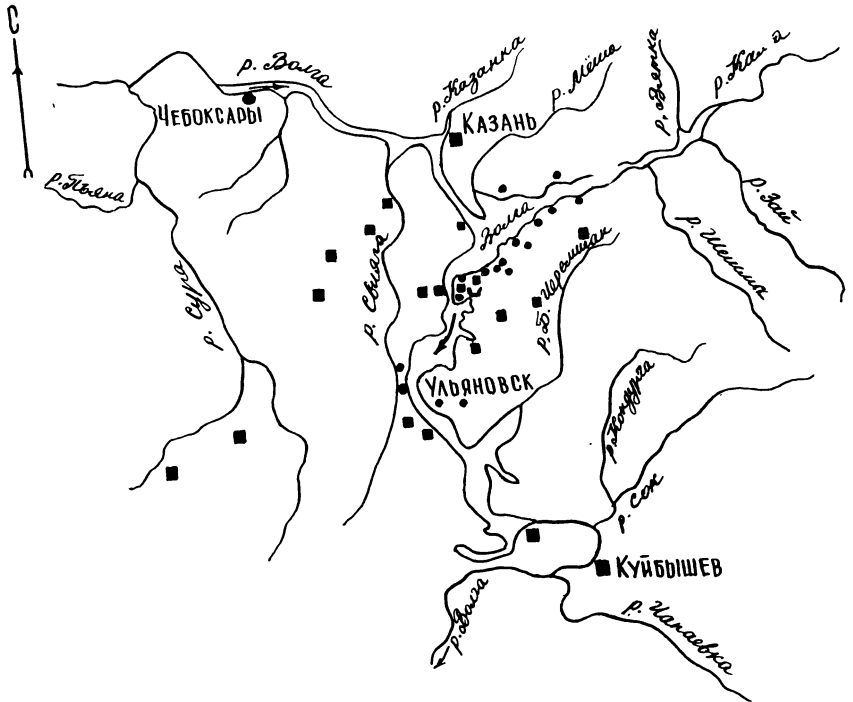

Рис. 2. Памятники, где найдены пряслица
в Среднем Поволжье

■ - городища

● - селения

∩ - могильник

0 30 60 см.

го Поволжья. - Куйбышев, 1986.

17 Белорыбкин Г.Н. Путь из Булгара в Киев в районе Верхней Суры // Волжская Булгария и Русь. - Казань, 1986.

18 Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев // Древности Восточной Европы. - М., 1986.

19 Моця А.П., Халиков А.Х. Новые исследования пути из Булгара в Киев (предварительное сообщение) // Археология. - Киев.- № 4, 1989.

20 Моця А.П. Новые сведения о торговом пути из Булгара в Киев // Земли Южной Руси в IX-XIII вв. - Киев, 1985.

Измайлов И.Л. (Казань)

ВОЕННО-ДРУЖИННЫЕ СВЯЗИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ С ЮЖНОЙ РУСЬЮ В X-XI вв.

Разнообразным формам связей Волжской Булгарии с Киевской Русью всегда уделялось большое внимание в отечественной историографии, однако в последнее время благодаря разработке комплексной программы "Болгар-Киев" качественный уровень их рассмотрения явно повысился, как по общему кругу привлекаемых к обсуждению фактов, так и по обработке источников (1; 2; 3). Одна из таких проблем, изучение которой стало возможным в последнее время - характер и тенденции развития военно-дружинных связей между Южной Русью и Волжской Булгарией. Объясняется это, главным образом, тем, что был подробно изучен комплекс вооружения волжских булгар X-XI вв. и выявлен целый ряд находок булгарского происхождения из южнорусских земель.

Основной причиной установления связей в области вооружения и дружинной культуры являлись сходные процессы трансформации традиционного общества с протестарно-политической организацией в раннефеодальное государство с соответствующими институтами, а также особой дружинной культурой.

В Древней Руси центром формирования государственной территории становится область вокруг Киева, Чернигова и Переяславля, отмечаемая летописцами как "Русская земля" (4, с.60-66). Именно здесь зафиксированы наиболее богатые дружинные некрополи - Черная Могила, Гульбище, Шестовицы, Киевский у Десятинной

церкви и т.д. Именно здесь формируется слой славянской знати, которая выработала свой погребальный обряд, сочетающий местные и иноэтничные черты (5, с.12; 6, с.242-244; 7, с.231, 232; 8, с.99-107). Сложный и пышный ритуал захоронений (частично кремация, частично ингумация в срубных гробницах) с богатым инвентарем (оружие, снаряжение верхового коня, детали костюма и украшений) демонстрируют формирование надэтнической культуры знати.

Одновременно в Среднем Поднепровье в VIII-X вв. идет активный процесс развития городов на базе племенных "градов", причем они сразу становятся ядром государственности, где концентрировались политические, военные и культовые функции (9, с.47). Вокруг таких раннегородских центров и располагаются основные дружинные могильники и привозные изделия (оружие, украшения, черты погребального обряда и т.д.), демонстрируя связь между нарождающейся политической властью и слоем военной знати (8, с.242-244; 7, с.233, 235; 10, с.84-87, 101). Характерно, что археологически фиксируемая в Южной Руси дружина, славянская в своей основе, была насыщена пришлыми элементами (6, с.242-244; 10, с.106-124). С середины X в., судя по археологическим материалам, процесс нивелировки этих многоэтнических компонентов начал усиливаться, но особый импульс ему придало принятие христианства господствующим слоем общества (10, с.57-61). И если в погребальной обрядности, особенно сельского населения, весьма долго сохранялись элементы язычества, то в дружинной и городской среде новая религия внедрялась более успешно (10, с.67, 70).

На территории Волжской Булгарии в конце IX-X вв. наблюдаются весьма сходные процессы. В 20-40-х годах X в. оформляются ранние города - центры княжеств - Болгар, Сувар, Ошель, Старомайновское городище и ряд других (11; 12; 13; 14), где идет становление единой городской культуры, выработка общегосударственного языка и начинается чеканиться монета. Здесь в отличие от сельского населения, сохранявшего язычество (Танкеевский, Тетюшский и другие могильники), более активно распространяется ислам, который стал господствующей религией уже с начала X в. Хотя история становления булгарских городов еще недостаточно изучена, можно констатировать их связь с племенными и древними культовыми центрами (12, с.94-97; 14, с.25). Одновременно именно близ этих ранних городов концентрируются находки небулгарского происхождения - каролингские мечи и их фурнитура, западные типы оружия, украшения,

клады куфических монет, а около Бальмера обнаружен целый курганный могильник с обрядом кремации первой половины X в. (15, с. 130-136). Все эти материалы позволяют сделать вывод о формировании в X в. слоя болгарской дружинной знати, которая широко использовала в своем быту иноэтничные социальнопрестижные вещи, что особенно хорошо заметно в оформлении оружия, деталей костюма и украшений.

Сходные черты в развитии Руси и Болгарии в X-XI вв. указывают, что в обеих странах на фоне становления государства и роста городов, шел процесс оформления нового общественного слоя - рыцарства - со своей социальной субкультурой. Благодаря этому между двумя этими регионами, которые стали в Восточной Европе как бы узлами социального напряжения, развивались активные связи в области вооружения и шел обмен социально престижными вещами.

Кроме этих внутренних факторов на характер контактов Южной Руси и Болгарии оказывало значительное влияние участие в мировой торговле по "пути из варяг в греки" (для Руси) и "Великому волжскому пути" (для Болгарии). Начав функционировать довольно рано, уже по крайней мере с конца VIII в. (6, с.227-230; 16, с.173-177), эти торговые пути способствовали не только движению товаров и серебряной монеты, обеспечивая быстрое развитие русского и болгарского обществ, но и включению их в циркулбалтийский культурный мир. В первую очередь это связано с появлением в Поволжье и Приднепровье археологических находок, связанных с "русами" - "военно-торговой дружинной средой, насыщенной варяжскими элементами" (6, с.245). Среди находок такого рода в Южной Руси можно назвать каролингские мечи (особенно найденные около днепровских порогов) и своеобразные украшения (7, с.232, 254). Вместе с тем исследователи отмечают отсутствие в этом регионе характерных скандинавских захоронений, что может свидетельствовать о сравнительно быстрой ассимиляции скандинавов в течение X в. (6, с.242; 8, с.106).

В Среднем Поволжье также в целом достаточно четко фиксируется наличие скандинавских элементов - мечи и наконечники от ножен, типичные фибулы, находки монет с рунами и т.д. (15, с. 132-136). Анализ этих находок позволил выявить динамику их распространения: на первом этапе дружины "русов" были достаточно автономны и действовали вне структуры государственных институтов Болгарии, но уже, видимо, после поражения в 913 г. от хазар и болгар, они становятся частью военной дружины болгарских пра-

вителей. Доказательством этого могут служить Бальмерские курганы с достаточно смешанным, "скандинаво-булгарским" инвентарем (Ю, рис. I; I5, с. I31, I32). Однако уже к концу X в. все находки западного происхождения сосредотачиваются вокруг ранних городов, что при полном отсутствии других могильников с обрядом кремации, заставляет думать о быстрой инфильтрации "русов" в состав военных дружин и растворении их в булгарской среде.

Особенно четко это прослеживается на примере военной техники и снаряжения. Соотношение местных и иноэтничных элементов в вооружении Киевской Руси очень четко определил А.Н.Кирпичников, который отметив заимствования, особо подчеркнул традиционность и своеобразность развития древнерусского оружия (7, с.235-262). Это же можно отметить и при изучении комплекса булгарского вооружения (I9, с. I26-I28), в котором в X-XI вв. роль основных боевых средств играли традиционные виды вооружения: сабли, пики, боевые топоры-чеканы, кистени, булавы, кольчуги и пластинчатые доспехи, а также арочные стремени и кольчатые удила. Новшествами в этот период стали широколезвийные копья, круглые щиты с железным умбоном, шпоры и ледоходные шипы. Все эти инновации не случайны и свидетельствуют о целенаправленном отборе предметов вооружения, соответствующих снаряжению тяжеловооруженного воина-всадника. Сравнивая развитие комплекса вооружения на Руси и в Булгарии, нельзя не отметить большое сходство в направлении их совершенствования - ведущее положение набора снаряжения конного воина-рыцаря, насыщение "военного быта" богато украшенными значительными формами оружия и частое использование и переработка иноэтничных по происхождению предметов (7, с.249, 250, 262; I9, с. I31-I34).

Разумеется, эти сходные общеевропейские в своей основе явления затрудняют изучение контактов между дружинами именно Южной Руси и Булгарии. Но одновременно их изучение позволяет полнее выявить природу обоюдного тяготения обеих стран и неслучайный характер взаимных заимствований.

В последние годы, когда началось широкое археологическое обследование многих средневековых булгарских памятников, на них был выявлен ряд предметов, которые можно считать попавшими в Среднее Поволжье благодаря контактам с "Русской землей". Среди этих находок выделяются топоры с вырезным обухом, боковыми мысовидными щековицами и расширяющимся книзу клиновидным лезви-

ем (рис. I, 5). Подобные секиры очень часто встречаются в памятниках Древней Руси в X- первой половине XII вв. и считаются типичными русскими формами (20, с. 35, 36). В Бугарии их найдено три экземпляра из Билирского и Болгарского городищ, а также из случайных сборов. Наиболее интересна находка из Билыра, которая отличается наличием серебряной инкрустации на обеих сторонах лезвия. Орнамент на них состоит из чешуек и двойных дуг, вписанных в полосу, образующую равнобедренный треугольник, и окаймляющих поверхность бойка, по низу которого идет ряд треугольников вершинами к лезвию. Аналогии этому орнаменту указывают на его древнерусское происхождение (21, с. 92, 93), так как не характерны для болгарского искусства. В древней Руси подобные секиры считаются специализированным боевым оружием (20, с. 37). Об их походно-боевом назначении могут свидетельствовать отверстия на лезвиях. Наличие орнамента позволяет считать эти секиры парадным оружием, заимствованным на Руси в качестве символа знатности и богатства, принадлежности к рыцарскому сословию.

Весьма возможно, что и форма булавы в виде куба с четырьмя крестообразно расположенными шипами (одна из находок имеет длинные бронзовые трубчатые втулки для рукояти) из Билыра (рис. I, 1, 2), была заимствована бугарами благодаря контактам с Юго-Востоком Европы. Подобное оружие было одним из ранних видов булавы и ареал его распространения в X-XI вв. включал Саркел, Северный Кавказ, Причерноморье и Балканы (20, с. 48, табл. XXV, I, 2). Вряд ли, конечно, бугары использовали привозные булавы, скорее всего, здесь может идти речь об изготовлении их по южным образцам.

К числу элементов дружинного снаряжения, несомненно, поступавшего в Бугарию по торговому пути из Болгара в Киев, можно отнести находки плоских бронзовых рамчатых пряжек с характерными изображениями крылатых грифонов. Всего пока известны три такие находки с территории Среднего Поволжья-Билыра, Семеновское У селище (рис. I, 3, 4). Их происхождение, скорее всего, связано с Византией, где подобные изделия датируются X в. Интересна одна пряжка из Билирского городища, которая отличается от типичных византийских форм и является, возможно, их болгарской реминисценцией (рис. I, 4).

Одновременно с заимствованными изделиями в Бугарии в конце X- начале XI вв. появляется целый ряд предметов общеевропейских форм. К числу таких можно, в первую очередь, отнести находки на-

конечников ножен мечей (рис. П, I, 2). Один из них - из Болгарского городища - представляет собой литой футляр. Вверху он украшен выпуклой, покрытой парными насечками окантовкой, из которой в центре выступает завершение с двумя поперечными валиками, оканчивающимися изящной головкой хищной птицы с изогнутым клювом и подчеркнуто большим глазом. Низ футляра украшен выпуклым орнаментом, центральным сюжетом которого служит сложный семилепестковый крин, вырастающий из сердцевидного бутона с двумя отогнутыми вниз лепестками. В центре композиции располагается трехлепестковый крин, венчающий нижний трехчастный бутон. Вся остальная поверхность гладкая.

Второй наконечник (из Билярского городища) украшен беднее. По его верхнему обрезу идет выпуклый валик с выступающим в середине наверху из двух поперечных валиков, заканчивающихся шаром с выступом. Из центра вниз спускается удлинённый трехлепестковый бутон. Такой же удлинённой формы тройной лепесток поднимается кверху из футляра. Подобное оформление создает впечатление небольшого колпачка, одетого на наконечник снизу.

Аналогии первому весьма немногочисленны и приблизительны. Похожие наконечники ножен меча известны из погребения XI в. из Десятиной церкви (22, табл. 42) и из венгерского погребения X-XI вв. из Румынии (23, с. 126, рис. I). Этим же временем датируются наконечники из Прибалтики (24, рис. I6, I, I7), несколько отличающиеся размерами и по стилю оформления, но представляющие, видимо, изделия одного круга (24, рис. I6, I, I). Форма второго наконечника имеет более значительный ареал распространения в конце X - начале XI вв. - Прибалтика, Русь, Болгария, Венгрия (23, с. 166, табл. УП; 2; 25, с. 67, 68). Все это позволяет говорить о существовании общеевропейских требований к изделиям такого рода, которые, однако, преломлялись через традиционное своеобразие того или иного региона. Интересно, что такая тенденция проявляется особенно заметно в XI в., когда увеличивается самостоятельность местных оружейных мастерских, в том числе и болгарских, где были, видимо, изготовлены эти наконечники по заданному образцу.

Все эти предметы позволяют считать, что связи Булгарии с Южной Русью были разнообразными. Вместе с тем они показывают, что русско-болгарские контакты в области вооружения носили элитный характер и затрагивали в основном набор оружия знатных дружинников.

В Южной Руси в свою очередь найдены предметы, появившиеся в результате контактов с булгарами. В первую очередь, следует отметить целый ряд находок деталей воинского костюма, в том числе, поясных накладок как непосредственно привезенных из Булгарии, так и изготовленных здесь по восточным образцам (26, с.56-58). Особенно выделяются среди них поясные накладки, украшенные "пальметкой", так как именно для отлива набора накладок с таким орнаментом были предназначены две литейные формочки, одна из которых имела куфическую надпись по краю (27, с.205-209; 28, с. II8, рис.2). Тогда же в X-XI вв. в дружинных погребениях Южной Руси - Киев, Чернигов, Шестовцы и т.д. - появляются пуговицы типа "гобика", поясные и сбруйные украшения, застежки поясных сумочек и т.д. (26, с.56, 57). Подобные находки указывают на большое влияние болгарской дружинной культуры, а через нее и в целом восточной, на Южную Русь, где она стала одним из компонентов формирующегося "военного быта" знати.

Кроме этих находок, некоторые факты указывают на наличие в дружинах киевских князей непосредственно выходцев из Среднего Поволжья и Прикамья. Особенно показательны в этом отношении погребения № II3 и II8 из Киевского могильника близ Десятинной церкви, которые отличаются своеобразным погребальным обрядом ("не славянская" ориентировка) и инвентаря (22, с.182-185, 191-194, рис.29-31, 38, 39). А.П.Моця считает, что они принадлежат кочевникам (10, с. II7), хотя судя по находкам поясного и сбруйного наборов и кресала прикамского типа с бронзовой рукоятью, нельзя исключить и то, что в них погребены булгары, поступившие на службу к киевским князьям и влившиеся в число знатных дружинников (22, с.166; 8, с.105, 107). Также весьма вероятно, что часть погребений с территории Южной Руси, традиционно считающимися финно-угорскими или балтскими, являются болгарскими (см.10, с. II, II7). Однако, судя по этим материалам, иноэтничные компоненты в составе киевских дружин очень быстро ассимилировались и теряли свою этническую определенность.

В какой-то мере наличие в Южной Руси каких-то болгарских групп с элементами своей дружинной культуры подтверждают находки из прусского могильника Ирзекапинис (29). Здесь, как полагает В.И.Кулаков, в результате контактов сембов с булгарами в составе дружин киевских князей (29, с.145) появляются в X-XI вв. такие атрибуты знатных конных воинов, как сбруйные накладки, вось-

меркообразные стремена и стремена с выделенной подножкой, а также бронзовое навершие плети в виде головы хищной птицы (29, рис. I).

Судя по всем этим археологическим материалам, можно отметить наличие достаточно многообразных военно-дружинных связей как в области обмена предметами "дружинного быта", так и обмена идеями в условиях сложения в обоих регионах сходной феодальной субкультуры.

Все эти археологические материалы находят прекрасное подтверждение в письменных источниках. Русские летописи сохранили сведения о большом походе князя Владимира на Булгарию в 935 (6493) году и заключение мирного договора (30, с.59). В 987-988 (6495-6496) гг. в связи с официальным принятием христианства между Русью и Булгарией происходил обмен посольствами (31, с. 132, 149, 149). Никоновская летопись под 990 (6498) г. содержит также уникальное сообщение о переходе болгарских князей, видимо, со своими дружинами, на службу к Владимиру: "того же лета приидоша из Болгар к Володимеру в Киев четыре князи и просветишася божественным крещением; Володимер же чествова их и много удовольствова" (32, с.59). Та же Никоновская летопись сохранила и два других сообщения о походах Владимира на Болгар - под 994 (6502) и 997 (6505) годами (32, с.65, 66). На основе этих данных можно сделать вывод о развитых военных контактах между Киевской Русью и Булгарией, а также о непосредственном включении болгар в состав киевской дружины.

Таким образом, можно констатировать, что связи Волжской Булгарии с Южной Русью активно развивались уже с X в., когда в обеих странах шло становление государства, городов. На фоне этих социальных сдвигов возникает новая социальная субкультура - культура феодального рыцарства, которая, обогащаясь различными иноэтническими элементами, что особенно заметно в оформлении оружия и снаряжения военной знати, приобретает надплеменной характер и начинает выполнять социально престижные функции. Многообразные взаимные в этой области контакты обоих регионов доказывают не только высокий уровень их военного дела, но и сходство и сопоставимость их социальной и военной организации. Связи, установившиеся между Русью и Булгарией в X в., а также, несомненно, определенная параллельность процессов эволюции их боевых средств, получили свое развитие в последующие века, что привело к большо-

му сходству в комплексах вооружения тяжеловооруженных всадников этих регионов Восточной Европы в домонгольский период.

- 1 Волжская Булгария и Русь. - Казань, 1986.
- 2 Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы. Тезисы докладов. - Воронеж, 1990.
- 3 Путь из Булгара в Киев. Тезисы докладов. - Казань, 1991.
- 4 Рыбаков В.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. - М.: Наука, 1982.
- 5 Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX-XI вв. - Л., 1978.
- 6 Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. - Л., 1985.
- 7 Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (руско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. - М.: Прогресс, 1986.
- 8 Моця А.П. Срубные гробницы Южной Руси // Проблемы археологии Южной Руси. - Киев: Наукова думка, 1990.
- 9 Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. - Киев: Наукова думка, 1989.
- 10 Моця А.П. Население Среднего Поднепровья IX-XIII вв. - Киев: Наукова думка, 1987.
- 11 Хлебникова Т.А., Казаков Е.П. К археологической карте ранней Волжской Булгарии на территории ТАССР // Из археологии Болго-Камья. - Казань, 1976.
- 12 Халиков А.Х. О столице домонгольской Булгарии // СА. - 1973. - № 3.
- 13 Хлебникова Т.А. Ранний Булгар // СА. - 1975. - № 2.
- 14 Хузин Ф.Ш. О столице Волжской Булгарии домонгольского периода // Биляр - столица домонгольской Булгарии. - Казань, 1991.
- 15 Измайлов И.Л. К вопросу о болгаро-скандинавских контактах // Биляр - столица домонгольской Булгарии. - Казань, 1991.
- 16 Дубов И.В. Великий Волжский путь. - Л., 1989.
- 17 Гаркави А.Л. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах. - СПб., 1870.
- 18 Штукенберг А.А. Древняя курганная могила около деревни Бельмер (Бульмер) в Спасском уезде Казанской губернии // ИОАИЭ. - 1982. - Т.Х. - Вып.2.
- 19 Измайлов И.Л. О русско-булгарских связях в области техни-

ки и военного дела // Волжская Булгария и Русь. - Казань, 1986.

20 Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. П. // САИ.-1986. - Вып.Е1-36.

21 Корзухина Г.Ф. Ладожский топорик // Культура Древней Руси. - М.: Наука, 1966.

22 Каргер М.К. Древний Киев. Т.1. - М.-Л., 1958.

23 Bakay K. Archäologische Studien zur Frage der ungarischen Staatsgründung // ААН. - 1967. - vol.19.

24 Мугуревич Э.С. Восточная Латвия и соседние земли в X-XIII вв. - Рига, 1965.

25 Корзухина Г.Ф. Из истории древнерусского оружия XI в. // СА. - 1950. - № XIII.

26 Орлов Р.С. Художественные связи Южной Руси с Волжской Булгарией в X-XI вв. // Археологическое изучение микрорайонов: Итоги и перспективы. Тезисы докладов. - Воронеж, 1990.

27 Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю. О ремесленном производстве на Киевском Подоле // СА. - 1980. - № 3.

28 Орлов Р.С. Художественная культура городов "Русской земли" в IX-X вв. // Труды У Международного конгресса археологов-славистов. Т.2. - Киев: Наукова думка, 1988.

29 Кулаков В.И. Степные реминисценции у раннесредневековых сембов // Волжская Булгария и Русь. - Казань, 1986.

30 Повесть временных лет. Ч.1. - М.-Л.: Наука, 1950.

31 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. - М.-Л., 1950.

32 Патриаршья или Никоновская летопись // ПСЛ. - Т. IX. - СПб., 1862.

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Рис.1. Предметы дружинного быта древнерусского происхождения, найденные на территории Булгарии.

1, 2 - булавы, 3, 4 - пряжки, 5 - боевой орнаментированный топорик; 1-4 - бронза, 5 - железо.

Рис.2. Наконечники ножен меча, найденные в Булгарии.

1 - Болгарское городище, 2 - Билярское городище; 1-2 - бронза.

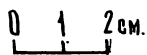
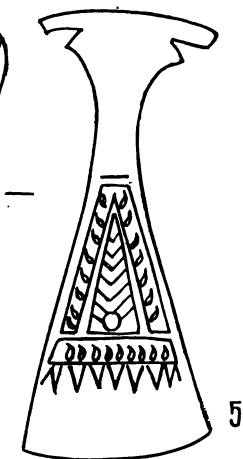
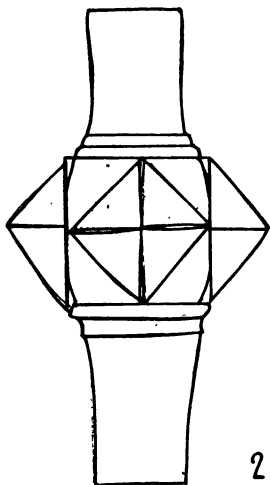
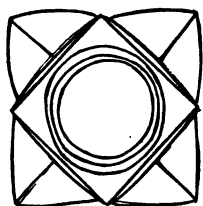
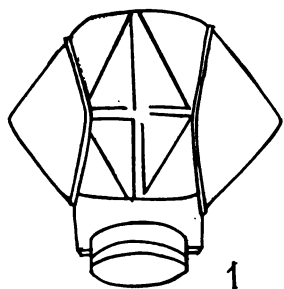

Рис. I

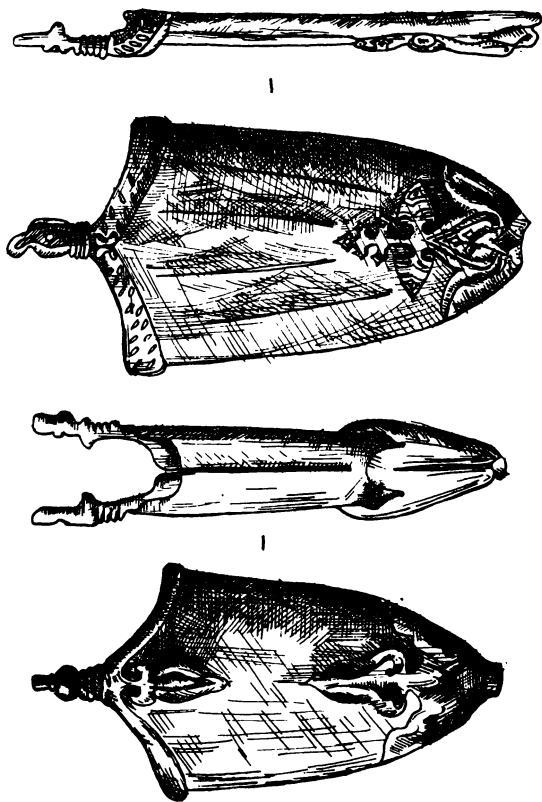

Рис. 2

СЛАВЯНСКОЕ ЖИВОТИННОЕ ГОРОДИЩЕ НА Р.ВОРОНЕЖЕ

Животинное городище расположено на высоком мысу правого берега р.Воронеж, в 3,5 км от с.Староживотинное Рамонского района Воронежской области (Рис.1). Мыс, который занят городищем, довольно узкий и длинной осью ориентирован по линии: север-юг. Высота его 30-40 м. Размеры, площадки, занятой городищем 30-120 м шириной и 520-540 м длиной. Длина самого мыса значительно больше. Склоны его довольно крутые, особенно восточный, обращенный в сторону русла р.Воронеж. С западной стороны, где склон мыса более пологий, была сделана искусственная подрезка. Городище имеет три линии укреплений: первая отстоит от оконечности мыса на расстоянии 240 м и отсекает часть мыса в самом узком месте. Эта линия укреплений представляет собой глубокую (5-7 м) естественную седловину - ров, ширина которого по верху составляет 10-12 м, книзу он сужается. Вал очень расплывчатый, высота около 1-1,5 м, ширина 6-10 м. Длина этой линии укреплений 80 м. Вторая линия укреплений отстоит от первой на расстоянии 70-80 м. Она также представлена валом и рвом. Высота вала 1,5-2 м, ширина его у основания 6-10 м, глубина рва - 1-1,5 м, ширина по верху - 4-6 м. Длина этой линии укреплений 40 м. Третья линия отстоит от второй на 160-170 м. Здесь также имеется вал и ров. Ширина рва по верху 2-4 м, глубина 1-1,5 м. Ширина вала у основания 4-6 м, высота 1-1,5 м. Длина этой линии укреплений около 140 м. С севера, т.е. со стороны стрелки мыса, где имеется довольно пологий склон, со стороны поймы, площадка городища отсекается рвом и валом.

Животинное городище исследовалось славянским отрядом археологической экспедиции Воронежского университета в 1974, 1977, 1982-1986 гг. (1, с.53; 2, с.45; 3, с.59; 4, с.53-54; 5, с.53-54).

Общая площадь, раскопанная на городище, составляет около 2,5 тыс. кв.м. Кроме славянских материалов конца I - нач.II тыс., которые составляют около 80% всей коллекции животинного городища, здесь обнаружены материалы эпохи бронзы, раннего железного века, первых веков нашей эры и древнерусского периода - XII - нач.XIII вв.

На основной исследованной площади поселения культурный слой составляет 0,4-0,6 м, к восточному склону мыса толщина его достигает 1,5 м. Судя по концентрации западин (остатки жилищ), ос-

новная часть поселения располагалась на площади мыса, отделенной первой линией укреплений. Лишь небольшая часть поселения, судя по количеству западин, распространялась между 1-ой и 2-ой линиями укреплений. За пределами 2-ой линии укреплений западин нет. Раскопкам подверглась 1-ая линия укреплений: вал и седловина - ров (рис.2а). На месте раскопа высота вала достигала 1,5 м, а ширина его подошвы около 15 м, глубина седловины 3-4 м, а от вершины вала - 6-8 м, ширина по верху - около 20 м. Внутренний склон более крутой, нежели внешний. На данном мысу было поселение в период раннего железного века и седловина была использована для сооружения его укреплений. В то время перед седловиной с внутренней стороны были поставлены три деревянные стены, от которых в материке остались канавки. Укрепления эпохи раннего железного века выделяются и в стратиграфии вала. Слой над канавками высотой 0,5-0,6 м представляет собой золистую почву серого цвета, перекрытую сверху по всей площади глиной сверху кирпичного, а ниже - желто-белого цвета. Толщина слоя глины 0,15-0,35 м, глина покрывает частично и внешний склон седловины. Если под глиняной площадкой в золистом слое встречена исключительно только керамика раннего железного века, то выше ее в основном керамика славянская - конца I тыс. Таким образом, на основании анализа данных раскопок этой линии укреплений вырисовывается следующая картина. В эпоху раннего железного века поселение было укреплено деревянными стенами, а седловина использовалась в качестве рва без какой-либо дополнительной обработки. Славяне, заселив этот мыс, значительно углубили седловину (примерно на 2 м), подчистили внутренний ее склон, сделав его более крутым и труднодоступным. Глина из рва и подчистка седловины перекрыла укрепления периода раннего железного века. Сверху это глиняное перекрытие было слегка обожжено. Таким образом, собственно вал стал выше, седловина-ров глубже и общая высота укреплений в настоящее время достигает (от дна рва до вершины вала) 8-8,5 м. В том, что дополнительная обработка седловины (рва осуществлялась в славянский период, убеждает тот факт, что в заполнении рва, включая и его самый низ, встречена керамика и другие находки (включая наконечник стрелы) только конца I тыс. На дне рва у основания внутреннего склона была расчищена канавка глубиной 0,25 м; шириной до 1 м. Вероятно, сюда ставились какие-то дополнительные деревянные надолбы, укрепляющие внутренний склон рва. Поверх укреплений (вала) раннего железного века, ближе к его

внутреннему краю были поставлены деревянные срубы, заполненные, вероятно, землей (культурным слоем), которые особенно четко видны в профилях раскопа. Длину срубов вдоль вала трудно определить, а ширина их хорошо определяется по профилям - около 5,5 м. Основание срубов выложено почти по всей площади камнями, много их встречено и в заполнении. К сожалению, никаких остатков дерева не прослежено. В заполнении исследованной части сруба обнаружено значительное количество славянской лепной керамики, несколько обломков железных поделок, глиняное пряслице.

Таким образом, применение деревянных конструкций при сооружении укреплений городища несомненно.

При описании Животинного городища обращалось внимание на наличие искусственных укреплений в виде вала и рва со стороны северной оконечности стрелки мыса, где имеется довольно пологий спуск. Наличие здесь укреплений не характерно для славянских памятников второй половины I тыс. и предполагалось, что эта линия укреплений связана с поселком эпохи раннего железного века. Но раскопки опровергли это мнение (Рис. 26). С этой стороны славянский поселок также был надежно укреплен. Склон мыса был подтесан на ширину около 5,5 м и на высоту - 2,8 м. Эта отвесная материковая стена была укреплена от оползания грунта деревянной стеной, остатки которой были прослежены. Возможно, это был плетень. Перед этой площадкой был выкопан небольшой ров глубиной 0,5 м, шириной 1,2-1,5 м. Конечно, с точки зрения обороны, он не имел какого-либо практического смысла. Даже трудно сказать что-либо о его назначении. Выше, на ровной площадке был насыпан вначале небольшой вал-платформа из глины и чернозема, на которую была поставлена деревянная стенка, остатки которой в виде небольших угольных скоплений прослежены в засыпке вала. С внешней стороны, т.е. со стороны склона, деревянная стена была укреплена земляной подсыпкой - откосом. Во время разрушения стены земляной откос вместе со стеной падали вниз, поэтому искусственная подрезка в настоящее время в этом месте до раскопок не прослеживалась. С внутренней стороны к линии укреплений примыкали полуземляночные постройки. Остатки одной из них частично были вскрыты. В материк постройка углублена на 0,25-0,4 м. Примерные ее размеры 4,5 x 4 м. Длинной осью она ориентирована по линии ССБ-ККЗ. В юго-восточной части и на материковом основании располагалась печь-каменка. Вдоль северо-западной стены, которая выявлена почти по всей длине, расчищено несколько довольно мощных

столбовых ям глубиной 0,25-0,48 м, диаметром 0,3-0,5 м. Находок в постройке, кроме нескольких костей животных, славянской керамики и куска смолы, никаких не обнаружено. Данная постройка, безусловно, связана с укреплениями. Трудно сказать, располагались ли аналогичные постройки вдоль всего вала. Западины не прослеживаются, так же, как и от рассмотренной постройки, они могли заплыть землей в процессе разрушения укреплений.

Исследование Животинного городища позволило несколько дополнить представления о жилищах донских славян вообще и в частности воронежской группы памятников. Здесь исследовано 47 жилищ полуземляночного типа.

Прежде всего необходимо отметить, что на Животинном городище встречены жилые постройки каркасно-столбовой (86%) и срубной (14%) конструкций. Все жилища со срубной конструкцией имеют площадь 10-16 кв.м, в то время как каркасно-столбовые постройки с такой площадью составляют чуть более половины - 55%, а 15% жилищ этой группы имеют площадь более 20 кв.м. Большинство срубных построек имеют меньшую заглубленность котлованов - до 0,6 м. Если котлованы на Животинном городище выкапывались в глинистом материке на глубину не более 0,7 м (как это имеет место в постройках срубной конструкции), его контуры имеют четкие очертания и правильную, чаще всего почти квадратную форму. Но в тех случаях, где глубина котлована доходила до 1 м и более (каркасно-столбовые постройки) и он частично выкапывался в песчаном материке, там стены его имели несколько неправильную форму и к полу опускались под большим углом. Это было связано с тем, что во время ретя котлована стены могли обваливаться. Большинство жилищ (около 60%) углами ориентировано по линии С-Ю, З-В, а около 40% - по линии СВ-ЮЗ и СЗ-ЮВ. В тех котлованах, где глубина не более 0,5 м, пол, как правило, глиняно-материковый, но там, где она доходит до 1 м и больше, материковый пол - песок и его дополнительно перекрывали глиной или деревом. В постройке № 31 материковый глиняный пол частично обожжен. В некоторых постройках он был комбинированный: частично деревянный, частично глиняный. Многие котлованы построек имеют различную глубину материкового основания, что, очевидно, делалось с целью придания большей горизонтальности полу. У жилищ, сооруженных на склоне, одна из стен со стороны склона сходит на нет и такие жилища представляют собой комбинации жилищ полуземляночного и наземного типа. Во многих жилищах имеются хозяйственные ямы. В ряде случаев хозяй-

ственные ямы, находясь за пределами котлованов, вплотную к ним примыкали, как бы являясь продолжением жилищ. Уровень пола хозяйственных ям и жилищ в таких случаях был одинаков.

Интересны отопительные сооружения в жилищах Животинного городища. Их можно разделить на три типа. Около 60% печей сооружено на глиняном материковом останце. Ряд печей сделан на специально сооруженном глиняном основании. Подавляющее большинство (около 54%) сооружались из камня с глиной, где глина служила как бы связующим материалом (I тип). Вторым типом печей являются каменки (24% жилищ). В ряде построек печь-каменка поставлена непосредственно на материковом полу. Под некоторыми из них имеются углубления (8-10 см) диаметром 0,5-0,7 м, сильно прокаленные, иногда подмазанные глиной, свидетельствующие о том, что на данном месте существовала более ранняя печь-каменка, возможно, меньших размеров, а это углубление является ее подом. Почти во всех случаях в этих углублениях находили стенки славянских сосудов. В одной из построек (№ 24) печь-каменка, сооруженная на материковом полу, была сверху перекрыта еще одной, но глинобитной печью. Некоторые печи сложены из шлака, в некоторых жилищах имеются предпечные ямы. Они, как правило, неглубокие (до 0,25 м). В одной из построек № 10 встречена абсолютно целая круглая глиняная печь с отверстием в центре, сделанная из материкового останца (3 тип). Подобные печи на других славянских памятниках в бассейне Дона не были ранее известны. Еще в одной постройке (№ 33) печь была сделана из глиняного материкового останца. Она имеет подковообразную форму, верх ее разрушен, возможно, он был из камня.

В ряде построек кроме основной печи, сооруженной из камня и глины, имелись и открытые очаги, расположенные на значительном расстоянии от стационарных печей, использовавшиеся или для дополнительного обогрева жилища, или только в летнее время. В материковых стенках некоторых построек в районе печей имеются небольшие выемки. Возможно, это своеобразные дымоходы.

В жилищах Животинного городища печи не имеют своего традиционного постоянного места, хотя большинство из них располагается по углам.

В ряде построек Животинного городища прослежены некоторые детали устройства крыши. Сверху деревянная кровля перекрывалась землей, которая покрывалась глиной, нередко слабо обожженной.

Заканчивая описание жилых построек Животинного городища, можно отметить ряд общих черт, характерных для жилищ донских славян

а именно: 1. Все жилища представляют однокамерные, изолированно стоящие постройки квадратной, реже прямоугольной формы. 2. Жилища были типа полуземлянок, о чем свидетельствуют прослеженные на современной поверхности западины. 3. Котлованы всех построек имели деревянные облицовки материковых стен, в основном; каркасно-столбовой и срубной конструкции. 4. Все жилища имели печи, большинство из которых складывались из глины и камня, и располагались в одном из углов жилища.

Но в то же время, намечаются и некоторые различия в жилищах двух районов лесостепного Дона: Средний Дон (городища Титчиха, Большое и Малое Боршевские) и Верхний Дон - р. Воронеж (городища Животинное и др.):

1. Если на Среднем Дону жилища срубной и столбовой конструкций встречены примерно в одинаковой пропорции, то на Животинном городище преобладают каркасно-столбовые постройки.

2. Около 60% печей Животинного городища сооружено на материковом глиняном основании. Таких печей на поселениях Среднего Дона практически нет.

3. На Титчихинском и Боршевских городищах в постройках совершенно нет предпечных и хозяйственных ям, а на Животинном городище и те, и другие встречаются довольно часто.

4. На Животинном городище в 9 жилищах прослежены остатки деревянного пола и в 5 - глинобитного. Следы деревянных и глинобитных полов практически отсутствуют на поселениях Среднего Дона.

5. В ряде построек Животинного городища в качестве дополнительного отопительного устройства встречены открытые очаги. На поселениях Подонья очагов в славянских жилищах нет. То, что некоторые исследователи принимали за очаги, являлось, фактически, остатками разрушенных печей-каменок.

Различия эти не принципиального характера, но вместе с тем они свидетельствуют о наличии некоторых этнографических особенностей в культуре двух локальных групп славянского населения в бассейне Дона: Средний Дон и Верхний Дон (р. Воронеж). Эти отличия связаны, вероятно, с различными истоками формирования культуры донских славян (2).

На Животинном городище выявлено 133 хозяйственные ямы, совершенно различные по характеру использования. По форме (в плане) их можно разделить на три типа, округлые, яйцевидные или овальные, квадратные и прямоугольные.

Самую многочисленную группу составляют ямы I-го типа - 59 (44,5%). Ямы этого типа довольно разнообразны. Выделяется серия ям незначительных по диаметру - 0,45-0,9 м и глубине - 0,22-0,65 м. Эти ямы беспорядочно разбросаны на площади поселения. В них, как правило, находятся мелко раздробленные кости животных и рыб и мелкие фрагменты глиняной посуды. Какие-либо изделия из кости, металла и других материалов в этих ямах почти не встречаются. Использовались эти ямы как отходные или мусорные, куда выбрасывались различные хозяйственные отходы. Исключение составляет яма № 55, которая, судя по материалу, имела особое назначение. Диаметр ее около 0,8 м, глубина - 0,42-0,6 м. Дно ямы не совсем ровное, чуть вогнутое. В северной части в полу расчищена небольшая овальная ямка, возможно, от столба для навеса. Яма заполнена сильно гумусированным черноземом с большим количеством угольков. В самой нижней части заполнения найдены 23 обгоревших астрагала (три из них с отверстиями), маленький лепной славянский сосудик, точильный камень и много горелого зерна. Зерно было сосредоточено в центральной части и лежало на обломках сильно сгоревшей бронзовой чаши (или котла, т.к. сохранились железные ушки), которая стояла на какой-то деревянной подставке, также сгоревшей. Здесь же обнаружена верхняя часть красноглиняного кувшина болгаро-салтовского типа с лентовидной ручкой. При значительной плотности жилых и хозяйственных построек на городище, яма № 55 расположена на некотором удалении от жилых и хозяйственных комплексов. Весь комплекс этих фактов позволяет рассматривать данную яму как культовую для совершения каких-то языческих обрядов.

Ряд ям I-го типа имеет диаметр верха более одного метра, у некоторых он достигает 1,8 м, а в среднем - 1,2-1,4 м. Глубина их более значительна по сравнению с ранее рассмотренными - 0,5-0,9 м, а в отдельных случаях - до 1,5 м. Некоторые из них книзу сужаются и диаметр дна меньше диаметра верха. Находок в этих ямах немного. В некоторые ямы ведет ступенчатый спуск. Часть округлых ям имеет в разрезе грушевидную форму, т.е. книзу расширяется и диаметр дна у них больше диаметра верха на 0,3-0,4 м. Некоторые имеют подбой - небольшие ниши. Совершенно ясно, что ямы этой группы использовались для хранения продуктов. В них, как правило, находится значительное количество керамики, включая целые сосуды, крупные нераздробленные кости животных, а в ряде случаев - скопления костей рыб и чешуи. В отдельных округлых ямах располагались деревянные подки. В заполнении и у стен таких ям нередко видны

гумусированные прослойки. На этих полках, вероятно, хранились различные продукты и предметы. В ямах, котские можно связать с хранением зерна, обнаружено значительное количество обмазки, а также глиняной подмазки материкового песчаного пола и стен. Эти ямы, как правило, глубокие - до 1,5 м. В ряде ям встречено большое количество золы, очень чистой, без примесей углей. Создается впечатление, что она здесь специально собиралась. Некоторые округлые большие ямы, после использования их по прямому назначению как ямы-хранилища, были превращены в ямы для сбора хозяйственно-го мусора, в них много мелких раздробленных костей животных, рыбных костей и чешуи, а также встречаются обломки славянской посуды.

Ям второго типа - овальной или яйцевидной в плане формы - меньше, чем округлых - 38 (28,5%). Большинство из них предназначались для хранения различных продуктов. В разрезе они, как правило, конической формы, сужаются ко дну. Размеры этих ям в плане нестабильны - от 0,44 x 0,68 м до 1 x 1,38 м, глубина колеблется от 0,25 до 0,8 м.

Среди ям овальной формы выделяется небольшая группа, которая несколько отличается и по форме, и по размерам, и по характеру заполнения, и, вероятно, по назначению. Во-первых, эти ямы имеют вытянутую как в плане, так и в профиле цилиндрическую форму, почти отвесные стены и небольшую глубину; во-вторых, низ заполнения этих ям, особенно у дна, отличается большой гумусированностью; в-третьих, исключительно малое количество находок, почти полное отсутствие среди находок каких-либо предметов, за исключением лишь костей животных и фрагментов керамики. Вероятнее всего, эти ямки использовались для содержания в зимнее время животных - молодняка и, прежде всего, овец, это были своеобразные овчарни. На Титчихинском городище А.Н.Москаленко раскопала удлиненные полуземляночные постройки (7, с.60). Похожие постройки открыты И.И.Ляпушкиным (8, с.301) на Карнауховском поселении салтово-маяцкой культуры на Нижнем Дону. Овальные ямы Животинного городища, связанные нами с местом для содержания скота, отличаются от построек Титчихинского городища и Карнауховского поселения прежде всего размерами, они значительно меньше. Самое большое помещение на Животинном городище имеет размеры 1,35 x 3,2 м, размеры дна 1 x 2,4 м, глубина-0,68 м. Но размеры этих построек определяют и количество мелкого скота, и характер его содержания. На Животинном городище его было немного, о чем свидетельствуют

данные остеологического анализа, и содержался он, вероятно, не коллективно, а каждой семьей в отдельности.

Хозяйственные ямы третьего типа, имеющие в плане квадратную или прямоугольную форму, составляют на Животинном городище около 27% (36 ям). Подавляющее большинство этих ям имеет вертикальные стены, ровный пол. Площадь их различна: до 2 кв.м - II, 2-3 кв.м - Iб, 3-4 - 7, свыше 4 кв.м - две. Глубина ям также различна: 0,15 - 1,3 м. Прямой зависимости площади ям и их глубин не прослеживается. Подавляющее большинство ям площадью 2 кв.м имеют на полу столбовые ямы, свидетельствующие об облицовке стен деревом и о перекрытии ям. Облицовка производилась путем закладки деревянных плах за столбы-стоянки. В большинстве ям и вокруг них в слое встречено значительное количество глиняной обмазки - обожженной и необожженной. Куски обмазки, обнаруженные в заполнении ям, можно связать с обмазкой стен ямы. В некоторых ямах, как и в жилых постройках, имеется забутовка между деревянной облицовкой и материковыми стенками. В таких случаях глиняная обмазка, накладывалась поверх деревянных стен и она сохранилась только в заполнении ям. В некоторых ямах хорошо прослежен ступенчатый вход. О характере использования ям квадратной и прямоугольной формы свидетельствуют обнаруженные в них находки. Это и орудия труда, и крупные, нараздробленные кости животных, и самое главное, именно в этих ямах обнаружено в значительном количестве зерно. Хозяйственные ямы квадратной или прямоугольной формы правильной будет их называть ямами-погребями или амбарами. Значительные по площади, с мощными деревянными перекрытиями, покоящимися на столбах, сверху засыпанные слоем земли, глины для сохранения внутри погреба-амбара микроклимата (не случайно на месте данных сооружений в настоящее время не прослеживаются западины), облицовка стен деревом и обмазка глиной - все это выделяет эту группу ям из числа других. Погребя или амбары были предназначены для хранения различных продуктов и прежде всего зерна. Аналогичные ямы, правда без столбовой конструкции, встречались ранее на славянских памятниках Дона, но в очень незначительном количестве и без четких свидетельств о характере их использования.

Интересна коллекция славянской керамики с Животинного городища. По своим основным показателям, она соответствует керамике с других славянских памятников бассейна Дона (9). Исходя из этого можно отметить, что типология славянской посуды, разработанная нами на материалах среднедонских поселений (Титчихинское,

Большое Боршевское и др. городища), вполне может быть использована и для керамического комплекса Животинного городища. Встречены здесь и горшки I и 2-го типов, для которых характерна вытянутость тулова, слабая профилировка и отсутствие орнамента на тулове сосудов. Эти горшки по всем показателям могут быть связаны с наиболее ранними группами славянского населения в бассейне Дона и прежде всего на р. Воронеж. Горшки 3-5 типов имеют более развитую форму и более разнообразный орнамент, в том числе и на тулове сосудов.

Часть горшков этих типов с Животинного городища при сохранении единства в пропорциях и профилировке, отличается технологией изготовления. Эта группа горшков сделана на гончарном круге и имеет совершенно иное тесто - без примеси шамота и крупного песка. Большинство из них орнаментировано по тулову волнистыми линиями. Край венчика этих горшков имеет косой или горизонтальный плоский срез. Эту группу горшков можно отнести к категории раннегончарных.

На Животинном городище встречена еще одна группа керамики, неизвестная по прежним раскопкам славянских поселений в бассейне Дона. Сюда относятся горшки с так называемым манжетовидным венчиком. Это гончарные сосуды, сделанные из хорошего теста с примесью мелкого песка, орнаментированные только по тулову линейно-волнистым орнаментом. Этот тип горшков составляет около 2% всей славянской керамики данного поселения (Рис. 3).

Керамический комплекс Животинного городища представляет значительный интерес для анализа типологического развития донской славянской керамики. Во-первых, здесь в полной мере проявилось высказанное в литературе мнение, что полуземляночные жилища, от которых на современной поверхности не сохранились западины, являются более ранними по сравнению с теми, от которых сохранились западины. Именно в этих более ранних жилищах обнаружены горшки первых двух типов и совершенно нет посуды раннегончарной 3-5 типов, а в постройках с раннегончарной керамикой совершенно нет горшков I и 2 типов. Все это позволяет говорить об относительно ранней хронологии горшков первых двух типов. Во-вторых, в ряде наиболее поздних жилых построек, где встречена раннегончарная керамика, включая манжетовидную, которая хорошо датируется концом X - началом XI вв. (Ю, с. 19), обнаружена и лепная посуда других типов (кроме I и 2-го), что свидетельствует об их существовании вплоть до конца функционирования славянского поселения на месте

Животинного городища. В-третьих, раннегончарная посуда и по форме, и по основным пропорциям не выходит из круга обычной лепной посуды. Повторяя полностью лепную посуду, отличается только технологией (лучшее тесто, применение круга) и в связи с этим особенностью орнамента (линейно-волнистый). Все это свидетельствует о неразрывной связи лепной и раннегончарной посуды, которая появилась на местной основе. В-четвертых, из этой линии развития выпадают горшки с манжетовидным венчиком, которые явились совершенно иным этапом в керамическом производстве. Исходя из этого, гончарные горшки с манжетовидным венчиком выделены в отдельный тип, тем более их обнаружено очень мало и нет целых форм. В то же время, необходимо еще раз подчеркнуть, что и горшки с манжетовидным венчиком встречены в одних комплексах с лепной посудой, т.е. и здесь наблюдается сосуществование разнородной керамики. Даже сравнительно развитая керамика не вытеснила полностью лепную.

Животинное городище является единственным памятником в бассейне Верхнего и Среднего Дона, на котором удастся проследить появление гончарного круга и определенную эволюцию керамического производства, которая протекала, хотя и с некоторым запозданием, но по тому же пути, что и в других районах восточнославянского мира.

Кроме керамики в культурном слое, в жилых и хозяйственных постройках выявлена интересная и многочисленная коллекция вещей из металла, кости, камня, стекла - всего около 2 тысяч различных предметов. Выявлены остатки местного ювелирного производства, плавки и обработки черных металлов. Высокоразвитое животноводство, охота, рыболовство, земледелие - все эти виды хозяйственной деятельности нашли отражение в археологическом материале.

В заключении данной статьи необходимо остановиться на вопросах хронологии Животинного городища.

Основной массой вещей Животинное городище может быть датировано IX-X вв. Среди них можно назвать коньковую подвеску (рис. 4, I) типа, бытовавшего в основном в финно-угорской среде. По мнению Голубевой Л.А. (II, с.44), к славянам они не проникали и датируются данные подвески X-нач. XI вв. На Животинное городище она, вероятно, попала из Волжской Болгарии, где могло быть собственное производство этих изделий. Не случайно полная аналогия данной подвеске встречена в материалах Билярского городища (II, табл. I7,8)

Целая серия наконечников стрел, встреченная на Животинном городище, относится к разным типам (рис.4,4-9), весьма широко распространенных на славянских памятниках Дона и в Днепровском Левобережье в пределах IX-X вв. Среди вещей, которые дают довольно четкую дату, необходимо отметить бронзовый перстень с гладким щитком (Рис.4,2). Аналогичный перстень встречен в Шумске, где он датируется IX в. (12, с.10, табл.30,7), от рубежа VIII-IX до конца X вв. они широко бытуют в салтово-маяцкой культуре (13, с.150, рис.37). Среди датирующих вещей на Животинном городище можно назвать и ряд других: ножи с волотообразным навершием (Рис.4,10-12), ресала, бусы и др. Все они подтверждают дату IX-X вв.

Но вместе с тем на Животинном городище имеется определенная группа материалов, позволяющая несколько расширить хронологические рамки данного памятника. Это, прежде всего, керамика. Выше уже обращалось внимание на то, что горшки I и 2 типов на Животинном городище встречены, главным образом, в жилищах, которые были заброшены еще в период существования здесь поселения. Это отнюдь не означает, что в этих жилищах нет керамики других типов, но два первых типа горшков встречены только в этих постройках. Керамики же, правленной на кругу, не говоря уже о раннегончарной, в этих постройках нет. Все это позволяет считать, что и на Животинном городище, так же, как и на других памятниках в бассейне Дона, горшки I и 2 типов являются более ранними по отношению к другим. Типологически данная керамика вполне сопоставима с раннеславянской посудой Днепровского Правобережья, датируемой VIII в.

Для подтверждения данной даты необходимо отметить, что ряд вещей, найденных на Животинном городище, относятся к VIII-IX вв. Среди них, прежде всего, перстень с каменной вставкой (рис.4,3) широко распространенный в салтово-маяцкой культуре во второй половине VIII- начале IX вв. (13), трехконечная лунница, близкая по форме титчихинской, датируемой А.Н.Москаленко ранее IX в.

Таким образом, и на Животинном городище можно выделить определенные комплексы, датируемые если не полностью VIII в., то во всяком случае его второй половиной.

Подавляющее большинство поселений донских славян, и прежде всего, расположенных на Среднем Дону, прекратило свое функционирование в самом конце X в., как считает ряд исследователей, из-за все возрастающей угрозы со стороны степных кочевников. Но на поселениях по р.Воронеж, в частности на Животинном городище, жизнь продолжалась и несколько позже. Во всяком случае, мате-

риалы свидетельствуют, что покинуто оно было в первой половине XI в. Для аргументации этой даты необходимо привлечь, прежде всего, раннегончарную керамику. Среди этой группы горшков была выделена керамика так называемого курганного типа с манжетовидным утолщением по краю венчика. Подобная посуда широко распространена на памятниках Поднепровья, где датируется X-XI вв. Но манжетовидная керамика Животинного городища изготовлена из хорошего плотного теста с примесью песка, с внутренней стороны венчика у ряда сосудов имеется выемка-углубление. Эти горшки по курганным древностям Поднепровья датируются XI в. (14, с.12).

Кроме манжетовидной керамики, на Животинном городище встречена большая серия вещей, датируемая X-XI вв.: простые лимонovidные бусы, встречающиеся в X- первой четверти XI в., бусы с золоченой и серебряной прокладкой, которые широко бытуют в XI в., импортные красноглиняные кувшины с высоким горлом и плоской ручкой, центр изготовления которых, вероятно, был в Херсонесе, и другие вещи. Существенное значение для датировки Животинного городища имеет находка фрагмента стеклянной чаши, которая, по определению Ю.Л.Щаповой, византийского производства и датируется первой половиной XI в. Таким образом, Животинное городище можно датировать серединой УШ- первой половиной XI вв.

---

1 Бинников А.З. Раскопки славянских памятников на р.Воронеж // АО 1974 года. - М., 1975.

2 Бинников А.З. Раскопки Животинного городища на р.Воронеж// ОА 1984 года. - М., 1986.

3 Бинников А.З. Работы в Лесостепном Подонье // АО 1985 года. - М., 1987.

4 Бинников А.З. Раскопки Животинного городища // АО 1986 года. - М., 1988.

5 Бинников А.З., Пряхин А.Д. Раскопки Животинного городища на р.Воронеже // АО 1977 года. - М., 1978.

6 Бинников А.З. Славянские курганы Лесостепного Дона.- Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984.

7 Москаленко А.Н. Городище Титчиха. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1965.

8 Ляпушкин И.И. Карнауховское поселение // МИА. - 1988- № 32.

9 Бинников А.З. Керамика донских славян конца I тысячелетия н.э. // СА. - 1962. - № 3.

10 Тимошук В.О. Давньоруська Буковина IX- перша половина XIУ ст. - Киев: Наукова Думка, 1982.

11 Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров// САИ.- 1979. - Вып.ЕІ-59.

12 Русанова И.П. Славянские древности VI-IX вв. между днестром.

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Рис. 1. План Животинного городища: а - переувья; б- заболоченная местность; в - луг; г - ров; д - тропинка; е - вал; ж - раскоп.

Рис. 2. Укрепления Животинного городища: А - I-ая линия; Б - на стрелке мыса; а - гумус; б - камни; в - зола; г - угольки; д - песок; е - глина; ж - горелое дерево; з - материк.

Рис. 3. Манжетовидная керамика с Животинного городища.

Рис. 4. - Находки с Животинного городища.

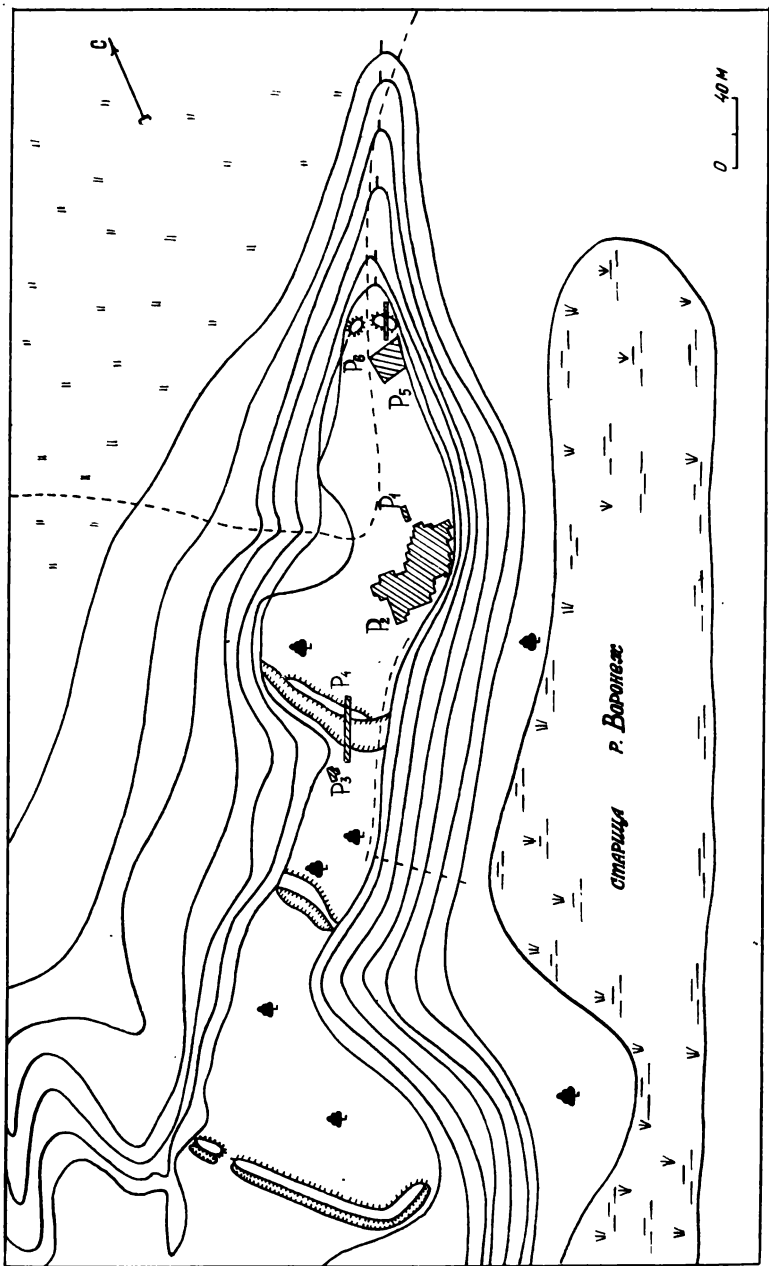

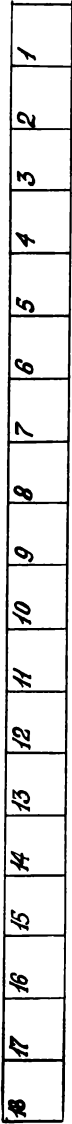

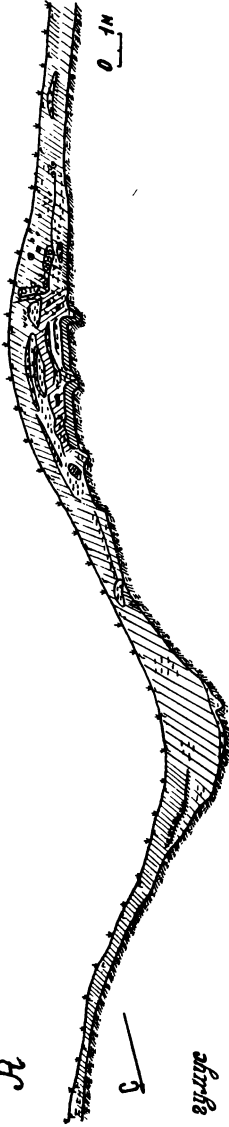
Рис. I

- а
- б
- с
- е
- ж
- з

сечение горизонталей - 5 м

а

булыж

паниль

зали

уголь

песок

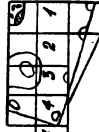
влага

горелое дерево

материк

б

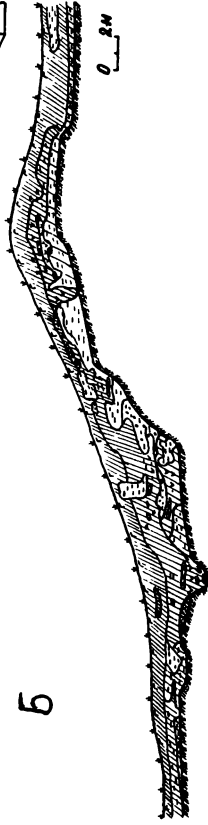

Рис. 2

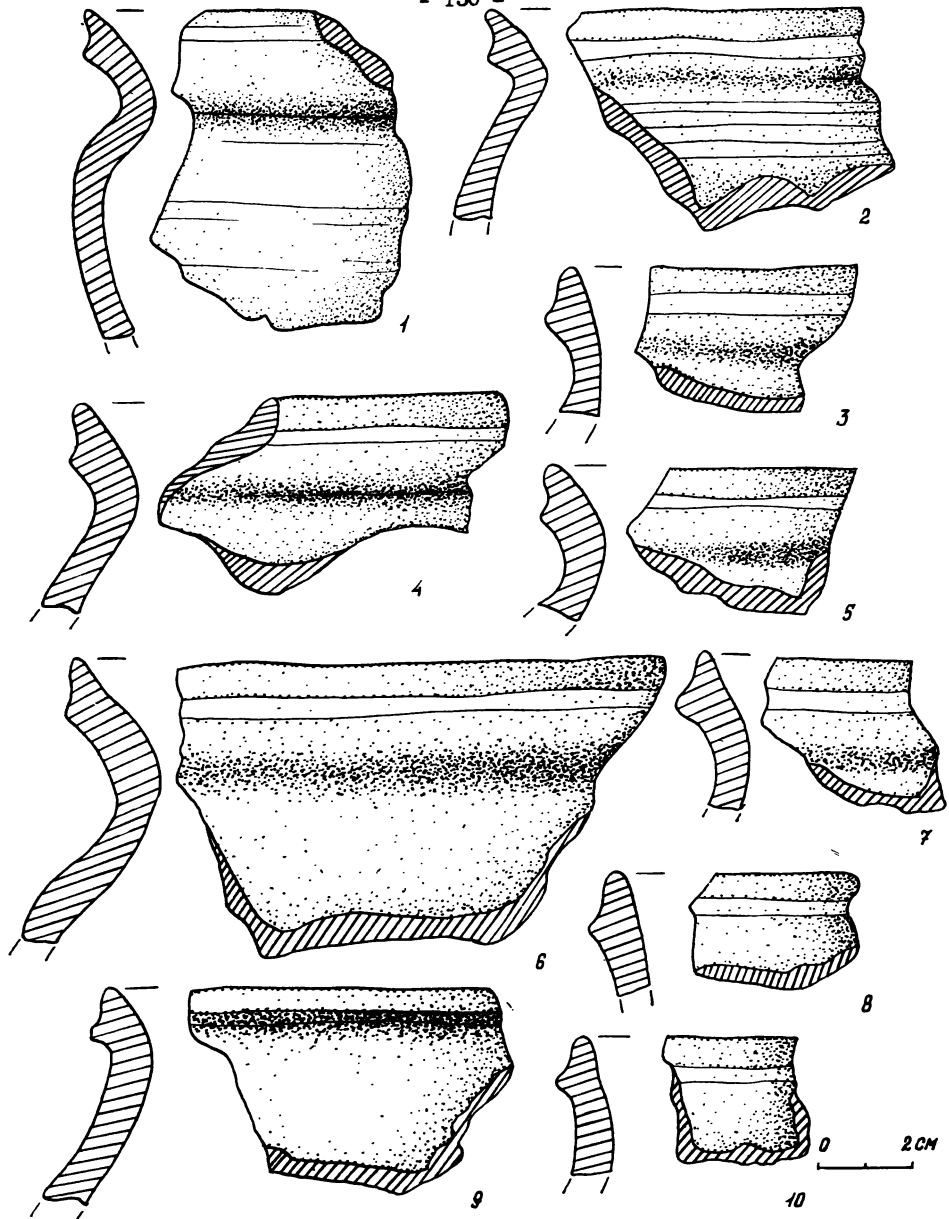

Рис. 3

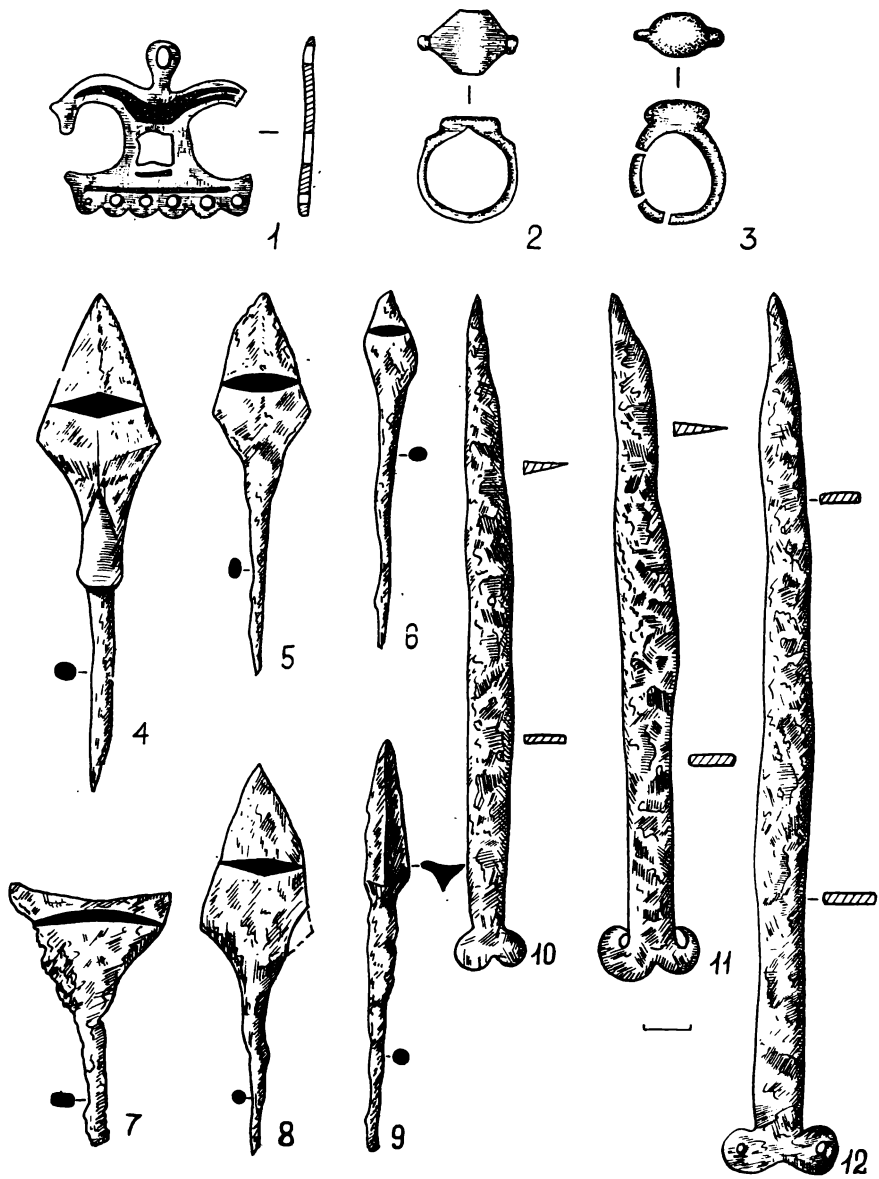

Рис. 4

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО - Археологические открытия
ВДИ - Вестник древней истории
ИОАИЭ - Известия Общества археологии, истории и этнографии
КСИА - Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК - Отчеты археологической комиссии
СА - Советская археология
САИ - Свод археологических источников
СЭ - Советская этнография
ПСРЛ - Полное собрание русских летописей

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Введение.	3
Моця А.П. Общие закономерности торгово-экономических взаимоотношений Киева и Булгара в IX-XIII вв.	5
Халиков А.Х. Торговые пути Булгарии в IX-XIII вв. и их археологическое изучение (на примере пути из Булгара в Киев).	12
Иевлев М.М., Моця А.П. "Русский" участок пути Булгар-Киев (особенности поселений и маршрута).	23
Давлетшин Г.М. О болгаро-киевских взаимоотношениях в области духовной культуры в X-XIII вв.	31
Вискалин А.В. Самарский вариант переправы через Волгу на пути из Киева в Булгар.	40
Зоценко В.Н. Волжская система путей сообщений в истории Южной Руси.	47
Коваленко В.П., Сытый Ю.Н. Торгово-экономические взаимосвязи Чернигово-Северской земли с Волжской Булгарией в IX-XIII вв.	54
Приймак В.В. О некоторых аспектах восточных связей населения междуречья Средней Десны и Верхней Ворсклы в УШ-сер.ХШ вв.	68
Руденко К.А. Булгарская бронзовая посуда и торговые пути средневековья.	78
Валеев Р.М. Торгово-экономические взаимосвязи Волжской Булгарии с Русью в IX-начале ХШ вв.	87
Якимов И.В. Изделия из розового шифера на территории Волжской Булгарии.	94
Измайлов И.Л. Военно-дружинные связи Волжской Булгарии с Южной Русью в X-XI вв.	102
Винников А.З. Славянское Животинное городище на р.Воронеже.	114
Список сокращений.	132

ПУТЬ ИЗ БУЛГАРА В КИЕВ

Редактор Ф.А.Садыкова
Технический редактор Л.Н.Дубкова

Подписано к печати 27.04.92г. Объем 8,4 п.л. Офсет.
Формат 60x84 1/16, Тираж 500 экз. Заказ № 4-151
Цена 5 руб. Темплан 1992 г., поз. № 6.

Производственное объединение им.К.Якуба Министерства
информации и печати Татарской ССР
Казань, ул.Баумана, 19.

5 руб.